

Тамара Матвева

Экспрессивность русского слова

Тамара Матвева

Экспрессивность русского слова

**семантика тематика средства выражения
лексикография**

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-98674-1

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

Тамара Матвеева

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ РУССКОГО СЛОВА

LAP LAMBERT Academic Publishing

2013

Научный редактор
кандидат филологических наук, доцент
Жданова Ольга Павловна

Матвеева Т.В.

Экспрессивность русского слова.

В книге содержится аспектная характеристика экспрессивной лексики русского языка. На литературно-разговорном, диалектном, просторечном, жаргонном материале рассматривается семантическое содержание категории лексической экспрессивности: общая структура лексического значения и состав коннотации полнозначного слова. Прослеживаются социальные аспекты экспрессивного лексического фонда русского языка, тематическая классификация экспрессивов. В систематизированном виде представлены средства выражения экспрессивности. Обсуждаются проблемы лексикографического описания экспрессивной лексики.

Отдельный раздел издания составляют семантические наблюдения автора, касающиеся отдельных проблем лексического выражения субъективной оценки в русском языке.

Оглавление

ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Введение ... 5

Глава 1. Семантика экспрессивного слова 11

- 1.1. О денотативной специфике экспрессивной лексики ... 11
- 1.2. Субъективно-оценочная семантика экспрессива ... 17
  - 1.2.1. Параметрический компонент лексической экспрессивности ... 20
  - 1.2.2. Эмотивный компонент лексической экспрессивности ... 32
- 1.3. Образность и экспрессивность ... 41
- 1.4. Экстралингвистические компоненты коннотации ... 45
  - 1.4.1. Функциональный компонент коннотации ... 46
  - 1.4.2. Культурный компонент коннотации ... 50
- 1.5. Семантика экспрессивного слова и социальный аспект лексики ... 53

Глава 2. Тематическая классификация экспрессивной лексики 57

- 2.1. Слова общей оценки ... 59
- 2.2. Тематически определённые экспрессивы ... 63

Глава 3. Средства выражения лексической экспрессивности 73

- 3.1. Переносные лексико-семантические варианты слова ... 75
- 3.2. Фонетические средства экспрессивности ... 83
- 3.3. Производная экспрессивная лексика ... 90

Глава 4. Лексикография экспрессивных слов 101

Заключение ... 113

ЭТЮДЫ ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

- Полнозначные слова в роли интенсификатора ... 117
- О парадоксальной внутренней форме диалектных глаголов .. 122
- К вопросу о варьировании нулевых оценок ... 127
- Лексическая экспрессивность рифмованных повторов ... 133
- Разговорный максимализм в русском речевом общении ... 139
- Речевая техника уклончивости в диалоге ... 145
- Оценочная мотивация экспрессивного слова ... 154
- Оценочная лексика и её аксиологические возможности ... 159

Литература 163

Список сокращений..... 173

Благодарность

Дань искренней благодарности – моему учителю, профессору Эре Васильевне Кузнецовой. Всегда помню её радость от научных достижений, пусть самых малых, своих учеников, её погружённость в семантические проблемы русской лексикологии, её волю к результату научного исследования.

Сердечно благодарю профессора Нину Александровну Лукьянову, многолетнего собеседника по проблемам экспрессивности, – за преданность проблеме, такт оппонента, душевную щедрость.

ВВЕДЕНИЕ

Орудие познания действительности и общения людей, язык полифункционален. Выявлению функций языка уделялось внимание в рамках теории общего языкознания (В. Гумбольдт), психологии и лингвистики (К. Бюлер), Пражской школы функционального языкознания (В. Матезиус, Б. Гавранек, С.О. Карцевский, Н.С. Трубецкой) и др. направлений гуманитарного знания. Количество языковых функций вариативно (обзор см.: [Кронгауз 2001: 65–70]), так Р. Jakobson выделял шесть основных функций: эмотивную (связана с интенциями говорящего), конативную (реализует установку на адресата), референтивную, или когнитивную, денотативную (связана с отражением действительности), фатическую (отражает установку на контакт), поэтическую (отражает установку на форму сообщения), метаязыковую (отражает установку на систему языка) [Jakobson 1975]. При всей разнице подходов три основные функции языка выделяются достаточно непротиворечиво. Это, по Гумбольдту, коммуникативная (функция общения), когнитивная (функция номинирования фактов и оформления мыслей) и экспрессивная (выражение эмоций и оценок говорящего) функции. Характерно, что предложенная Ю.С. Степановым [Степанов 1973] триада основных функций языка – синтаксической, номинативной и прагматической – хорошо экстраполируется на предыдущую группу терминов.

Все названные функции в равной степени важны. Для отражения мира понятийная (когнитивная, номинативная, денотативная) функция языка является главной, но не может оставаться единственной, поскольку познавательный аспект отражения неотделим от коммуникативного и ценностного [Винарская 1989: 7]. Ш. Балли писал: «Усилие, совершаемое разумом для того, чтобы приблизиться к объективной реальности, почти всегда тщетно, ибо мы являемся рабами собственного «я», мы постоянно примешиваем его к явлениям действительности, и последняя не отражается, а преломляется в нас» [Балли 1961: 22–23]. Иначе говоря, человек отражает в языке не только мир, но и самого себя. Тем более это относится к экспрессивному фонду языка, который «насквозь антропоцентричен» [Лукьянова 2012: 21].

Экспрессивная функция языка вообще и слова в частности связана с адресантом речи, но, с учётом двустороннего характера языкового общения, позиция его субъекта неотрывна от позиции адресата речи. Идея самовыражения посредством языка, безусловно, находит своё воплощение. Однако реализуя коммуникативную функцию язы-

ка, субъект выражает своё отношение к означаемому для адресата, он открывает личное отношение к предмету речи для собеседника, часто с осознанной целью воздействия на сознание последнего. Так семантический аспект экспрессивности срастается с прагматическим, соответственно, экспрессивная функция может приравняться к прагматической (функции воздействия) [Киселева 1978, Телия 1991б].

Выражение субъективной позиции говорящего обеспечено наличием языковых единиц, специально предназначенных для её реализации. Лексический уровень языковой системы характеризуется наличием богатого и разнообразного пласта экспрессивных слов, специально ориентированных на отражение субъективного мнения по поводу предмета речи и воздействие на адресата речи. Этот лексический фонд особым образом организован и дифференцирован в функционально-семантическом отношении. Весь он целиком состоит в оппозиции к совокупности сугубо понятийных (когнитивных, объективизированных) наименований, системно связанных между собой на логико-лингвистических отношениях и образующих нейтрально-номинативный фонд языка.

Исходной посылкой семантического анализа экспрессивного слова является понимание лексики как системы, с вытекающим из этого положением представлением об упорядоченности лексического фонда: наличии в нём подсистем и групп разной степени дробности, вплоть до минимальных – оппозитивных пар слов. Особенностью экспрессивных слов является то, что их лексическое значение опирается на нейтральные аналоги – собственно понятийные единицы разного ранга абстракции.

Относительность семантики экспрессивных лексических единиц составляет их важную особенность, указывая на вторичное происхождение данного лексико-семантического класса языковых единиц. Субъективно-оценочная семантика крепится на каркасе объективно-логического значения и вне данной структуры почти не встречается. Исключение составляют лишь эмоциональные междометия и звукоподражания – слова, лексически объективизирующие не понятие о явлении, а представление о нём [Торопцев 1985: 89–112].

Задача семантического анализа экспрессивного русского слова и семантической классификации русской лексики, поставленная в данной работе, предполагает предварительное обсуждение состава анализируемых единиц и методики анализа материала.

Материалом наших наблюдений послужили экспрессивные единицы русского языка, т.е. слова, экспрессивность которых уже осмыслена и зафиксирована в толковых словарях русского языка с помощью системы специальных помет и/или особого строения словарных дефиниций. Наряду с литературным, привлекается русский диалектный материал (в основном, лексика уральских говоров), а также просто-

речная и жаргонная лексика. Диалекты, языковые нормы которых не кодифицированы, более свободны в использовании разнообразнейших ресурсов родного языка с целью усиления выразительности речи. «В диалектной системе как бы сосредоточивается максимальный набор средств экспрессивного выражения», – пишет Т.С. Коготкова [1979: 204]. Основные источники материала делятся на две группы. Первую составляют различные словари: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль] «Словарь русского языка» в 4-х тт. под ред. А.П. Евгеньевой [СРЯ-4], Словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Е. Шведовой [ОШ], «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Складчиковой [ТСА], Словарь русских говоров Среднего Урала под ред. А.К. Матвеева [СРГСУ]. Во вторую группу входят опубликованные материалы живой речи города, прежде всего сборники «Живая речь уральского города: Тексты» под ред. Т. В. Матвеевой [ЖР] и «Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия», сост. И.В. Шалина [ЖРУГ], а также личные наблюдения автора.

Методика анализа, применяемая в данной работе, находится в рамках системного метода, одной из особенностей которого является одновременное исследование структуры и функционирования избранной системы [Комарова 2012: 267].

Общее направление предлагаемой работы является системно-семантическим. Типология функций экспрессивной лексики специально не рассматривается в силу желания автора сосредоточиться на языковом экспрессивном слове, тогда как вопрос о функциональном предназначении экспрессивов сильно смещён в область речи и текста. Очерк собственных функций экспрессивов, закладывающий основу данного направления функционально-прагматической экспрессиологии, представлен Н.А. Лукьяновой, называющей пятнадцать таких функций [Лукьянова 2008].

Исследование парадигматических (нелинейных, ассоциативных) отношений дополняется анализом синтагматических (линейных, контекстных) отношений. Применяется методика компонентного анализа, опирающаяся на представление о комбинаторности, внутренней структурированности лексического значения слова. В соответствии с системно-семантической концепцией, лексическое значение слова представляет собой определённым образом организованную совокупность семантических компонентов, мельчайшим из которых, далее неделимым является *сема*. Такой подход применяется и к однозначным, и к многозначным словам, однако семный состав функционирующей единицы (*семемы*) определяется применительно к слову актуальному: либо однозначному в языковой системе, либо многозначному в одном из своих лексико-семантических вариантов (отдельных значений). Сходство и, шире, любая связь значений слов (семем)

обеспечивается повторением определённой семы или нескольких сем, такая сема обозначается термином *семантический множитель*. Степень обобщённости или конкретности лексического значения пропорциональна количеству составляющих его сем.

Естественные процессы лексико-семантического варьирования, ведущие к развитию многозначности, нередко заканчиваются формированием экспрессивных лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Семантический анализ последних требует определения моделей многозначности и сравнения мотивированных экспрессивных ЛСВ с их мотиваторами. Под моделью многозначности понимается типовое соотношение семантики первичных и вторичных значений, связанных отношением непосредственной мотивации [Шмелев 1964: 64].

Семы, входящие в состав лексического значения (семемы) неоднородны и могут квалифицироваться на разных основаниях, логических и логико-лингвистических. В современной русистике преобладает логико-лингвистический подход, основанный на анализе и последующем сравнении словарных дефиниций лексической единицы (работы В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, А.А. Уфимцевой, Э.В. Кузнецовой и др.; обзор см.: [Стернин 1985: 54–56], Данный подход позднее был назван дефиниционным вариантом компонентного анализа [Селиверстова 2002]. В ходе исследований данного направления выработана общая типология сем. Последние делятся на три типа: 1) категориальные (категориально-лексические, архисемы) – эти семы имеют значительную обобщающую силу, являются родовыми, группируют вокруг себя значительное количество семем; 2) дифференциальные (гипосемы) – обладают меньшей обобщающей силой, конкретизируют категориальную сему в качестве сем видового значения; 3) потенциальные (ассоциативные) – семы, актуализируемые в отдельных случаях, а в дефинитивном плане избыточные, в словарное определение, как правило, не включаемые. При объединении ряда лексико-семантических групп, каждая из которых имеет собственную архисему, интегральную задачу выполняет сема ещё более высокого ранга абстракции, или гиперсема (классема). Системные отношения в лексике могут устанавливаться на основе дублирования сем любого типа.

В интересующем нас плане важна также отражательная концепция лексического значения. Согласно этой теории, лексическое значение слова (семема) может состоять из одной либо двух частей. Основная и обязательная часть семемы, связанная с реализацией понятийной функции языка, образует денотативный (когнитивный, дескриптивный, денотативно-сигнификативный) компонент лексического значения – его объективное (логическое, предметно-понятийное, вещественное) содержание слова, образованное комплексом сем разного статуса, системно связанных между собой. Лексическое значение слова может исчерпываться его объективно-понятийным содержанием.

Вторая часть лексического значения, связанная с реализацией экспрессивной (прагматической) функции языка, – это коннотативный компонент, или *коннотация*. В ней сосредоточено субъективно-оценочное содержание слова, составляющее специфику экспрессивных лексических единиц. Данная концепция сильна тем, что опирается на физиологию мозга: одна часть значения (денотативно-сигнификативная) связана с активностью левого полушария, другая (коннотативная) определяется доминированием деятельности правого полушария человеческого мозга.

Традиционно коннотация толкуется как дополнительные к понятийному созначению эмоционально-экспрессивно-оценочные обертоны, накладывающиеся на основное значение слова [Ахманова 1966: 203–204], семантические ассоциации, сопровождающие лексическое значение [Кронгауз 2001: 138]. Данное понимание требует уточнения и дополнения. В частности, заслуживает обсуждения семный состав коннотации. Ограничивается ли объём коннотации эмотивной и оценочной семантикой? В каком отношении к экспрессивности находятся понятия образности, стилевой и стилистической окраски, понятие культурно-фонowego содержания слова? Каково соотношение коннотативных сем между собой? Дискуссия на эту тему продолжается.

Коннотативный компонент лексического значения неоднороден по своему семному составу. Определение набора коннотативных сем и статуса отдельных их типов применительно к феномену экспрессивности находится в центре изучения семантики экспрессивного слова. В данной работе используется названная уже традиционная дихотомия терминов *денотативное / коннотативное значение*, хотя именно применительно к экспрессивной лексике понятие коннотации вызывает сомнения. Причина этого связана с ролью лексической коннотации в процессах функционирования слова. О семантической дополнительности коннотации принято судить только на логических основаниях: субъективно-оценочные семы надстраиваются над объективно-логическими, уточняя их восприятие говорящим; почти все экспрессивные слова имеют денотативный компонент лексического значения. Однако смысл существования экспрессивного слова в языке составляет коннотативная семантика. Субъективно-оценочная часть семемы действительно не может существовать без опоры на объективно-понятийный семантический базис, но в употреблении последний представляет собой, скорее, фон, арену развёртывания субъективного созначения, и только. Функционирование экспрессивных слов связано с актуализацией именно субъективно-оценочных сем, и последние не только не дополнительные по отношению к понятийно-логической семантике, но являются ядерными, ведущими компонентами значения экспрессивных слов. Такое «перераспределение ролей» не может не сказаться на всём комплексе аспектов экспрессивного слова. Во-

первых, выдвижение субъективной семантики в светлое поле сознания должно повлечь за собой определённые семантические процессы в денотативной сфере экспрессивного слова. Во-вторых, процессы субъективно-оценочного сопровождения будут, вероятно, захватывать не весь нейтрально-номинативный фонд языка, и приобретать более активный характер лишь на отдельных его участках.

Все намеченные проблемы рассматриваются автором в опоре на обширную литературу вопроса. Изучение экспрессивности имеет глубокую отечественную традицию и более чем полувековой опыт массированного сбора и анализа соответствующего языкового материала (очерк данной традиции дан в работе [Лукьянова 2012]). Специальным исследованиям семантики экспрессивного русского слова посвящены труды Л.А. Киселевой, М.И. Черемисиной, Н.А. Лукьяновой, В.К. Харченко, Ф.А. Литвина, Е.Ф. Петрищевой, Д.Н. Шмелева, В.Н. Телия, И.А. Стернина, Г.Я. Крейдлина, Л.Г. Барласа, Е.М. Вольф, В.И. Шаховского, Е.И. Шейгал, Е.В. Скворецкой, Г.Н. Складневской, Т.А. Трипольской и мн. др. Теория экспрессивности в русистике развивается на базе идей А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Б.А. Ларина, В.А. Звегинцева. В числе основоположников данной проблематики должны быть названы имена Ж. Вандриеса, К. Бюлера и особенно Ш. Балли.

Книга состоит из двух частей. Первая из них представляет собой систематизированное описание лексической экспрессивности русского слова в качестве семантического феномена. Во второй части представлены семантические разработки автора по конкретным проблемам лексической экспрессивности и прагматики.

Глава 1

СЕМАНТИКА ЭКСПРЕССИВНОГО СЛОВА

1.1. О денотативной специфике экспрессивной лексики

Экспрессивное слово, как правило, не лишено объективно-номинативной функции: его денотативный компонент указывает на определённое явление, это может быть и явление природы (натур-факт), и человек, и артефакт. Не обладают денотативным созначением («вещественной семантикой») эмоциональные междометия (*ай, ах, ох, ого* и под.), предназначенные для непосредственного выражения эмоций, а также коммуникемы – нечленимые предложения с непонятийной семантикой: *Легко сказать; Вот-вот; Ещё бы!; Какое там...;* и под., часть которых равна словам-предложениям [Меликян 2001]. Большинство же экспрессивных слов характеризуется семантической двухкомпонентностью: они обозначают определённое понятие об объекте речи и, главное, содержат субъективную характеристику этого объекта. Именно коннотативная часть лексического значения противопоставляет экспрессивное слово (ниже выделено жирным шрифтом) его нейтральному аналогу, ср.: *делать* – ***вершить***, *глупец* – ***ту-пица***, *выгнать* – ***вытурить***, *много* – ***прорва***, *удивлённый* – ***ошеломлённый***, *белый* – ***белоснежный***.

В процессах функционирования выразительные единицы не эквивалентны своим нейтральным аналогам (без экспрессивов высказывание теряет нужный пафос), многие экспрессивные слова не имеют однословных нейтральных соответствий. Сосредоточимся на особенностях денотативного компонента экспрессивного слова и характере его взаимосвязи с коннотативным компонентом.

Двухкомпонентное лексическое значение, о котором идёт речь, не означает механического совмещения, суммирования объективно-понятийной и субъективно-оценочной семантики. Эти два компонента теснейшим образом взаимосвязаны, причём функционально ведущим компонентом является коннотация. Смысловой центр тяжести приходится именно на субъективную оценку, ведь неоценочная номинация соответствующего объекта в языке уже создана. Переакцентировка значимости не может не оказывать влияния на своеобразие денотативного компонента лексического значения экспрессивного слова.

Опорные понятия, с которыми связаны экспрессивные лексические единицы (экспрессивы) чаще всего характеризуются неконкретностью, обобщённостью, хотя в нейтральной лексике есть большое количество слов, содержащих конкретизацию тех же самых понятий.

Так, понятие ‘человек’, ‘лицо’ многообразно конкретизировано в языке по разным смысловым линиям: *мальчик, юноша, старик* (конкретизация по возрасту), *отец, сын, дочь, внучка* (по признаку кровнородственных отношений), *строитель, машинист, стюардесса* (по признаку профессии) и т.д. Однако экспрессивные обозначения лица, как правило, безразличны к конкретизации: характеристики *торопыга* или *стонопа* (о том, кто постоянно жалуется, *стонет* по поводу и без повода) в равной степени могут относиться к ребёнку и взрослому, дочери и внуку, представителю любой профессии. Для этих характеристик логическая дифференциация родового понятия не существенна. Объективно-понятийным базисом экспрессивного слова является непосредственно родовое понятие. Сохраняют свою значимость лишь семы пола, причём семантика женскости выражается, как правило, суффиксально: *толстяк, врун* (о мужчине), *толстуха, врушка* – о женщине. Но даже эти семы в экспрессивном слове реализуются не последовательно: в числе экспрессивов довольно много существительных общего рода, пригодных для характеристики лиц того и другого пола: *верзила, дурында, вруша, копуша, лежебока, неряха, обжора, подлиза, сладкоежка, балаболка, ворона, лиса, рыба, трепло* и др.

В глагольной лексике экспрессивность также сопряжена с размытостью, неконкретностью денотативного значения, которая устраняется только в контексте. К примеру, действие перемещения, движения, очень актуальное для человека и отражённое родовыми словами *перемещаться, двигаться*, объективно-логически уточняется общепотребительными и частотными глаголами *идти, бежать, ехать, лететь, ползти*. Экспрессивные соответствия нередко перекрывают логический уровень категориально-лексической семантики глагола, указывающей на способ движения. Глаголы *нестись, мчаться* (Ну куда ты так **несёшься**! Потихше нельзя?) или *тащиться, тянуться, плестись, шкандыбать* (Как черепахи **тащимся**, везде опоздаем!) в равной степени могут быть отнесены и к понятию ‘идти’, и к понятию ‘ехать’ня. Фактически востребована лишь базовая семантика опорной единицы *двигаться*, а способ передвижения для говорящего значения не имеет.

Диалектные и просторечные данные демонстрируют аналогичную картину. Так, в уральских говорах *покопачивать*¹ означает «идти, бежать, ехать»: *Сел он на лошадь и зачал **покопачивать** – только пыль неслась; Ну и **покопачивал** же он всю дорогу до Каменска!* Аналогичным образом, диалектный глагол *набузгаться*, как и просторечный *нажраться*, в равной степени может означать понятия ‘наесться’ и ‘напиться’, а также то и другое одновременно (*Ну и набузгался!*).

---

¹Здесь и далее ударение в диалектных и просторечных словах передаётся с помощью графического выделения ударной гласной.

Иногда обобщённость денотативного значения выходит за пределы лексико-семантической группы, тогда за единой экспрессивной лексемой могут скрываться объекты самого различного характера, а денотативный базис экспрессива, по сути, сводится к грамматическому общеглагольному значению «делать», «действовать». Например, просторечный глагол *жарить* толкуется в словаре следующим образом: «употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т.п.»: *От безделья они с утра до вечера жарили в шашки* (Д. Мамин-Сибиряк); *До 28-го стояли теплые, ясные дни, а сейчас жарит дождь* (А.Чехов); *Я из этих повестей мог жарить наизусть целые страницы* (В. Вересаев) [СРЯ-4: 472]; *Я читаю стихи проституткам и с бандитами жарю спирт* (С. Есенин). В разных контекстах этого глагола его понятийный базис то ‘играть’, то ‘лить’, то ‘читать’, то ‘пить’, возможны также понятия ‘играть’ – *жарить на гармошке*, ‘плясать’ – *жарить гопака* и, вероятно, множество других. Подобным же образом выглядит компонентная структура экспрессивов *наяривать*, *выкаблучивать*, *запузыривать*, *поддавать* и под. Диалектный аналог приведённых экспрессивов – это глагол *пластать* «совершать какое-либо действие с особой силой, интенсивностью»: *Настасья Егоровна теперь на покосе пластат, не сидит дома; Ты чё робёнка палкой пласташь?; Зайцы страсть быстро бегают, пласташь за им – не догонишь; Оба пластали песни назапуски* [СРГСУ. Т.4: 32]. Речевая конкретизация денотативной семантики данного глагола настолько разнообразна (*работать*, *бить*, *бежать*, *петь*), что может быть обобщена только в заглавном слове всей глагольной лексики.

Неслучайный характер данной семантической структуры экспрессива проявляется и в том, что она свойственна не только глаголам, но и существительным. Словарное толкование денотативного базиса многозначных экспрессивных субстантивов может сводиться к понятиям ‘нечто’, ‘что-то’, ‘что-либо’: *ерунда*, *белиберда*, *галиматья*, *чушь* «**нечто** (денотативный компонент значения) несерьёзное, пустое, неважное (коннотативный компонент)».

Сказанное не означает, что объективное значение экспрессивного слова в контексте является столь же обобщённым, как в языковой системе. К моменту введения экспрессивного слова контекст, в том числе ситуативный, уже организован таким образом, что партнёрам по речевому общению совершенно ясно, о каком конкретном объективном явлении идёт речь, что именно характеризуется. Характеристику получает не абстрактный предмет, признак, действие, а вполне конкретные их реализации, возвращающие экспрессив в лоно лексико-семантической номинативной определённости.

Рассмотренное явление определялось в научной литературе как сверхмногозначность (А. Коротеев), отсутствие константной семанти-

ки (М.И. Черемисина), десемантизация (Т.С. Коготкова), семантическая диффузность (Н.А. Лукьянова). Характерно, что все эти термины указывают на денотативную специфику экспрессивных единиц, ведь именно она характеризуется смысловой растяжимостью, предельной лексической обобщённостью. Что же касается субъективно-оценочного компонента значения, то он, напротив, характеризуется конкретностью и определённой, указывая на тот или иной квалификативный признак, чаще всего – на интенсивность обозначаемого действия.

Явление денотативной обобщённости явственно свидетельствует о специальном предназначении экспрессивной лексики – характеризовать, квалифицировать, фиксировать субъективно-оценочное восприятие обозначаемого явления. Обобщённость денотативного компонента в лексическом значении экспрессивного слова – необходимое следствие особой функциональной ориентации экспрессивной лексики. Н.А. Лукьянова пишет: «Функция назывная у таких слов не главная, не основная: она «смещается» на второй план, несколько нейтрализуется характеристической и выразительной функцией [Лукьянова 1979: 46]. Фонд экспрессивной лексики языка характеризуется не классификационным, а квалификативным предназначением. Функционально разнородные лексические объединения нейтральной (классифицирующей явления действительности) и экспрессивной (характеризующей эти явления) соотносятся как дополняющие друг друга подсистемы языка.

Убедиться в квалификативном предназначении экспрессивов помогают и наблюдения в области лексической многозначности. Если рассмотреть совокупность многозначных слов, имеющих в своём составе экспрессивные лексико-семантические варианты, можно выявить некоторые общие закономерности семантического «дрейфа» семемы в сторону экспрессивности.

Количество актуальных лексических единиц, реализующих свой экспрессивный потенциал в рамках многозначного слова, исчисляется сотнями. Обратим внимание на характер мотивации экспрессивного лексико-семантического варианта (ЛСВ), а именно на особенности «семантического множителя» – той семы, благодаря которой развивается экспрессивный вариант многозначного слова. Предположим, что изучение состава и типологии семантических множителей прольёт свет на механизмы достижения экспрессивного эффекта лексической единицы.

Первая особенность взаимосвязи экспрессивного ЛСВ с мотивирующим его неэкспрессивным заключается в том, что перенос категориально-лексической семы не обязателен. Фактически, в этом проявляется уже знакомое нам свойство малой значимости денотативной семантики для формирования и функционирования экспрессива. На-

против, некоторое характерное качество, связанное с определённым денотатом, перебрасывается в совсем иную денотативную сферу, и чем она отдалённое от первой, тем вернее переносный ЛСВ будет выполнять свою экспрессивную функцию: *Полыхать*. 1. Пылать, ярко гореть вспышками. *Полыхает пожар*. 2. Перен. Гореть, ярко краснеть от прилива крови. *Щёки полыхают*. (ТСРЯ: 692). Переносный ЛСВ мотивирован внешними признаками горения (*красный* – это цвет пламени), а также качественными семами интенсивности; *Долбить*. 1. Ударами делать в чем-н. углубление. *Д. дерево*. 4. Говорить, напоминать, повторять много раз (разг. неодобр.). *Целый день д. одно и то же*. То же, что *зубрить* [ТСРЯ: 207]. Семантическим множителем выступает сема повторяемости, многократности, качественная по своей природе; *Летун* (разг.). 1. Тот, кто летит, хорошо летает. *Эти птицы – неутомимые летуны*. 2. Человек, который часто меняет место работы в погоне за большим заработком (неодобр.) [ТСРЯ: 405]. В переносном значении актуализирована сема быстроты, смены местоположения за короткое время. Диалектное *скулемесить* «скомкать, смять» развивается далее в ЛСВ «сшить кое-как», «перепутать, спутать», которые выявляют сему неформальности, отсутствия установленного порядка, связывающую все эти значения. Переносные ЛСВ эксплицируют идею отклонения от нормы, передают представление о социально осуждаемых явлениях, основываясь на второстепенных или даже потенциальных семах мотиватора. Как правило, в дефинициях мотивирующего ЛСВ эти семы не отражены.

Для глагольной лексики формирование переносного экспрессивного ЛСВ связано с семантическими множителями, указывающими на способ глагольного действия, понимаемый как общее для всех глаголов семантическое явление, выделяемое на базе сходства в типах протекания глагольного действия и его распределения во времени. Конкретные семантические множители можно сгруппировать по типу их собственной семантики.

Качественные семы отражают характер протекания действия, конкретные характеризующие признаки объекта. В их числе наиболее заметна сема интенсивности (силы, высокой степени проявления действия): *реветь, выть, обливаться слезами, утопать в слезах* «плакать»; *разъестся, разжиреть, разбухнуть, распухнуть, огрузнуть, отрастить брюхо* «пополнить, прибавить в весе». Ещё один семантический множитель связан с идеей напряжённости, чрезмерных энергетических затрат при производстве действия: *ишачить, ломить, ломаться, корпеть, потеть, гнуть спину, тянуть лямку*, диал.: *кожмилиться* «о тяжёлой и неприятной работе». Для имён существительных актуальна оценочная сема-характеристика: слова *рожа, морда, мордovorot, образина, мурло, страшила* обозначают понятия «лицо», «некрасивое, безобразное лицо».

Темпоральные семы актуальны для глагольной лексики, они отражают распределение действия во времени и его отношение к результату. Прямое отношение к экспрессивности имеет семантика окончательности, исчерпанности, полной завершённости действия. Это значение финитивного способа глагольного действия, в тех его проявлениях, которые «подчёркнуто выражают значение абсолютного конца, полного прекращения действия или деятельности, отличающихся значительной мерой предшествующей длительности и интенсивности» [Бондарко, Буланин 1967: 18]: *умять* «съесть всё без остатка», *ухлопать* «убить»; *уторкать* «уложить спать», «убить»; *натрезвониться* «наесться до отвала», *наломаться* «наработаться».

Количественные семы, отражающие меру явления, экспрессивно фиксируют крайние состояния меры. Применительно к глаголам это краткость, быстрота совершаемости, мгновенность действия: *вскипеть* «прийти в раздражённое состояние, вспылить», *бахнуть*, *грохнуть*, *шарахнуть*, *огреть*, *хрястнуть* «ударить». Семантическим множителем выступает также сема повышенной длительности явления (*тягомотина* «что-то нудное, надоедливое») и многоактности действия (*пилить* «ругать», *долбачить* «зубрить», *бубнить*, *жуужжать*, *пережёвывать*, *талдычить*, *заладить*, *зарядить* «повторять», *торкать*, диал. «рассовывать, прятать», «качать в колыбели», «ломать», «стучать»).

Обобщённо, специфику образования экспрессивных лексико-семантических вариантов многозначного слова можно усмотреть в том, что они базируются на коннотативных семах мотивирующего лексико-семантического варианта, тогда как понятийные семы базовой части лексического значения в развитии экспрессивных ЛСВ играют второстепенную роль. Собственная же многозначность экспрессива связана с обобщением денотативной семантики и актуализацией той или иной квалификативной семы, которая, напротив, сохраняет свою определённость. Итак, в том и в другом случае смысловым объединителем класса экспрессивных слов или ЛСВ одной лексемы являются семы квалификативного характера. Наиболее заметна среди них сема интенсивности. Её широкая распространённость и способность играть роль доминанты в составе семемы объясняется, вероятно, заметностью, ясной осознаваемостью данного признака. Ю. Тынянов писал: «Чем ярче в слове лексическая характеристика, тем больше шансов, что при затемнении основного значения выступит в светлое поле именно лексическая окраска слова, а не его основной признак [Тынянов 1965: 38].

В связи с этим следует заметить, что для многозначных глаголов, в которых именно экспрессивные семы играют доминирующую роль, полностью утрачивает смысл понятие коннотации как дополнительных семантических компонентов лексического значения. Стано-

вится понятно, что представление о коннотации сформировано с логико-центрических, собственно когнитивных позиций. В настоящее время было бы точнее различать объективно-логическую и субъективно-оценочную части лексического значения, дополнительные по отношению друг ко другу и в равной мере способные доминировать в составе лексического значения. Доминация первого компонента характерна для нейтрального лексического фонда; доминация субъективно-оценочного компонента – для экспрессивной лексики.

1.2. Субъективно-оценочная семантика экспрессива

Квалификация означаемого осуществляется субъектом речи. Роль его велика: «Человек – автор событий, по крайней мере, событий, заключающихся в говорении» [Степанов 1981: 332], человек интерпретирует реальность, соотнося её с культурой социума и собственными интересами.

Было бы неправильно понимать под субъектом квалификации лишь конкретное лицо, непосредственного автора речи. В языковом экспрессивном слове квалификация даётся с позиций обобщённо-личного субъекта, это социально детерминированная квалификация. При этом оценка «представляет собой выражение позиции определённой социальной группы по отношению не только к этому явлению, но и к широкому контексту, в составе которого оно осмысливается [Карасик 2012: 24]. Готовые экспрессивные единицы языка содержат в себе общественно осознанную, известную носителям языка и признаваемую ими квалификацию значимых явлений действительности. С помощью экспрессивного слова выражается прежде всего общественное мнение, сложившееся в определённом социуме. «Слова являются константными или инвариантными единицами в плане устойчивого и регулярного соотношения их или соотносимости их с элементами или кусочками человеческого опыта» [Ахманова 1964: 61]. Экспрессивная лексика отражает опыт восприятия объектов действительности, в том числе – опыт сравнения явлений одного класса.

Конечно, в речевом употреблении экспрессивное слово может быть использовано не только с объективизированным, но и с индивидуализированным субъективным смыслом. Во втором случае за точку отсчёта берётся не обобщённый смысл, а личное мнение говорящего, хотя бы оно и шло в разрез с объективной реальностью. Так, говорящий может сказать «*Куда ты несёшься, я за тобой не успеваю!*» о ходьбе, объективно совсем не быстрой, но слишком быстрой для говорящего; он может назвать *ерундой, чепухой, чушью* некое важное сообщение, чтобы скрыть свою взволнованность, таким образом может проявляться и спонтанная негативная реакция на эмоциогенное сообщение, нежелание верить в это сообщение. Одни и те же лексиче-

ские единицы прекрасно удовлетворяют обеим потребностям, разграничение которых происходит в дискурсе и тексте. Всё же для языка, безусловно, более значима социально детерминированная позиция, связанная с отражением позиции обобщённо-личного субъекта.

Для того, чтобы квалификация явления состоялась, нужно, чтобы в квалификативную структуру входили три элемента: объект квалификации, основание квалификации и собственно квалификация [Вольф 1978: 35–70]. Объектом лексической квалификации могут выступать любые предметные в широком смысле (не ситуативные) явления. В лексическом значении слова объекту квалификации соответствует денотативный компонент значения.

Основания квалификации различны. Будем различать две их разновидности. Первая строится на параметрических характеристиках обозначаемого объекта. Параметры – это размеры, границы проявления чего-либо. Параметрическими характеристиками объекта будем называть признаки количественного и качественного характера, в совокупности образующие категорию меры явления. Примеры экспрессивов с параметрическими компонентами коннотации (ниже выделены жирным шрифтом): *драндулет* «о **старом, расхлябанном** экипаже, машине и т.п.»; *распустёха* «**небрежно одетая, неопрятная** женщина»; *орать* «издавать **громкие крики, вопли**»; *накатать* «**быстро или наспех** написать, нарисовать»; *наворотить* «сосредоточить **слишком много** чего-либо, **переполнить** чем-либо, сделав **чрезмерно замысловатым и сложным**». Образцом для сравнения, содержательным эталоном таких экспрессивных слов служит соотносительное явление, отражающее обобщённое представление о норме, понимаемой как «обусловленное традициями народа самое обычное проявление признака в конкретной ситуации» [Полянский 1978: 7]. Норма здесь – это средняя мера явления, явление в стандартном виде.

В повседневной жизни человек вряд ли уделяет внимание осмыслению конкретных норм объектов, но несформулированное представление о мере вещей свойственно каждому, иначе как бы мы отличали дождь от ливня, ветер от бури, заморозок от мороза. Нормативные представления отражают общий опыт носителей языка, в скрытом виде они зафиксированы в дескриптивной лексике. Если мы говорим *идти, дом, ветер*, то это означает, что речь идёт о нормальном, обычной проявлении данных сущностей (или же имеющиеся отклонения не имеют значения для говорящего). Если же говорящему необходимо сосредоточиться на параметрических отклонениях от средней меры явления, то он прибегает к экспрессивному слову, в котором актуализированы именно отклонения от стандарта.

Таким образом, первым основанием квалификации выступает соответствие объекта биосоциальному стандарту как средней мере

(норме) обозначаемого явления. Данное основание можно назвать параметрическим.

Вторая разновидность квалификации не требует опоры на категорию меры и непосредственно связана с прагматическим потенциалом обозначаемого явления. Такая – собственно ценностная – квалификация непосредственно и целостно отражает субъективное отношение говорящего к обозначаемому (реже, к адресату речи) или служит целям самовыражения. Основанием квалификации здесь служит эмоция, эмоциональная оценка типизированного социального представления о положительном или отрицательном содержании отражаемого явления с точки зрения практической пользы, этических представлений, эстетических идеалов. Например, слова *жратва* (прост.) «еда, пища», *отродье* (разг.) «отпрыск, потомок» передают эмоцию пренебрежения; слово *форсить* (прост.) «держаться вызывающе, с форсом» – эмоцию неодобрения. В соответствии с лингвистической традицией, данный тип оценки назовём эмотивным.

Параметрическая и эмотивная разновидности квалификации тесно взаимосвязаны и в то же время относительно самостоятельны. Представление о ценностном содержании явления может основываться на его мерных особенностях, быть их следствием, и тогда эмоциональная оценка вторична. Но она может быть и независима, «идеально субъективна», в этом случае обычно даётся эмоционально-оценочная квалификация явления в целом, а не по отдельным параметрам. Глубинная общность названных видов квалификации заключается в их оценочности, если понимать оценку в широком смысле – как нечто, «вытекающее из сопоставления предметов и явления между собой в определённом отношении или сопоставления некоторого предмета с избранным образцом» [Ивин 1970: 25].

Оценочная точка зрения приводит субъекта речи к понятию ценности, причём когнитивное понимание ценности тесно переплетается с социологическим, философским, культурологическим, в результате чего формируется понятие социальной нормы и разграничиваются логические, этические, эстетические и др. оценки [Дементьев 2013: 49].

Общность параметрической и эмоционально-оценочной квалификации подчёркивается совпадением трёхэлементной структуры оценок. Центральное положение на шкале оценок занимает нулевая отметка, она же служит эталоном сравнения. Для параметрической квалификации это стандарт меры явления, для ценностной – нейтральное, неоценочное отношение субъекта речи к обозначаемому. Два другие элемента оценочной структуры противопоставлены друг другу на шкале оценок и соотносятся с эталоном и друг с другом. Для параметрической квалификации это превышение или преуменьшение стандартных параметров явления; для ценностной квалификации –

«плюс» или «минус» оценки: положительная или отрицательная эмотивная оценка объекта говорящим.

Отметим, что оценочность того и другого типа может иметь разный статус в структуре лексического значения. Такие слова, как *вор, агрессия, доносить, война* явно содержат эмотивную (прагматическую), а такие, как *ливень, гнев, кичиться* – параметрическую оценку, но оценка здесь носит сугубо интеллектуальный, рассудочный характер» [Петрищева 1984: 142–155] и входит в денотативный компонент лексического значения. Экспрессивность лексической единицы обусловлена степенью отклонения от средней меры явления, а главное – наличием эмоциональной окраски.

Итак, в составе категории лексической экспрессивности выделяется два компонента субъективного характера: параметрически-оценочный и эмотивный (эмоционально-оценочный). Характерно, что в современной концепт-лингвистике существует деление концептов на параметрические и непараметрические [Карасик 2007: 33–37], в данном случае согласованность наук подтверждает становление термина *параметричность*. И параметрический, и эмотивный компонент представлен в экспрессивной лексике языка набором конкретных сем коннотации. Последняя может включать в себя как один, так и оба компонента. Рассмотрим эти компоненты подробнее.

1.2.1. Параметрический компонент лексической экспрессивности

Связь экспрессивности слова с количественными и качественными компонентами его значения отмечалась не раз (например, в трудах В.И. Ефимова, О.И. Блиновой, В.Н. Телия). Полнее всего данное явление исследовано Н.А. Лукьяновой [Лукьянова 1975, 1986, 1991 и др.].

Категории качества и количества образуют диалектическое единство, называемое мерой явления [Лойфман 1965; Панфилов 1977]. Количественные признаки объекта, как правило, изменчивы, причём в языке чаще всего отражается изменение отдельных характеристик объекта, например, числа составляющих его элементов, степени проявленности признака, типа связи элементов. До определённого предела количественные преобразования объекта не разрушают его меры; превышение же этого предела сопряжено с переходом количества в качество и появлением нового объекта (либо разрушением старого). Таким образом, категория меры указывает на некоторую возможность варьирования объектов, «плавающий» характер их параметров.

Зона гипертрофии того или иного признака, т.е. того состояния, когда этот признак в количественном отношении максимально приблизился к своей допустимой границе, – это и есть зона интенсивно-

сти, параметрической напряжённости, которая фиксируется экспрессивными лексическими единицами: *жахнуть* (груб. прост.) «сильно ударить»; *долдонить* (прост.) «твердить одно и то же»; *жевать* (разг. неодобр.) «говорить медленно, вяло и невнятно»; *дохлый* (прост. пренебр.) «слабосильный, хилый»; *дубина* (прост. бран.) «тупой, глупый человек». Подобные слова фиксируют резкое отклонение от нормальной меры явления, актуализируя заметное, с точки зрения субъекта, превышение нормы.

Русский язык располагает целым рядом объективно-логических номинаций, фиксирующих такое состояние объекта, они часто используются в словарных дефинициях экспрессивного слова. Это лексические конкретизаторы *очень, много, сильно, излишне, чересчур, крайне, чрезмерно, неумеренно, слишком, быстро, мгновенно* и под. Определив состав данного лексического ряда на основе дефиниционного анализа словарных определений, Н.А. Лукьянова выдвигает на положение имени семы интенсивности наречие *очень* [Лукьянова 1991: 61].

Поставим заново вопрос о родовом наименовании всех «мерных» – связанных с категорией меры – компонентов коннотации и, соответственно, типа лексической экспрессивности. Данные компоненты имеют понятийный характер и выделяются только в лексическом значении слов, обозначающих параметрически характеризованные понятия – такие, которые характеризуются признаками, способными проявляться в большей или меньшей степени.

Если в лексическом значении слова таких сем нет, экспрессивные синонимы не развиваются. Например, их не имеет терминология: *абстракция, треугольник, валентность*; отглагольные существительные книжного характера: *сочетание, умножение, классификация*; десемантизованные книжные глаголы: *являться, иметь, относиться, считаться*. Лишь абстрактная лексика, обозначающая социально значимые понятия, понемногу наращивает оценочный потенциал, что проявляется в её сочетаемости: *чистая совесть, несомненная правда, неувядаемая слава, полная справедливость*. В языке параметрический компонент лексического значения обладает значимостью при конкретно-предметном денотативном значении слова. Действительно, именно конкретный предмет может характеризоваться по самым разным параметрам: размеру, цвету, весу, материалу, вкусу, новизне, полезности и др.; конкретное действие – по степени его интенсивности, длительности, повторяемости, целесообразности и др.; конкретный признак – по степени его проявления. Такого рода характеристики отражают человеческий опыт сравнения объектов одного и того же класса, а их вариативность, градуальность создаёт предпосылки для фиксации тех единиц, которые выделяются из общего ряда.

Вся конкретно-предметная лексика, даже если она выражена не производными словами, обладает минимальной образностью, своеобразной наглядностью. Используя, к примеру, конкретные существительные (*дом, стол, чайник, пирог*), глаголы (*пить, есть, бегать, красить, плавать*), обозначения цвета (*белый, синева, чернеть*), слова с денотативной семой цвета (*молоко, небо, трава*), говорящий имеет возможность оперировать не только понятиями об этих явлениях, но и связанными с ними представлениями. Это связано с предшествующим реальным опытом человека. Конкретные предметы, признаки, действия доступны для восприятия первичными чувствами, и формирование понятия на этой базе не устраняет эмпирического опыта людей. Именно поэтому литературно-художественные произведения, целиком опирающиеся на образность изложения, строятся преимущественно с помощью конкретно-предметной лексики. Конечно, конкретность – это, скорее лексико-грамматическая предпосылка экспрессивности, чем её воплощение, но стечение однотипных средств такого рода наряду с избеганием абстрактности изложения, безусловно, имеет прямое отношение к стилистической выразительности речи.

Термин *интенсивность* очень хорош применительно к глагольной лексике, процессуальной по своей природе, кроме того, он имеет парный термин-антипод *экстенсивность*, указывающий на ослабленность, значительное снижение меры объекта. Заметим попутно, что лексика экстенсивности менее значима в речевом пользовании, а сопоставление лексических сигналов интенсивности и экстенсивности (например, *быстро* и *медленно*) показывает, что между ними нет параллелизма, которого можно было бы ожидать от антонимов [Богуславский 2000: 53].

Набор характерных признаков явления не ограничивается понятиями силы, энергоёмкости, которые прежде всего связаны с интенсивностью. Размеры предмета, длительность или периодичность признака связать с интенсивностью труднее. Для более широкого и точного отражения мерных признаков обозначаемого объекта предлагается использовать термины *параметрический компонент* (*параметрическая оценка*) [Матвеева 1986], *параметричность* [Лукьянова 1991]. Параметрический компонент отражает тот или иной *параметр* реалии, представленный в отклоняющемся от средней меры, в том числе гипертрофированном виде.

Экспрессивный потенциал параметрического признака полностью реализуется в номинациях социально нормативных объектов действительности. Если объект нормативен с социальной точки зрения, то экспрессивность связана с отражением гипертрофии какого-либо его признака. Оценочный взгляд субъекта сосредоточен на конкретном параметрическом признаке объекта. Лексическими сигналами чрезмерности для глагола являются слова *сильно, энергично, быстро, мно-*

го, долго, часто; слабо, вяло, медленно, мало и т. п. Для имён существительных и прилагательных данный признак сдвигается в область размерно-оценочных в широком смысле признаков и может быть выражен словами *очень, слишком, чересчур, чрезмерно, крайне, предельно, заpredельно*. Каждый из таких параметрических сигналов характеризует объект, отталкиваясь от представления о его нормативности, существующем в языковом сознании носителя языка, а в лексическом значении экспрессива формируется *сема чрезмерности*. Лексика чрезмерности развивает при этом собственную многозначность. Например, лексический глагольный параметрический модификатор *быстро* имеет следующие значения: 1) процесс Р протекает с большой скоростью, т.е. ... в единицу времени происходит большее количество Р по сравнению с нормой: *быстро бежать*; 2) естественное завершение процесса Р наступило за более короткий промежуток времени: *быстро дойти до озера*; 3) через очень короткий промежуток времени после некоторой другой ситуации: *быстро откликнулся на нашу просьбу* [Плунгян 2000: 212–217]. Возможна группировка параметрически-оценочных сем этой разновидности на основе конкретных сем чрезмерности.

Чтобы точнее судить об экспрессивном потенциале и реальной экспрессивности слова с параметрическим компонентом значения, обратимся к целостной характеристике количественно-качественной (параметрической) семантики в русском языке.

Прежде всего, обратим внимание на слова с базовой семантикой меры. Это существительное *мера* и глагол *мерить*. Их первичные лексические значения непосредственно указывают на количественный характер семантики: *мѣра* «способ определения количества по принятой единице; *мѣра* вообще прилагается к протяжению и к пространству, а отвлеченно вообще предел, пора, срок [Даль. Т. 2: 368]; *мера* 1. Единица измерения; *мерить*. 1. Определять величину, протяжённость кого-чего-н. какой-н. мерой [ТСРЯ: 440–441]. В полном соответствии с философским пониманием категории меры, существительное *мера* развивает производное значение, отражающее количественную определённость, наличие границ явления, нарушение которых угрожает последнему распадом, перерождением: *мера* 2. Граница, предел проявления чего-л. К словам *граница, предел* можно добавить другие существительные с аналогичной денотативной семой: *край, конец, берег*. Даже беглый обзор словообразовательных гнёзд данных корневых слов показывает, что в русской лексике отчётливо выражена идея отрицания и нарушения границ, пределов (возможно, так проявляется отрицание меры как нормы жизни). Значимость сложившихся в русском языковом сознании представлений проявляется в наличии производных слов, аффиксальными способами словообразования фиксирующих превышение меры. Эта идея выражается либо отрицанием

предела (*неумеренный, неумеренность, неограниченный, безмерный, безмерность, безразмерный, безграничный, безграничность, безбрежный, безбрежность, бесконечный, бесконечность, крайний, бескрайний, бескрайность, предельный, беспредельный, беспредельность, беспредел*), либо указанием на переход через границу меры (*чрезмерный, чрезвычайный, чересчур, слишком*). Отметим, что данные аффиксальные производные характеризуются психологической амбивалентностью: в зависимости от семантики определяемого слова возможно тяготение к положительным эмоциям (*бесконечная нежность, бескрайняя степь, безбрежный простор*), равно возможное истолкование в положительном и отрицательном смысле (*безграничные возможности разума, беспредельная власть, неумеренность*), а также неодобрение, возмущение, напряжение (*чрезмерное усердие, чрезвычайное происшествие, беспредел*).

Для выражения близкой к пределу степени качества в русском языке существует грамматическая форма превосходной степени сравнения качественных прилагательных. Интенсивность передаётся также в рамках отдельных способов глагольного действия, особенно интенсивно-результативного (*изволноваться, перепугать, вытребовать, растолстеть, объесться, уработаться*). Для полноты картины отметим возможность выражения параметрических крайностей с помощью аффиксов, особенно увеличительных: *ушастый, носатый, глазищи, домина, большущий, дурища*. Заметно, что мерный параметр имеют самые разные типы явлений: физические и умственные действия; лица, артефакты, природные явления; целостно взятые предметы и их отдельные свойства. Законам мерной характеристики подчиняются и эмоции человека.

Теперь перейдём к нейтральной общеупотребительной лексике, содержащей дифференциальную денотативную сему или семы количественно-качественного характера в составе лексического значения. Таких слов много среди конкретно-предметной лексики разных тематических групп. Параметры осмысления конкретных физических явлений многообразны. Вариативны в количественно-качественном отношении такие свойства объектов, как сила и темп действия, интенсивность качества, габариты и другие первично-чувственно воспринимаемые свойства физического объекта, количество единиц в составе однородного множества, а также другие более конкретные свойства различных предметов и явлений. Так, слово *гора* «значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью» содержит в своём лексическом значении дифференциальную сему 'высокий' (географический объект), а также сему градуальности 'значительно'; значение слова *раскалить* «нагреть очень сильно, почти до изменения агрегатного состояния» имеет параметрическую сему 'сильно'; *армия* «вооружённые силы государства» – сему большого

количества, количественной мощности обозначаемого (выражена использованием множественного числа слова *сила*, с ядерной денотативной семой интенсивности); *блѣклый* «лишённый свежести и яркости» – количественная сема отражает деградацию признака яркости цвета.

Лексика такого рода не выходит за пределы стилистической нейтральности, однако обратим внимание на то, что денотативная параметрическая сема в составе лексического, значения, как правило, легко становится мотиватором переносного лексико-семантического варианта (*чувства раскалились, блѣклая внешность*). Если в лексическом значении слова есть известное по опыту обращения с объектом указание на мерное своеобразие параметров, сильно увеличенную (уменьшенную) меру одного или нескольких признаков, то это слово хорошо подходит для развития переносного значения. Так формируются, к примеру, многочисленные «образы множества», коллекция которых, собранная Н.А. Лукьяновой, велика и разнообразна [Лукьянова 1975].

Посмотрев в сторону их лексико-семантического источника, в каждом из прообразов мы обнаружим гипертрофию количественной семантики: *море, океан*, – это очень много воды; *бездна, пропасть, пучина* – нечто очень глубокое, *армия* – очень большое количество военных, *калейдоскоп* даёт множество цветовых сочетаний, *водопад* – очень сильный ниспадающий поток воды. Семантические производные таких слов одновременно отличаются чёткой мотивированностью и своеобразием выражения: *море чувств, гора дел, бездна страсти, армия претендентов, калейдоскоп событий, отношения раскалены, блѣлое впечатление*.

Очевидно, любое слово с параметрическими денотативными семами (ядерными и дифференциальными) – это материал, готовый к экспрессивному переосмыслению. В ряде случаев экспрессивный лексико-семантический вариант многозначного слова выявляет потенциальный параметрический признак исходного объекта, который не столь важен для бытования прямой номинации. Примером может послужить слово *ишак*. В переносном значении этот зооморфизм указывает на человека, безропотно выполняющего самую тяжёлую работу; на базе этого значения образуется тождественный по лексической семантике производный глагол *ишачить*. Семантическим множителем в многозначном слове послужила потенциальная эмпирическая семантика прямого значения, имеющая качественно-количественный характер (из опыта известно, что это домашнее животное предназначено для постоянного выполнения перевозки груза – тяжёлой повседневной физической работы). Сходно развивается переносное значение слова *лошадь*, также указывающего на тяжесть повседневного постоянного труда (*работаю, как лошадь; устроились тоже за моей спиной, ло-*

шадь себе нашли). Стабильность и разнообразие переносов значения на параметрической основе позволяет говорить о сложившейся когнитивной модели экспрессивного номинирования.

Следует, однако, заметить, что источником ассоциаций могут служить не только эмпирические признаки объекта, но и его национально-культурный образ, складывающийся на основе фольклорного и литературного осмысления. Так, зооморфизмы *заяц* «о трусливом человеке» и *лиса* «хитрец, лстец» явно несут на себе отпечаток сказок и басен с данными персонажами-животными; *овца* «о смирном, инертном человеке» генетически является библеизмом.

Конечно, вопрос о границах дескриптивного и экспрессивного слова в зоне параметрических признаков очень сложен. Компоненты параметрического характера ('большой', 'сильный', 'высоко', 'много') сами по себе ещё не формируют экспрессивности слова, тогда пришлось бы считать экспрессивными все слова типа *избить*, *огромный*, *башня*, *бегемот*. Вспомним замечание Ш. Балли о том, что простое количественное различие мы вводим в любые объекты нашего восприятия или мысли (например, между словами *море* и *океан*) но оно не имеет никакого отношения к стилистике [Балли 1961: 203]. Вероятно, существует некоторое условно-нормальное стандартное отклонение от объективно-субъективной нормы явления, часто поляризованное (*далеко* – *близко* от остановки, *острый* – *тупой* нож, *высокий* – *невысокий* человек, *низменность* – *возвышенность*, *кричать* – *шептать*). Денотативные компоненты меры не создают экспрессивного эффекта ещё и потому, что в них отражаются параметрические признаки в рамках более крупного класса слов. Так, слова *кричать* «громко говорить», *лететь* «о птице, самолёте», *высокий* дом содержат в себе объективную фиксацию меры более общего явления (в приведённых примерах – речи, движения, размера по вертикали). В рамках этой парадигмы отражается отклонение от средней меры по сравнению с другими явлениями подобного рода (*говорить*, *идти*, *невысокий* дом), но в собственных границах фиксируется среднее, не пограничное отклонение. *Высокий* дом не обязательно небоскрёб, быстрое передвижение *летающей* птицы обычно для полёта; *кричать* можно громко, очень и не очень громко. Не будучи осложнена эмоциональным восприятием, такая лексика остаётся в границах дескриптивного фонда.

Представление о преувеличенном (или преуменьшенном) проявлении параметра складывается на основании рационального сопоставления реализаций обозначаемого объекта, оно формируется в опоре на опыт осмысления свойств объекта. Основой для сравнения является постепенно сформированное в социуме представление о средней мере явления. В то же время бывает значимым не объект сам по себе, а объект в сопоставлении с человеком. Тогда человек буквально слу-

жит мерой вещей. Например, шкаф – это заведомо объёмный предмет мебели, его потенциальные компаративные признаки – это ‘крупный’, ‘большой’, ‘больше человека’; слон или бегемот – животные гораздо больше человека. Следовательно, все эти слова в переносном значении могут стать экспрессивными обозначениями лица с параметрическим наполнением, что и осуществлено в русском языке.

Специфика меры явления, пропущенная через опыт действия или взаимодействия с ним, осмысливается на рациональном основании и оформляется прежде всего в опоре на противопоставление социальной нормы (средней меры явления) и отклонения от средней меры, чрезмерности параметров объекта. В лексике эта дихотомия наиболее ярко отражается в оппозиции нейтральных и экспрессивных номинаций. Нейтральные номинации несут в себе представление об усреднённых, обычных, типичных параметрах объекта, причём наиболее типичное проявление может не обозначаться в языке отдельными лексемами, ср.: *высокий, невысокий* человек; человек *среднего / обычного / нормального роста*.

Каждая из названных стилистических окрасок отражает психологическое состояние, а также личный бытовой и социальный опыт носителей русского языка. В то же время все компоненты стилистического значения ориентированы прагматически, то есть имеют целью непосредственное воздействие на адресата речи. Языковой знак используется для передачи отношения говорящего / пишущего к предмету речи, к её адресату, а также к самому себе, но во всех этих случаях доминирует план воздействия на собеседника. Параметрический компонент коннотации может субъективизироваться: характеристика лица даётся с индивидуальной точки зрения говорящего, что далеко не всегда соответствует объективному положению вещей.

Параметрические компоненты лексического значения являются важнейшей предпосылкой экспрессивности, так как параметрическая чрезмерность провоцирует включение эмоциональных реакций и выработку прагматической оценки. Параметрическая норма чаще всего не требует специального лексического выражения, отдельного слова. Потребности номинации удовлетворяются словосочетаниями, так о человеке нормального роста могут сказать: *он среднего / обычного роста*. Необычность же параметров того или иного явления провоцирует на выражение того или иного эмоционального отношения к ним, ср.: параметрический признак ‘невысокий’, ‘ниже среднего роста’ ‘маленький’ (о человеке) акцентируется в экспрессивах *коротышка, невеличка, пигалица, пигмей, недоросток, фитюлька* [Александрова: 191], причём в каждом из них данный признак сопровождается его эмоциональной оценкой, преимущественно отрицательной. Л.А. Калимуллина отмечает, что «между интенсивностью и экспрессивностью существуют не отношения тождества или инклюзии, а причин-

но-следственные отношения типа: наличие семы интенсивности вызывает экспрессивный эффект» [Калимуллина 2006: 71]. Крайнее проявление признака представляется говорящему необычным, заслуживающим отдельного внимания, удивительным, лично задевающим, т.е. эмоционально значимым. Слова с чрезмерным компонентом коннотации способствуют подключению эмоционального переживания субъекта, хотя сами они являются результатом логической операции сравнения реализаций.

Обозначение изменяемого признака неотрывно от его прагматической оценки. Те или иные параметрически-оценочные признаки являются в то же время значимыми в аспекте общественной пользы, нравственных установок и т.п., что легко распознаётся носителями языка в силу того, что языковая и внеязыковая семантика едины, а значения слов «связаны с «картиной мира», известной членам данного социума» [Вольф 1978: 59]: *замарашка* (разг.) «тот, кто ходит испачканным, грязным, неряшливо одетым», *мямлить* (разг.) «медленно, невнятно и вяло говорить», *чистотка* (диал.) «подчёркнуто опрятная, аккуратная женщина». В подобных случаях параметрическая оценка первична. Именно она обуславливает прагматическую оценку, которая здесь относительно объективна, так как «выводится из уже познанных и обозначенных явлений действительности, вызывающих эту оценку своими признаками и свойствами» [Городникова 1973: 16].

Интересно проследить, как экспрессивная лексика в целом напоминает нам, по методу «от противного», о морально-этическом, поведенческом, эстетическом кодексе человека. Экспрессивное слово регистрирует коммуникативные ценности, прежде всего фиксируя отклонения от нормативных параметров явления в нежелательную с социальной точки зрения сторону. Включением отрицательных эмоциональных оценок эта лексика сигнализирует об их неприятии, осуждении.

Если то или иное явление может быть охарактеризовано параметрически и значимо с социальной точки зрения, то его экспрессивное осмысление очень детально. Возьмём, к примеру, лексико-семантическую группу (ЛСГ) речи, которую составляют глаголы с категориально-лексической семой 'говорить'. Экспрессивное осмысление данного явления охватывает следующие параметрические признаки:

- 1) ценность информации – экспрессивно фиксируется недостаточная информативность речи: *трепаться*, *балаболить* (прост.), *блекотать* (диал.), *калабродить* (диал.) «говорить попусту»;
- 2) достоверность информации – экспрессивно фиксируется недостоверность информации или ее сомнительность в этом отношении: *плести* (разг.), *заливать* (прост.), *мрачить* (диал.) «врать, лгать»; *судачить* (разг.), *балентрясиичать* (диал.) «сплетничать»;

3) ясность речи – экспрессивно фиксируется неясная, трудная для понимания речь: *мямлить* (разг.), *нюргать* (диал.), *шавкать* (диал.) «неясно, нечетко, вяло говорить»;

4) интенсивность действия: *тарахтеть* (разг.), *стрекотать* (разг.), *варганить* (диал.) «говорить очень быстро»; *горланить* (прост.), *торкать* (диал.) «говорить очень громко»;

5) соотношение объёма текста и количества информации – экспрессивно отмечается нарушение гармонического соответствия: *разглагольствовать* (разг.) «многословно, часто бессодержательно или высокопарно рассуждать»; *дудеть* (разг.), *жуужжать* (разг.), *талдычить* (прост.), *трыцить* (диал.), «твердить одно и то же»;

6) ненормативный темп речи: *тарахтеть* (разг.), *стрекотать* (разг.), *варганить* (диал.) «говорить очень быстро»; *талаганить* (диал.) «говорить плохо, растягивая слова»;

7) внешние качества речи – экспрессивно отмечается невнятность произношения, гнусавость, наличие дефектов произношения и др.: *лопотать* (разг.), *буторить* (диал.), *аллакать* (диал.) «говорить невнятно, неясно произнося слова»; *гугнить* (прост.), *гундосить* (прост.), *фынькать* (диал.) «говорить в нос, гнусавить»; *шивыртать* (диал.) «говорить с дефектом речи: картавить, шепелявить».

Приведённый пример позволяет судить о количестве конкретных параметрически-оценочных сем одной лексико-семантической группы и степени их обусловленности спецификой обозначаемого явления.

Только наличие и доминация эмотивной семы создаёт экспрессивный эффект. Параметрические же оценки – это, по удачному выражению Н.А. Лукьяновой, «семантический раздражитель» эмоционального переживания субъекта речи. Если этот раздражитель срабатывает, возникает экспрессивное слово, если нет, то слово остаётся в границах нейтральности, сохраняя при этом своё предрасположение к развитию экспрессивности (например, слова *бревно*, *огромный*, *ворчать* и др.). Таким образом, экспрессивное слово с параметрическим компонентом коннотации – это фактически эмоционально-оценочное слово, о чём неоднократно писалось в научной литературе [Блинова 1974; Харченко 1976]. Подобные слова образуют многочисленные синонимические ряды, например, синонимами глагола *работать* служат лексические и фразеологические единицы *ишачить*, *корпеть*, *потеть* (о тяжелой неприятной работе), *трубить*, *гнуть спину* / *горб* / *хребет*, *везти воз*, *тянуть ляжку*, *натирать мозоли*. В одну лексико-семантическую группу объединяются экспрессивные глаголы, обозначающие крайнее эмоционально-психическое состояние, серьёзные нравственные страдания человека: *изводиться* / *известись*, *издегаться*, *изматываться* / *измотаться*, *измочалиться*, *маяться* / *измаяться*, *мучиться* / *измучиться* *томиться* / *истомиться*, *терзаться* /

истерзаться, казниться, сохнуть / высохнуть и др. Обилие лексических эквивалентов говорит об актуальности данных единиц в речевом пользовании русских.

Вопрос о наборе параметрических компонентов в русской лексике пока не вполне ясен, так как лексикология еще не располагает полным описанием лексического фонда в аспекте меры обозначаемых явлений. Параметрически-оценочные компоненты лексического значения задаются особенностями самих реалий, количество и свойства которых очень велики, поэтому и набор конкретных сем такого рода велик и разнообразен.

Необходимо, однако, сделать одну существенную оговорку, касающуюся значимости параметрических характеристик объекта. Дело в том, что есть объекты, для которых параметрические характеристики несущественны. В случае общей нормативности объекта параметрические характеристики важны, показатели чрезмерности актуальны, их набор обширен (*сильно, совсем, энергично, быстро, много, долго, часто; слабо, вяло, медленно, мало, очень, слишком, чересчур, чрезмерно* и т. п.). Если же объект не нормативен в целом, развитие экспрессивности идёт иначе. При социальной ненормативности объекта показатель чрезмерности теряет свою значимость, сема чрезмерности становится принципиально несущественной. Основание выделения таких объектов носит культурологический характер. Ненормативное (социально осуждаемое, морально отвергаемое) явление параметрической оценке не подвергается: *глупый, жадный, ленивый, неопрятный* (о человеке), *гнусавый* (о голосе), *недоброкачественный* (о предмете), *небрежное* (о действии). Социальная ненормативность обозначаемого объекта делает несущественным указание на его параметрические признаки: в любом своем проявлении данное свойство осуждается, наказуемо, вызывает насмешку (сказанное не означает, что усиление нельзя произвести путём сочетания со словами-интенсификаторами, нет лишь отдельного лексического выражения понятий 'очень глупый', 'совсем ленивый' и т.п.). С точки зрения русских, по данным лексики, важно само наличие отрицательного качества, степень же проявления жадности, глупости, подлости и т.п. значения не имеет. Экспрессивное представление таких объектов возможно лишь на собственно прагматических (не параметрических) основаниях.

Итак, чрезмерность параметра, сопряжённая с эмоциональным оцениванием, фиксируется отдельными лексическими номинациями, которые создаются специально для того, чтобы подчеркнуть крайнее количественное состояние (гипертрофию) параметра обозначаемого объекта вместе с эмоциональным осмыслением этого качества. Однако между полюсами нейтральности и экспрессивности располагаются лексические единицы промежуточного типа, указывающие на отклонение от средней меры в рамках нормального диапазона варьирова-

ния. Они, по преимуществу, входят в состав дескриптивной лексики русского языка.

Рабочий термин *сема чрезмерности* представляется более точным по сравнению с бытующим в лингвистической литературе термином *сема (семантический признак, компонент) интенсивности*, поскольку он указывает на любые значительные отклонения от средней меры обозначаемого явления, в том числе не ассоциирующиеся с усилием, напряжением (например, параметры необдуманности речи, хаотичности движения, вызывающей манеры поведения). Кроме того, он в равной степени подходит для семантического анализа всех знаменательных частей речи. И, наконец, в корне предлагаемого термина читается ключевое слово анализируемого явления – слово *мера*.

Параметрически-оценочный компонент коннотации, или компонент чрезмерности, будучи понятийным, наиболее близок денотативному компоненту лексического значения. Его положение в структуре значения двойственно: он одновременно указывает на содержание определённого параметра (сила, размер и т.п.) и на квалификацию данного параметра (его чрезмерное проявление). Неудивительно, что научная интерпретация данного явления неоднозначна. Так, Н.А. Лукьянова относит все семантические признаки параметрического характера типа «быстро», «много» к денотативному значению, а сему интенсивности – к коннотации. Данный вопрос остаётся дискуссионным, хотя плотная взаимосвязь семантического компонента чрезмерности (параметрического компонента) с экспрессивностью неоспорима.

Признание языковой значимости параметрической семантики в отечественной лексикологии и лексикографии до сих пор не состоялось. Это признание выразилось бы во включении параметрического компонента (или хотя бы компонента интенсивности) в состав коннотации, однако по данным энциклопедических лингвистических словарей двух последних десятилетий, компоненты коннотации – это «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера» [КРР 2003: 265]; «по Ю.Д. Апресяну: ассоциативный признак, связанный с прямым производным (первичным) значением слова» [Москвин 2006: 139]. Обзор различных трактовок состава коннотации дан Г.А. Копниной в энциклопедическом словаре-справочнике [ЭСВС 2005: 163], но в большинстве описаний коннотации (авторства И.В. Арнольд, В.И. Говердовского, А.И. Горшкова и др.) параметрические признаки не выделяются ни как самостоятельные, ни как мотивирующие или сопутствующие. Лишь автор статьи «Коннотация» в [РЯЭ 1997: 193] и [БЭС 1998: 236] В.Н. Телия, раньше других сформулировавшая трёхэлементный состав коннотации, в которую входят «оценочная, эмоциональная или стилистическая окраска языковой единицы», указывает на возможность доминирования качественной и/или количественной квалифи-

кации в составе экспрессивной окраски. В Стилистическом энциклопедическом словаре [СЭС 2003] статей «Коннотация» и «Экспрессивность» нет.

1.2.2. Эмотивный компонент лексической экспрессивности

В языкознании бесспорна мысль о том, что язык передаёт не только мысли, но и всю психическую сферу человека. В. В. Виноградов пишет: «Слово одновременно является и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» [Виноградов 1972: 21]. Но характер языковых явлений, связанных с передачей психических состояний, эмоциональных переживаний, чувств – этой специфической части реального мира, различен. В частности, в слове может передаваться информация о чувстве и может выражаться чувство; семантика чувства может быть языковой, а может возникать только в речи.

Проблема эмоций как феномена психического взаимодействия человека со средой уже в античные времена изучалась в философии, так Аристотель связывает эмоциональные переживания с оценочностью: удовольствием либо печалью. Философы нового времени (Т. Гоббс, Д. Локк.) разрабатывают аксиологическую концепцию эмоций, значимость которой для лингвистики велика, разработке проблемы эмоциональности отдали дань Б. Спиноза и Д. Юм, И. Кант и Г. Гегель. В 20-м веке массированная разработка теории эмоций ведётся в психологии, опирающейся на данные физиологии, общей медицины, психиатрии. Психолингвистика, сложившаяся как наука в середине двадцатого столетия, также выделяет аксиологическую функцию эмоций, подчёркивая, что они равны личным оценкам субъекта, направленным на ситуации и собственное проявление в них [Леонтьев 2002]. Теория эмоций имеет огромную литературу (обзор см.: [Калимуллина 2006]), на которую может опираться современная лингвистика. Основные позиции при этом аксиоматичны: это положения о том, что эмоции составляют ядро в структуре языковой личности [Шаховский 1998: 81]; характеризуются релятивностью, т.е. являются выражением отношения субъекта к чему-либо (кому-либо); выполняют адаптивную и аксиологическую функции.

Вслед за Б.А. Лариным, В.И. Шаховским будем использовать термин *эмотивность*, считая его лингвистическим аналогом эмоциональности – феномена психологии [Ларин 1974; Шаховский 1983а, б]. Компонент лексического значения, передающий психические переживания человека – это *эмотивный* компонент. В то же время не будем отрицать сложившейся традиции обозначения таких компонентов с помощью терминов *эмоциональная оценка*, *эмоционально-оценочное сознание*, *эмоциональная окраска*.

Эмоциональное отношение говорящего может исчерпывать собой всё значение слова. Наиболее непосредственное обозначение эмоций, чувств осуществляется в лексике с помощью эмоциональных междометий. Междометия не информируют об эмоции, а непосредственно выражают эмоцию. Эмотивное значение здесь самостоятельно, оно составляет денотативное содержание междометия [Торопцев 1985: 112]. Этому сравнительно небольшому классу слов противопоставлена основная масса лексических единиц языка.

Больше всего в их числе слов с понятийным и только понятийным значением (*стол, мысль, делать, белый, высоко* и т. п.). Такие слова в совокупности составляют фонд дескриптивной (нейтральной, объективизированной) лексики. В рамках этого фонда специального внимания требуют слова, денотативное значение которых вплотную сближено со сферой чувств и оценок.

Во-первых, это понятийная лексика с эмотивной речевой коннотацией, т. е. слова, речевое употребление которых естественно сопряжено с эмоциональными приращениями. Они обозначают такие явления объективной реальности, по отношению к которым человек не может оставаться равнодушным: *война, смерть, фашизм, страдание, голодать, неизлечимо* и т. п. Эти слова в системе языка лишены эмоциональности, что доказывается, в частности, возможностью их использования в «объективных» стилях речи – научном и официально-деловом, но в речевых реализациях за их пределами актуализируется выражение эмоционального отношения к обозначаемым явлениям. Вероятно, в значении данных слов можно фиксировать потенциальную сему эмотивности, они понятийно связаны со сферой эмоций. Г.Н. Складарская выделяет группу слов с имплицитным прагматическим компонентом (в её состав входят такие слова, как *подвиг, великодушные, красота, свет; палач, террор, труп, уродливый*) и называет такой компонент когнитивным [Складарская 1995: 67].

Во-вторых, особую группу в составе нейтрального лексического фонда образуют слова, обозначающие эмоции: *нежность, ласка, презрение, любить, радоваться, восхищённо* и т. п. При широком подходе к понятию эмотивности такие слова включаются в разряд эмотивной лексики на том основании, что «учёт номинативной лексики эмоций ... позволяет выявить закономерности языковой категоризации и концептуализации данной сферы» [Калимуллина 2006: 55]. В рамках разделяемой нами функциональной концепции критерием эмотивности является непосредственность выражения эмоции. Понятийно опосредованная имплицитная эмотивность, базирующаяся на знаниях человека о мире и на опыте переживаний, переводит слово в область дескриптивной лексики, такое слово содержит понятие об эмоциях, но не выражает этой эмоции [Арнольд 1973; Телия 1986]. Мысль об эмоции и собственно эмоция – неоднородные явления, а эмоциональной

(эмотивной) можно считать лишь ту лексику, в которой эмоция находит непосредственное выражение. В то же время специфика обозначаемых понятий, вытекающая из общечеловеческого знания и переживания чувств, обуславливает тот факт, что в речи слова, обозначающие эмоции, как и другие прагматически нагруженные слова с когнитивным обеспечением воздействия, легко приобретают и семантические признаки эмоционального выражения. Итак, в системе языка экспрессивными эти единицы не являются, но в силу своих когнитивных особенностей обладают имплицитным компонентом эмотивности и входят в «первый ряд» слов, потенциально пригодных для целей экспрессивности.

Наконец, нейтральному лексическому фонду противопоставлены слова, в лексическом значении которых сочетается понятийное и эмотивное содержание: *ротозей, ухнуть все деньги, головастый* «умный. сообразительный» и т. п. Этот класс слов – экспрессивная лексика – и является предметом нашего интереса. Эмотивность здесь сочетается с объективно-логическим значением, ср.: *смеяться* и *хихикать, кривляться, ёрничать*.

Эмотивный компонент лексического значения экспрессивного слова относится к прагматике языкового знака [Новиков 1982: 99–100]. Нейтральное слово (первично-номинативная единица) – это объективизированное отражение фрагмента действительности; экспрессивное слово (вторичная номинация) служит «потребностям выражения субъективного отношения к действительности и воздействия на психику адресата речи» [Киселева 1978: 44]. Важнее всего то, что экспрессив передает эмоциональное отношение субъекта квалификации к объекту квалификации. За редкими исключениями, эмоции неотрывны от оценок, так что эмоциональное отношение к объекту выливается в эмоциональную оценку этого объекта, т. е. оценку, основанием которой является эмоция, чувство.

Общеизвестно деление эмоций на положительные и отрицательные. Соответственно, эмоционально-оценочные семы лексического значения можно подразделить на семы положительной оценки (мелиоративные), связанные с передачей ласкательности, одобрения, восхищения, эмоционального возвышения, и отрицательно оценивающие (пейоративные), связанные с выражением грубости, неодобрения, пренебрежения, презрения, эмоциональной сниженности. Е.М. Петрищева точно характеризует соответствующие группы слов как лексику, «эмоционально возвышающую и эмоционально принижающую предмет речи» [Петрищева 1984: 161–167]. Например, нейтральное слово *хозяйка* противопоставляется мелиоративным синонимам *повелительница, владычица* – носителям высокой тональности. Отрицательная эмоциональная оценка сопровождает сниженные номинации *актёрка, артистка погорелого театра*, синонимичные ней-

тральному *актриса*. В синонимических парах *спать* – *дряхнуть*; *жадный человек* – *жмот*, *рот* – *хайло* левые синонимы представляют нейтральный, правые – пейоративный эмоционально-оценочный вариант. Неодобрительные эмоции ярко проявляются в обширных синонимических рядах стилистически окрашенных слов, например: *бить* – *колотить*, *колошматить*, *лупить*, *лупцевать*, *дубасить*, *му-тузить*, *волтузить*, *трепать*, *охлаживать*, *утюжить* и др.; *украсть* – *стибрить*, *слямзить*, *стырить*, *спереть*, *слимонить*, *сбондить*, *увести*, *прикарманить*, *скоммуниздить* и др. Аналогично комбинируются подсистемы стилистически однородных фразеологических единиц.

В структуре лексического значения экспрессивного слова эмотивный компонент составляет часть коннотации. Следует заметить, что точно квалифицировать этот компонент в лексическом значении экспрессива гораздо труднее, чем параметрически-оценочный. Параметрически-оценочное значение выявляется, в основном, на базе парадигматических противопоставлений, в которых участвует интересующее нас слово, т. е. по методу компонентного анализа. Эмотивная же семантика накладывается на понятийную и, как правило, относится ко всему понятийному значению в целом (недаром в русской лексикологии и стилистике закрепился термин *стилистическая окраска*). Кроме того, эмотивность заметнее всего выражается языковыми средствами, которых лишено изолированно взятое слово: интонационно и паралингвистически (мимикой, жестами). Для выявления компонента эмотивности необходим комплексный подход, использование ряда методов, дополняющих друг друга, в числе которых важное место занимает контекстный анализ. В настоящее время уже определены элементы контекста, которые могут рассматриваться как текстовые показатели эмоциональности и, шире, экспрессивности. Назовем некоторые из них (подробнее об особенностях контекста, способствующего пониманию семантики экспрессива, см.: [Лукьянова 1986, гл. 3]:

- общая эмоциональность фразы, проявляющаяся в её интонации: *Ничего тебе поручить нельзя, **раззяве** такой! Куда **буровишь** (тянешь, тащишь), не видишь, гора и так!*;

- незначительные плеонастические слова, назначение которых во фразе – «заполнить пустующее ударное звено схемы в целях сохранения повышенной экспрессии слова» [Лаптева 1969: 38]: частица *как*, наречное слово *так* при глаголах и местоименные *какой*, *такой* при существительных: *Дед рассердился, да **как** **приурезал** меня по шее!; **Такая** **ерунда** все это!; **Какой** **дармоед** растет, сил нет!*;

- междометия, часто в сочетании с частицами *и*, *уж*, *ну* и др.: ***Ух** и **прищучил** я его!; **Ну** и **мымра** твоя директорша!; **Ох** и **ляпнул** я не подумавши!*;

- синтаксическая роль сказуемого, обращения, приложения для имен существительных: *А Коля наш – **тютя** известный, куда ему*

ответить!; Ты, голубчик, сильно-то не спеши; Не тебе, захребетнику, об этом судить!;

- лексический повтор: *Сквалыга, ну какой же ты сквалыга!; Пластаешься, пластаешься с утра до вечера, а толку – чуть.*

Как правило, эмотивность речевого выражения сопряжена с оценочностью. Оценка – это мнение говорящего о предмете речи, имеющее либо интеллектуальный, либо эмоциональный базис. Соответственно различают рациональную оценку и оценку эмоциональную [Ивин 1970]. Первый тип обобщённо соотносится с понятием «хорошо» (*гуманизм, взаимопомощь, добро*) или понятием «плохо» (*терроризм, война, ложь, зло*). В толковых словарях рациональная оценка специально не выделяется. Второй тип наиболее распространён. Эмоциональная оценка (чувство-отношение) сопровождает выражение чувств говорящего: *чистоплюй* – выражение презрения, пренебрежения; *башковитый* – выражение одобрения; *заинька, котёнок, солнышко, свет в окошке* – номинации, выражающие любовь, умиление, нежность по отношению к лицу. В толковых словарях эмоционально-оценочный компонент фиксируется с помощью специальных помет: *неодобр., пренебр., презр., груб., бран.* – пометы, указывающие на отрицательную эмоциональную оценку; *ласк., уваж., высок.* – на положительную эмоциональную оценку, например: *кличка*, применительно к человеку, (пренебр.); *дружок* (ласк.-фам.); *нюнить* (пренебр.). Слова и устойчивые сочетания слов, обладающие не только понятийным, но и эмоционально-оценочным содержанием, безусловно, относятся к разряду экспрессивной лексики.

Как и эмотивность, оценка может исчерпывать собой лексическое значение, то есть являться не коннотацией, а денотацией значения: *хорошо, плохо, удовлетворительно, неудовлетворительный, неплохой*. Заметим, однако, что в речевой практике денотативное значение такого рода, как правило, сопряжено с эмотивными приращениями. Гораздо легче интонационно наделить данные оценки красками радости, огорчения, разочарования, нежели применить их абсолютно объективно. Будем считать данную лексическую группу, как и номинативную лексику эмоций, потенциально экспрессивной.

В системе языка эмоционально-оценочные слова и фразеологизмы «противостоят нейтральным как их стилистические синонимы, употребительные, с одной стороны, в «высокой», с другой – в «сниженной» речи» [Шмелев 1964: 39]. Стилистическая отмеченность исключает возможность автоматической замены нейтрального средства окрашенным. Например, в тексте приговора по делу о хищении в особо крупном размере исключено употребление глаголов *стибрить, слимонить* или фразеологизма *взять, что плохо лежит*. Напротив, в устном разговорном рассказе об уличном воришке вряд ли будет использовано слово *хищение*.

После сделанных выше общих замечаний перейдём к семантической характеристике эмотивного (эмоционально-оценочного) компонента коннотации.

Эмотивный компонент может исчерпывать собой коннотацию, а может сочетаться в ней с параметрически-оценочным компонентом. Относительно самостоятельное положение эмоционально-оценочного компонента в структуре лексического значения экспрессива связано с обозначением социально-нормативных явлений. Это в высшей степени субъективное языковое значение: предмет речи оценивается эмоционально-отрицательно не потому, что он бесполезен, аморален, неэстетичен, а исключительно потому, что субъект речи в данный момент с их помощью выражает своё отрицательное эмоциональное состояние или, очень часто, соответствующее отношение к собеседнику. Главная линия речевого акта, которая отражается собственно эмоциональной лексикой, – это линия «субъект речи – адресат речи», и грамматическая картина её речевого употребления подтверждает это: эмотивные имена существительные употребляются в функции предиката, обращения, приложения; для глаголов частотна форма повелительного наклонения: *Капа, вы – дура!; Иди ко мне, моё солнышко!; Хватит гавкать тут* (говорить, возражать)!; *Заткнись ты* (замолчи), *без тебя тошно; Клепай* (иди) *отсюда!* Данная группа слов обладает, таким образом, большой силой экспрессивного воздействия и одновременно высокой степенью ограниченности употребления. Этикет предписывает людям вежливость, т. е. сдержанную доброжелательность в общении. Собственно эмоциональная лексика либо выражает резко отрицательные эмоции и попадает в разряд грубо просторечной, отрицаемой литературным языком из этических соображений, либо столь явно демонстрирует положительные эмоции, что воспринимается как интимная, что также ограничивает ее употребление. Однако данный лексико-семантический тип незаменим в плане самовыражения, в частности, сброса негативных эмоций. Фактически, пейоративные эмотивы такого рода являются бранными, а одна из важнейших функций брани заключается в обнаружении, внешнем проявлении отрицательных чувств и, как следствие, освобождении субъекта от их психологического гнёта.

Не рассматривая специально проблемы бранной (инвективной) лексики, которая весьма актуальна для современной русистики (см. [Жельвис 1997; Дуличенко; Стернин 2008; и др.], отметим её выделяемость в составе экспрессивного лексического фонда прежде всего за счёт «градуса» выражаемых эмоций. Служит ли бранное слово задачам самовыражения, сброса психологического напряжения или задачам регуляции чужого коммуникативного поведения, оно, по замыслу, является «сильным словом», словом чрезвычайно высокой энергоёмкости, которая остаточно сохраняется даже в тех весьма распро-

странённых в русском общении случаях, когда брань используется автоматически, в качестве заполнителя пауз, как говорится, «для связки слов».

Инвективная лексика – разряд слов, выделяемых не на семантическом, а на внутрикультурном основании, все они сильно ограничены в употреблении или запрещены в определённой культуре на этических основаниях. В русской речевой культуре существует запрет на мат, матерную брань (наиболее грубую, выражающую буквально физиологическую ярость говорящего, демонстрирующую отрицание даже самых строгих культурных запретов) в публичной ситуации и печатной продукции. В настоящее время этот запрет оспаривается и размывается, но, в то же время, находит и немало горячих сторонников, так что дискуссия об употребительности мата не утихает.

Очевидно, что данная интереснейшая проблема лежит в иной научной плоскости. С семантической же точки зрения слово-инвектива (например, матерное ругательство *блядь*, которое, признаться, автор эксплицирует с большим трудом) отличается от других эмотивов (например, *падло*, *сволочь*, *дурак*, *скотина*) исключительно степенью эмоциональности. С точки же зрения семантической структуры как слово-инвектива, так и менее запретные и вовсе не запретные эмотивы одинаковы: они характеризуются обобщённым денотативным базисом и закреплённой семой эмотивности, оттеснившей все прочие субъективно-оценочные компоненты лексического значения, в том числе исконную образность, если она имела место..

Рассмотренная группа собственно эмотивных слов сравнительно немногочисленна. Гораздо чаще эмоционально-оценочный компонент сочетается в коннотации с параметрически-оценочным и определяется им: *хибара* «небольшой убогий домик, лачуга» (небольшой, убогий – параметрические оценки), и потому он мне не нравится – эмоциональная оценка); *язва* «о злобном, язвительном человеке» (злобный, язвительный – и потому он вызывает у меня отрицательные эмоции); *просвашишь* «прогулять без всякой пользы, в ущерб важным делам» (без пользы, в ущерб делам – и потому я осуждаю данное действие). Подобная параметрически-эмоциональная оценка чрезвычайно широко распространена среди экспрессивов всех частей речи.

В чём же заключается специфика эмоционально-оценочного компонента? Сразу отметим такую яркую черту языковой лексической эмоциональности, как её способность к колебаниям вплоть до полярного противопоставления – внутрисловной антонимии, или *энантиосемии*. Амплитуда оценочных колебаний зависит от характера параметрически-оценочного компонента коннотации. Если параметрический признак слит с прагматическим, то эмоциональная оценка характеризуется большей определённой, см. отрицательное эмоционально-оценочное содержание в переносных обозначениях ли-

ца: *язва, чума, свинья, кикимора, скотина*. Но и здесь трудно говорить о конкретной языковой эмоционально-оценочной семе, хотя словари могут давать конкретную интерпретацию: *презр.*(ительное), *пре-небр.*(ежительное) и т. п. Только контекст дает расшифровку эмоционально-оценочного содержания лексемы, языковое слово включает в себе лишь обобщённое значение отрицательной эмоциональной оценки. Действительно, какое чувство может выражать слово *свинья* в применении к человеку: презрение? брезгливость? пренебрежение? раздражение? привычное неодобрение? Видимо, любое из названных и другие отрицательные.

Уже приведённые выше примеры демонстрируют неопределённость, растяжимость языкового эмоционально-оценочного значения. Если же в составе коннотации есть собственно параметрические (конкретно-вещественные) семы, для эмоциональной оценки открывается возможность выйти за пределы своего знака, положительного или отрицательного. Например, параметрический компонент коннотации глагола *жрать* включает в себя собственно параметрические семы «много» и «быстро» наряду с прагматико-параметрическими «неаккуратно», «не заботясь о других». Сравним теперь контексты, позволяющие уловить разницу эмоционально-оценочного содержания этого глагола: 1) *«Жри, скотина!» – швырнул он миску на стол* – эмоциональное отношение презрения; 2) *Девчонки, побежали скорее, жрать ужас как хочется!* – подчёркнута сема интенсивности, но отрицательные эмоции не выражены, реализована лишь эмоциональная реакция непринужденности, т. е. минимум эмоциональности; доминирует здесь параметрический компонент интенсивности. Неясность прагматической оценки также усиливает свободу выбора конкретной эмоционально-оценочной семы, например, *оболтус, толмить, тараторить* – это, скорее, «минусовые» по эмоциональной оценке слова, но далеко не всегда: *Ты домой? А я в «Одежду» заскочу, костюм ищу своему оболтусу* (мать о сыне, пейоративное обозначение лица здесь звучит иронично-ласково).

Энантисемия в сфере эмоционально-оценочной семантики – нередкое явление, ср.: *И чтоб я тебя, собака, тут не видел!* – с презрением; *Эк наяривает, собака!* (об игре на баяне, с восхищением). В эмоциональных обращениях положительная эмоция легко превращается в отрицательную с помощью соответствующей интонации.

Итак, особенностью эмотивного компонента лексической единицы языка является его неконкретность. Основные средства выражения эмоций принадлежат речи, а за словом в системе языка закреплён только знак эмоции, обобщённая эмоция – положительная (редко), отрицательная (как правило) или та и другая совместно. Расшифровка этого знака происходит в устной речи с помощью интонации, паралингвистических средств, контекста ситуации; в письменной – с по-

мощью особых синтаксических конструкций и широкого контекста. Контекст отдельной фразы достаточен для того, чтобы осознать наличие эмоционально-оценочного компонента, но недостаточен для того, чтобы его расшифровать: (жена – мужу) *Что, голубь ты мой?* – это сказано ласково? нежно? издевательски? угрожающе?

Характеризуя роль эмоционально-оценочного компонента в составе коннотации экспрессивного слова, ещё раз подчеркнём его первостепенность, доминантность, энергетическую силу [Бойко 2004]. Это следует уже из того, что эмоциональное содержание слова может не зависеть от качеств обозначаемого явления и исчерпывать собой коннотацию. Второе подтверждение доминантной семы эмотивности заключается в том, что при выдвигании на первый план индивидуально-субъективного, а не социально-субъективного смысла (выше отмечалось, что такого рода смещение акцентов типично для экспрессива) параметрические семы полностью гаснут в контексте: *хибара* – о новом роскошном особняке; *нора, логово* – об ухоженной просторной квартире; *драндулет* – о новом «породистом» автомобиле, любимце хозяина. Намеренное снижение регистра при характеристике чего-либо «своего» – вещи, домашнего животного (*семейный разбойник* – о коте), человека или группы людей (*это мои дружбаны; это наша компашка*) – сродни древнему славянскому обычаю присвоения ребёнку уничижительного имени, с охранительной целью. Функционально иную, но идентичную семантически параметрическую необъективность наблюдаем в словоупотреблениях, эмоциональное открывающих отношение к человеку: *жри, лопай* – неуважаемому человеку, будь он и образцом хороших манер. Затухание параметрических сем при яркой выраженности эмоционально-оценочных может закрепляться в узусе. Вероятно, так формируется значительная часть бранной лексики. Если же параметрические признаки объективны и актуальны, то эмоциональные семы в лексическом значении экспрессива полностью сохраняются.

Очевидно, что даже узуальная эмоциональность очень сильно ориентирована на речь и с трудом поддается анализу вне контекста. Напротив, приобрести речевое эмоциональное содержание может любая лексическая единица языка, независимо от её понятийного содержания, причём набор речевых эмоционально-оценочных приращений семантики трудно исчислить, – вспомним известное актерское упражнение, когда с помощью интонации требуется передать разное эмоциональное содержание (десять, двадцать смыслов!) одного и того же нейтрального сообщения, например: *Письмо получено; Приходи завтра; Он ничего не знает*. Но богатство языка определяется также количеством готовых к употреблению единиц с эмоционально-оценочным содержанием – эмотивов, и русский язык имеет обширный и многообразный фонд эмоционально-оценочных слов. Их функ-

ционально-стилевая принадлежность определяется нацеленностью стиля на выражение субъективной информации. Большинство экспрессивов формируется и бытует в рамках разговорного и художественного функциональных стилей, к ним тяготеют, с определённой прагматической фильтрацией, публицистика и религиозный стиль. Лишь официально-деловая и научная речь, за исключением пограничных жанров, использует экспрессивную лексику в ограниченных пределах.

1.3. Образность и экспрессивность

Образность слова традиционно связывается с переносом значения: «Значение образное – значение слова, функционирующего в качестве тропа» [Ахманова 1966: 163]. Образное слово обозначает определённое явление действительности через сравнение его с другим явлением, уже обозначенным с помощью слова, или, как писал А.А. Потебня, «сравнение познаваемого с прежде познанным». Отсюда конкретность, наглядность, изобразительность образной единицы. Это «своего рода рисунки понятия» [Овсяннико-Куликовский 1914. Т.6: 100].

Однако нам ближе более широкая трактовка образности, восходящая к трудам В. Фон Гумбольдта. По Гумбольдту, слово возникает на основе чувственного восприятия предметов, причём «оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе» [Гумбольдт 1984: 80]. Трактовка языкового образа как вербализованного представления, основанного на психическом образе обозначаемого явления, расширяет круг образных единиц. В число последних войдёт, к примеру, конкретно-предметная лексика, в сознании носителя языка обладающая сопутствующим понятию представлением о называемом объекте. Об этом много писала О.И. Блинова [Блинова 1973 и др.], и в настоящее время чётко сформулирована мысль о том, что «перцептивный образ является существенным элементом значения» любого слова, независимо от его производности или непроизводности, абстрактности или конкретности [Розенфельд 2010: 202]. И за непроизводными, и за производными словами могут стоять представления, которые в значительной степени совпадают у говорящих на одном языке.

Представление является категорией психологической. В лингвистическом понимании образность – это способность слова (как и других единиц языка) отражать обозначаемое конкретно-изобразительно, выполнять предметно-изобразительную функцию. Исследователи образного строя языка используют понятие ‘образные представления’, содержанием которого являются «воплощённые в узуальных единицах языка ментальные образы, основанные на «совмещении двух картин» а) первичного чувственно воспринимаемого (перцептивного) об-

раха, характеризующего номинируемый концепт, и б) самого образно номинируемого концепта» [Юрина 2005: 7].

Вопрос о том, является ли образность компонентом значения, остаётся спорным. В лексикологии неоднократно высказывалось мнение о том, что чувственный образ является компонентом лексического значения [Кацнельсон 1965, Стернин 1979; и др.], а именно *образным значением*. Данный компонент обычно ставится в зависимость от производности слова, его отличительной чертой является содержательная двуплановость, взаимодействие предметно-понятийного и ассоциативно-образного планов содержания [Юрина 2005: 30]. Однако относительно семантического статуса образности высказаны и сомнения. В отличие от субъективно-оценочных компонентов, образность производных слов указывает на способ их создания: «**как** они выражают соответствующее содержание», а не «**что** они выражают (чувства, оценки)» [Петрищева 1972: 112. Выделено автором цитируемого высказывания. – Т.М.].

Правы, вероятно, представители обеих точек зрения. Изобразительность образного производного слова нередко настолько сильна, что сохраняет свою значимость не только при создании слова, но и в процессах его функционирования. Выразительная сила слова определённо усиливается за счёт прочитываемой образности, что и служит основанием считать последнюю, пусть с некоторыми оговорками, одним из компонентов коннотации в лексике общего языка.

Образность не рядоположаема с параметрическим и эмоциональным компонентами лексического значения. В ней отражается мыслительная операция сопоставления, которое нацелено на определённый эмоциональный отклик, т.е. это особое сложное по природе рационально-эмоциональное явление. Ясно и ярко пишет об этом Х. Касарес: «...причина, позволяющая включить образность в систему непрямых эмоциональных значений, заключается в приятном ослаблении напряжения, которое она вызывает в душе, освобождая нас от усилия, требуемого процессом абстрактного мышления» [Касарес 1958: 122].

Необразное и образное значения различаются с точки зрения функций, которые характерны для них. Основная функция необразного слова – это функция называния, прямой номинации, суть которого заключается в выделении обозначаемого явления в ряду подобных. Той же функции могут быть подчинены и образные слова (*подснежник, столовая, крыло самолёта*), тогда их первоначальная образность быстро гаснет. Но если слову (в том числе лексико-семантическому варианту многозначного слова) отводится роль параллельного наименования, возникающего с целью выражения субъективных смыслов, образность приобретает особую функциональную значимость, подчёркивает выразительность слова и долго не гаснет. Так, в словосоче-

таниях *сладкий голос, сладкая улыбка* явление характеризуется с помощью переносного значения слова, причём *сладкий* является здесь образным синонимом необразного слова *льстивый*. Образный компонент стилистического значения (здесь характеристика через сходство впечатления) соединяется с эмоционально-оценочным (неодобрительным). Таким образом, образность, по крайней мере, бифункциональна. Она является одним из способов объективной номинации (например, термины в научной речи могут быть образованы путём переноса значения: *корень слова, ядро лексического значения, диффузность семантики*) или же способом выражения субъективных смыслов, речевого воздействия.

Носителями образных значений в первую очередь являются тропы. Анализируя троп, мы опираемся на соотношение прямого (производящего) необразного и переносного (производного) образного значения или употребления. Троп обладает семантической двуплановостью, его образность сосредоточена в переносном значении слова. При восприятии тропа в сознании носителя языка возникает ассоциативное представление, опирающееся на исходную единицу, что и служит ключом к разгадке переноса значения.

Необразное значение слова связано с той или иной реальией прямо, непосредственно, а тропеическое – опосредованно, через связь с соответствующим производящим значением. Например, вне контекста слово *сладкий*, в сознании воспринимающего означает «имеющий свойственный сахару или мёду приятный вкус». Что касается переносного значения «приторно-нежный, льстивый, умильный» (*сладкий голос*), то оно осознаётся лишь на фоне прямого значения. Тропеическое значение зависит от контекста и проявляется с помощью контекстных партнёров: *сладкая улыбка, сладкие речи (взгляды, слова, комплименты)*. Необразное, прямое значение, в большинстве случаев свободно с точки зрения условий реализации, а образное связано фразеологически или синтаксически. Так, слово *сладкий* в первом значении свободно сочетается по смыслу с другими словами языка. Язык ограничивает его лексическую сочетаемость лишь логически: *сладкий кисель, сладкий сок, сладкое пирожное*, но не *сладкая соль, сладкая походка, сладкое изменение* и т.д. Переносное значение этого слова является фразеологически связанным, его сочетаемость более узка, чем сочетаемость логическая: *сладкая улыбка* (но не *сладкий смех*), *сладкие речи* (но не *сладкий разговор*), невозможно сказать *сладкое намерение* и т. п. Синтаксическая связанность также содействует сохранению языковой образности, например, слова-зоосемизмы *заяц, медведь, лев, змея, гадюка, зверь* и др. обычно употребляются в переносном значении как часть составного именного сказуемого или в роли обращения, приложения.

Для выражения образного представления используются также специализированные морфологические формы, например, форма творительного падежа имён существительных, выражающая сравнение: *мчатся стрелой, волком вить, виться змеей*. Данные словоформы характеризуются устойчивой связанной сочетаемостью (*мчатся стрелой*, но не *ракетой*; *виться змеей*, но не *гадюкой*).

Сопутствующее понятию визуальное представление, закреплённое за образной единицей, конкретизирует номинативное значение, «оживляет» его, создает основания для выражения эмоции, превращает образное слово в полноценный экспрессив.

Таким образом, тропеическое образное значение соотносится с обозначаемым опосредованно, через производящее значение; с точки зрения условий реализации оно обычно контекстно связано; на базе номинативной выполняет изобразительную функцию, а также функцию эмоционально-оценочной характеристики обозначаемого. В то же время нужно помнить о стирании образности в процессах длительного функционирования. Образность – это прежде всего экспликация технологии выразительности, способ появления новых лексических единиц. В процессах речевого пользования этот признак может быть важен (при порождении экспрессивных высказываний) и неважен (при порождении объективно-логических высказываний), так что в языке постепенно осуществляется сортировка производных единиц: те из них, что созданы в целях объективной номинации, теряют первоначальную выразительность. Так, мы уже не ощущаем никакой экспрессивности в изначально переносных значениях: *нос*, *крыло*, *хвост* самолёта, *конёк* русской избы, *плеть* трубопровода; как и в нетропеических: *впечатление* (<*впечатать* < *печатать*); *матица* «потолочная балка» (< *мать*) и т.п. Именно поэтому образный компонент коннотации не может быть выделен в языке безоговорочно.

Обладают образностью и нетропеические слова. В их числе первыми должны быть названы производные слова с ощутимой внутренней формой: *белоснежный*, *синеглазый*, *сребролюбец*, *горлодёр*, *горбатиться*. Внутренняя форма обычно связана с признаком, входящим в структуру понятия (*беляк* < *белый*, *общезитие* < *общий* и *жить*), причём этот признак не является существенным для функционирования производящего слова. В то же время даже в неэкспрессивных словах ощутимая внутренняя форма бывает весьма существенна в плане создания сопутствующего представления. Так, слово *ползунки* не только обозначает костюм для грудного ребёнка, но и создает сопутствующее представление о малыше, который ещё не умеет ходить, а только *ползает*. Сложное слово *живодёр* (*драть живое*) рисует образ мучителя, разрывающего (*раздирающего*, что указывает на более интенсивное действие) на части живую плоть, и одновременно передаёт чувства отвращения, гадливости, возмущения (эмоционально-

оценочный компонент). Образность подобных слов проявляется в сопоставимости с производящей основой, что создаёт картинность производного слова, и усиливается за счёт эмотивности – отрицательного эмоционально-оценочного отношения к явлению.

Образностью, хотя бы остаточной, характеризуются также звукоподражательные номинации (*кукарекать, кукушка, чавкать, мяукать, дребезжать, ухать, шамкать, охать, топать, шуриание, хохотун*), а также фразеологизмы (*ни бе, ни ме (ни кукареку); ни гугу, вдохи да охи, задавать храпака*). Каждое такое слово или фразеологизм (ономотопея) образовано на базе звукоподражания – неизменяемой языковой единицы, в которой звуками речи передаются звуки окружающего мира (*ку-ку, тик-так, мяу, плюх, ба-бах*) и неречевые звуки, издаваемые человеком (*апчхи, ха-ха-ха, топ-топ*). Такая своеобразная внутренняя форма способствует формированию сопутствующих номинативному значению акустических представлений. Впрочем, номинативное предназначение таких слов в значительной степени снимает их воздействующий эффект.

Когнитивные источники образности разнообразны, см. [Лукьянова 2003]. Наряду с общим опытом деятельности, образ может восходить к религии и мифологии, традициям и обычаям народа, его фольклору и литературе.

Во всех случаях внутренняя форма отсылает к стилистическому значению. Будучи знаком образа, она показывает, «как представляется человеку его собственная мысль» (А.А. Потебня) и, в свою очередь, способствует возникновению чувства-отношения. С синхронно-функциональной точки зрения, совокупность образных слов представляет собой лексический фонд, потенциально предрасположенный к созданию эффекта выразительности. Функциональная нагрузка вторичного означивания с прагматическим расчётом создаёт реальный эффект выразительности, в остальных случаях образ угасает. Будучи особой семой лексического значения, образность значительно усиливает речевое воздействие, придаёт экспрессиву глубинное измерение.

1.4. Экстралингвистические компоненты коннотации

Субъективная сфера человеческого сознания многогранна, поэтому коннотация слова не ограничена параметрическими и эмотивными компонентами значения. Различается ещё несколько разновидностей коннотативных приращений, в значительной степени имеющих отношение к экспрессивности языковых единиц. В целом параметрический, эмотивный, оценочный компоненты лексического значения создают мощную функциональную базу экспрессивного слова, представляющего собой готовую единицу воздействия. Названные компоненты, если можно так выразиться, индивидуально-

субъективны. Все они связаны с субстратом головного мозга и опираются на сферы личного сознания индивида. Однако личность неотрывна от социума, индивидуальное сознание – от общественных явлений, которые также формируются на познавательных и отражательных основаниях и запечатлеваются в языке.

Помимо параметрических и эмоционально-оценочных сознаний, слово может нести в себе дополнительные смыслы, связанные с традициями употребления, этнокультурной информацией, характером языкового творческого мышления и др. Носят ли эти смыслы языковой характер или принадлежат исключительно речи? Полемика об этом продолжается по сей день, однако аргументы всеобщности и воспроизводимости этих компонентов значения в рамках языка убедительно свидетельствуют о том, что русское слово располагает обширным набором языковых единиц с экстралингвистически обусловленными компонентами коннотации. Рассмотрим наиболее важные из них по отдельности.

1.4.1. Функциональный компонент коннотации

Коннотация в целом – это гетерогенное образование, наиболее крупными частями которого являются экспрессивный и функционально-стилевой компоненты. Оба эти компонента, в свою очередь, комплексны по своей структуре. Рассмотренные выше типы сем, образующие экспрессивную часть коннотации, носят количественно-качественный, квалификативный характер. Функционально-стилевая часть коннотации прежде всего содержит в себе информацию о том, где обычно используется данное средство, строго говоря, – о закреплённой связи языкового средства с той или иной сферой его употребления. Такая закреплённость формируется под влиянием целого ряда стилеобразующих факторов, в котором главными являются сфера деятельности и соответствующая ей форма общественного сознания, а кроме них играют роль ведущий тип мышления, доминирующие цели общения, тип коммуникации и статус коммуникантов, тональность их общения, форма и вид речи [Кожина 1968]. Обычай употребления отдельных слов в соответствии с типовым комплексом стилеобразующих факторов формирует соответствующее смысловое приращение: отсылку к сфере и условиям употребления. Так образуется окраска, соответствующая тому или иному функциональному стилю (научному, публицистическому, разговорному др.).

С функционально-стилевой точки зрения, средства языка подразделяются на межстилевые и функционально отмеченные, то есть имеющие функционально-стилевые приращения смысла. Межстилевые средства, лексические и грамматические, используются в речевых произведениях всех без исключения стилей (это нейтральная обще-

употребительная лексика). Данные средства составляют основу русского языка и обеспечивают его единство. Стилиевая маркированность слов опознаётся говорящим или пишущим на базе контекста и целого текста.

Многозначная лексика может характеризоваться неоднородной стилевой окраской лексико-семантических вариантов. Например, лексема *освещение* «свет от какого-либо источника» (*электрическое освещение*) не обладает стилевой маркированностью. Стилевая окраска умеренной книжности закреплена за значением «определённое истолкование, объяснение» (*освещение в прессе актуальных событий*). Слово *ищейка* «служебная собака» можно охарактеризовать как межстилевое. Разговорная окраска закреплена за переносным значением этой лексемы «сыщик, полицейский, шпион».

Наиболее крупную функционально-стилевую оппозицию маркированных в данном отношении единиц образуют средства книжные и разговорные. Книжная стилевая окраска указывает на использование данного средства в тех стилях речи, которые реализуются преимущественно в письменной / печатной форме (отсюда сам термин *книжные стили*), в виде монолога и предполагают официальные отношения коммуникантов: *абрис, абстрагироваться, волеизъявление, жаждать, исцелиться, морализировать, неукоснительный, неукротимый, поскольку, ибо*.

Разговорная стилевая окраска противопоставлена книжной, поскольку она связана с противоположными условиями реализации: преимущественно устной формой, диалогическим видом и неофициальными отношениями коммуникантов: *бухнуть, втихаря, выкрутиться, галдёж, дурацкий, ерепениться, закидон, заначка*. Аналогичное противопоставление охватывает фразеологические единицы русского языка, ср.: *аттическая соль, всеми фибрами души, глас вопиющего в пустыне, (разрубить) гордиев узел, двуликий Янус, пригвоздить к позорному столбу* – книжные фразеологизмы; *глядеть в оба, мелкая сошка, мотать (себе) на ус, наломать дров, строить глазки, шишка на ровном месте* – разговорные фразеологизмы. В толковых словарях русского языка для обозначения данных пластов лексики регулярно используются пометы *книж.(ное)* и *разг.(оворное)* [Лексикография русского языка 2009: 64–65], и сам этот факт говорит о том, что стилевой компонент коннотации осознан в языке, достаточно прочно закреплён за единицами языка.

Межстилевые средства встраиваются в диаду книжное / разговорное как средний член, условия употребления которого не регламентированы. Следует заметить, однако, что наличие полной стилистико-синонимической триады ‘книжное – межстилевое – разговорное средство’ (*сооружение – здание – постройка, шествовать – идти – ковылять; превосходно – отлично – здорово*) в языке вовсе не обяза-

тельно. Многие средства с книжной стилевой окраской не имеют нейтрального межстилевого аналога (таковы, например, термины), разговорные не имеют книжных синонимов (например, неполные предложения) и т.д. Таким образом, представленная типология стилевых окрасок имеет общезыковое значение, но не конкретизируется на всём объёме конкретного материала. Функционально-стилевые единицы формируются в речи и закрепляются в языке лишь в той мере, в какой они необходимы в определённых условиях речевого пользования.

Если языковые средства имеют распространение во всех книжных стилях, их называют общекнижными: *оппозиция, систематизировать, экспериментальный, максимум*; причастные и деепричастные обороты; сложноподчинённые предложения. Основные подтипы книжной стилевой окраски соответствуют функциональным стилям речи, так что регистрируется научная, официально-деловая, религиозная, публицистическая стилевая окраска. Аналогично проявляется окраска разговорности: разговорная речь располагает соответствующей лексикой (*затесаться, зубоскал, кусочничать, ляпнуть, навернуть, оборвыш, паршивый*), словообразовательными средствами (аффиксы -к-, -их(а) и др., словообразовательная модель семантического стяжения), синтаксическими единицами (неполные предложения). Дифференциация разговорных средств выражена слабее, но и здесь в лексике могут быть выделены, по крайней мере, два подтипа: собственно разговорная (*пялиться, суетня, парнишка, дежурка*) и разговорно-просторечная (*втемяшиться, трепач, вовнутрь, всегда*) стилевая окраска [Кожина 1993: 127–128; Крылова 2006: 77–80]. Граница между этими подтипами размыта.

На шкале абстрактности окраска, соответствующая конкретному функциональному стилю, — это средний уровень. В рамках каждого функционального стиля, в свою очередь, проявляется специализация функционально-стилевой окраски. Так, ряд лексических и грамматических средств характерен для научного стиля в целом (например, слова *диахрония, функция, доказательство, опыт, гипотеза*), другие же составляют специфику отдельной науки (например, для генетики это термины *ген, геном, хромосома*). Специализация книжной функционально-стилевой окраски, её закреплённость за более узкой сферой употребления в рамках книжности отражаются в большом количестве частных помет, например: *техн.*(ическое), *геогр.*(афическое), *мат.*(ематическое), *биол.*(огическое) и т.п. Частная стилевая окраска (например, *филос.*(офское) одновременно указывает на все её более общие разновидности (в нашем примере *филос. < науч. < книж.*).

Таким образом, функционально-стилевая окраска проявляется с различной широтой охвата языковых средств, при этом каждая окраска представляет собой конкретизированное проявление более общей

окраски данного рода. Но какое отношение связывает функционально-стилевую окраску слова с его экспрессивностью?

Сразу следует отметить, что в рамках «своего» функционального стиля соответствующее слово экспрессивным не является и выразительными свойствами не характеризуется. Термины нормальны в научной речи, газетизмы – в публицистической, религионимы – в религиозной, канцеляризмы и номенклатурная лексика – в официально-деловой, разговорные слова – в разговорном стиле литературного языка. Однако границы функциональных стилей открыты, и межстилевые заимствования и наложения многочисленны. Идейной основой экспрессивности является эффект необычности, а перенос стилистически маркированного слова в «чужую» сферу употребления – это простейшая модель достижения данного эффекта. Здесь необходима, однако, оговорка, касающаяся осознанности такого речевого хода со стороны говорящего, в ином случае будет наблюдаться не стилистический эффект, а речевая ошибка.

Функциональный компонент коннотации не ограничен функционально-стилевыми семами. В его состав входят также функционально-социальные семы, участвующие в маркировании слова по социальной группе (общенародные и ограниченные по составу носителей: жаргонные, принятые в детской речи и др.), функционально-частотные семы, на основании которых слова делятся на общеупотребительные и малоупотребительные, и др. [Стернин 2005].

В состав социально обусловленных составляющих коннотации входит идеологический компонент, выделенный Г.Н. Складневской в качестве особого компонента прагматического характера [Складневская 1995]. Лексикология отражает все социальные сломы исторического времени, а Россия 20-го века пережила, фактически, две смены государственного строя, после революции 1917-го года и после перестройки и распада СССР в конце 80-х – начале 90-х годов. Семьдесят лет советской власти, которая активно выстраивала и внедряла собственную идеологию, отразились на русском лексиконе самым заметным образом. Ограничительные пометы в толковом словаре получили многие термины религии, государственного устройства досоветской России, этической сферы. Например, пометой *устар.* (евшее) в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, отразившем мировоззрение советской власти, сопровождаются слова *благотворительность*, *благопристойный*, *благодетель*; лексическими маркерами *капиталистический*, *дореволюционный*, *дворянский*, *в буржуазном обществе* наделяются толкования слов *этикет*, *манера*, *господин* и *госпожа*, *сударь* и *сударыня* [Купина 1995: 31–33].

Что же принадлежит языку, а что речи? Стилистический контраст использования функциональной окраски в не свойственном ей окружении создаётся в речи, точнее, в тексте. Например, функцио-

нально-стилевая окраска закреплена в языковом сознании носителей языка и кодифицирована, в языке она экспрессивной не является, субъективного отношения к предмету речи не передаёт. Однако именно слова, окрашенные в цвета определённого функционального стиля, лучше и чаще, чем нейтральные общеупотребительные, привлекаются носителями языка для создания экспрессивного эффекта, и чем дальше друг от друга трансформируемая единица и её контекстный фон, тем сильнее впечатление. Вот образцы стилистического контраста как источника выразительности высказывания: 1) *Отойди, сунплетивный!* – презрительная реплика в адрес примитивного, на взгляд девушки-филолога, ухажёра. В качестве бранного слова использован лингвистический термин, но высказывание в целом понято адресатом правильно; 2) *Разговорная речь – это речь с понта, без подготовки.* – В пародии на ответ студента на экзамене по стилистике имитируется книжная речь, в которую намеренно вставлена единица молодёжного жаргона (*понт*, мн. *понты* «бахвальство»). Поскольку предложно-падежная форма *с понта* перекликается с нужным по смыслу термином *спонтанная* (речь), возникает необходимой автору комизм высказывания.

Разговорная лексика широко используется в газетной публицистике, применяется профессиональными радио- и телеведущими, она нужна проповеднику, политику, чиновнику в качестве антипода книжных языковых средств. «Разность потенциалов» книжного и разговорного слова рождает выразительность, способствует сближению коммуникантов, формирует непринуждённость высказывания.

Таким образом, лексику с функционально-стилевым компонентом коннотации можно считать потенциально предрасположенной для создания речевых эффектов повышенного воздействия, или экспрессивности. Это (наряду с рассмотренными выше группами слов с денотативной оценочностью и номинативных обозначений эмоций) ещё один функционально-семантический разряд лексических средств, предрасположенных к созданию экспрессивности.

1.4.2. Культурный компонент коннотации

Ряд коннотативных сем (фоновые семантические доли лексического значения) соотносится с традициями народа, его обычаями, особенностями мировосприятия русских. Как и другие составляющие коннотации, культурный компонент дополнителен по отношению к понятийному значению. Лексический фон вбирает в себя те ассоциативные сведения, которые накапливаются у носителей языка в процессе применения слова. Эти сведения отражают в себе уклад жизни народа, его трудовой и социальный опыт. С понятийной точки зрения эти знания периферийны, но в функционально-стилистическом плане

очень важны. Фоновые знания хранятся в коллективной народной памяти, являются принадлежностью национального языкового сознания [Верещагин 2005: 69–78]. В совокупности они составляют «фоновый слой» в структуре лексического значения [Крысин 2008а: 53]. Семы, соответствующие фоновым знаниям не являются классификационными, однако их функциональная значимость от этого не становится менее значительной, особенно в межкультурной коммуникации. Разумеется, с течением времени культурная коннотация лексической единицы может видоизменяться, так что стилистическая интерпретация культурного компонента должна проводиться в контексте времени.

Фоновые слова и выражения составляют культуроспецифическую часть лексической системы, которая особенно хорошо выявляется в процессе межъязыковых сопоставлений. В ходе этих сопоставлений выяснено, что фоновой семантикой обладает не только нарицательная лексика, но и собственные имена, не только общеупотребительные слова, но и терминология [Верещагин 2005: 94–118].

Деление фоновой лексики на семантические разновидности производится в зависимости от степени семантической неповторимости, непереводаемости. Безэквивалентными называют слова, не имеющие точных лексических параллелей в других языках. В состав безэквивалентной русской лексики входят наименования предметов и явлений традиционного быта (*изба, коромысло, сноп, квас, гусли, кокошник*), фольклоризмы (*домовой, суженый, жар-птица, добрый молодец*), историзмы (*уезд, слобода, скоморох, городничий, сажень, фунт*). Особый пласт историзмов составляют слова, отражающие специфику советского образа жизни, сложившихся в СССР традиций, – советизмы. Например, *городами-побратимами* называли «населённые пункты различных стран, установившие непосредственные дружеские связи в целях укрепления сотрудничества между народами». Традиция «братания» городов укрепляла принцип интернационализма, взаимопомощи, сотрудничества *братских народов*. Неодобрительная номинация *попутчик* использовалась для обозначения беспартийного писателя, «примкнувшего к большевикам в их борьбе, но не понимающего особенностей социалистической революции». Устойчивый оборот *за того парня* (слова из песни М. Фрадкина на стихи Р. Рождественского) характеризовал трудовой почин молодых рабочих, бескорыстно выполнявших нормы за погибших воинов [см.: Мокиенко 1998]. В исконной русской фразеологии также ярко отражается этноспецифическая картина русского мира (*бить баклуши, косая сажень в плечах, окатить ушатом холодной воды, сарафанное радио, ходульные фразы, хождение в народ, широкая душа* и др.).

Наряду с безэквивалентной существует и очень распространена неполноэквивалентная лексика, обозначающая понятия, представленные в культуре разных народов, и содержащая в себе разные диффе-

ренциальные семы, уточняющие опорное понятие. Так, слово *берёза*, обозначающее древесную породу, распространённую не только в России, обладает национально-культурной спецификой, в сознании русских являя собой символ русского пейзажа.

Культуроспецифическое созначение не обязательно экспрессивно, но материал показывает, что в большинстве случаев культурный компонент сочетается с другими компонентами коннотации. Так, тесная связь советизмов с эмоциональной оценочностью продемонстрирована в стихотворении Г. Горбовского «Мёртвые слова»: «Слова, как брань, как окрик, как свист хлыста, сквозь век: кулак, рабсила, контрик, нацмен, баланда, зэк».

Фоновые слова и выражения, ушедшие или уходящие в пассивный запас языка, могут оживать, получая новые экспрессивные приращения. Например, в августе 2010 г. территория центральной части России была охвачена пожарами. Блогер из Тверской области А. Пачков раскритиковал неэффективную работу местных властей. Он вступил в переписку с премьер-министром и сообщил, в частности, что в его деревне нет *рынды* (то есть пожарного колокола). Словом *рында* изначально назывался корабельный колокол. Три ударами *рынды* обычно оповещали о том, что наступил полдень, *рында* могла использоваться также для сбора команды в чрезвычайных ситуациях. Премьер-министр ответил блогеру: «*Рынду получите незамедлительно*». Существительное *рында*, как сообщали СМИ, стало актуальным словом текущего момента, символом народной борьбы с пожарами. В Интернете, в газетах появились фотографии установленной *рынды*. Так фоновое слово получило расширение значения и новую жизнь, наверняка кратковременную.

Фоновый смысл культуроспецифических языковых средств важен в художественных произведениях, публицистике, живом общении. В целом данный пласт слов представляет собой ещё один источник экспрессивности. Этнокультурные компоненты коннотации в совокупности воссоздают традиции и обычаи народа, в какой-то степени демонстрируют его национальный характер. Современная ситуация в силу глобальной урбанизации, мощных миграционных перемещений противостоит традиционному укладу жизни в целом, а контраст всегда обладает экспрессивным потенциалом.

Обобщая всё сказанное о составе семантических приращений к понятийному значению слова, отметим, что коннотация вариативна по компонентному составу. Как правило, она предстаёт в виде того или иного набора семантических компонентов разной природы. Наиболее значимы субъективно-оценочные семы, эмотивные и параметрические. Они, особенно семы эмотивности, являются непосредственным выразителем субъективного отношения говорящего к предмету речи. Функциональные и культурно-фондовые семы закрепляются за акту-

альными словами под влиянием стандартов речевого употребления и традиций этноса. Лексика с такими семами предрасположена к созданию речевых эффектов экспрессивности, хотя в системе языка наличие только этих коннотативных сем эффекта выразительности не создаёт. Наконец, специфичной единицей коннотации является компонент образности, несущий на себе эстетическую нагрузку.

1.5. Семантика экспрессивного слова и социальный аспект лексики

Параметрически-оценочный и эмотивный (эмоционально-оценочный) компоненты, создающие экспрессивность, характеризуются внутренним единством: во-первых, они квалифицируют обозначаемое явление, а не классифицируют его, во-вторых, они оценочны в широком понимании термина. В то же время названные компоненты имеют разную природу. Параметрический компонент отражает такое явление действительности, как свойство, признак, качество какой-либо реалии, проявленное в сверхнормативном или предельном количестве. Параметрическая оценка выявляется на основании рационального сопоставления явлений одного класса, т. е. это оценка-мысль. Эмоционально-оценочный компонент отражает чувственное осмысление субъектом выделенного рационально чрезмерного качества реалии или всей реалии в целом. Эмоционально-оценочный компонент – это оценка с иным основанием: оценка-чувство.

Параметрическая оценка более объективна. При двухкомпонентной структуре коннотативного значения она обуславливает наличие и характер эмоциональной оценки, хотя текстовое перераспределение ролей – обычная вещь для экспрессивных слов. Эмоциональная оценка может исчерпывать собой коннотацию, проявляться вне зависимости от качественно-количественной стороны обозначаемого явления. Экспрессивы с такой коннотацией служат для выражения индивидуально-субъективных оценок говорящего. Наиболее типичная структура коннотативного значения – параметрически-оценочный компонент в сочетании с эмоционально-оценочным – связывает воедино означаемое, взятое в аспекте меры явления, и его эмоционально-оценочное восприятие субъектом.

Многие исследователи отмечают, что экспрессивная лексика характеризуется оценочной асимметрией [Лаврентьева 1977; и др.]. Количество отрицательных оценок, закреплённых за лексическими единицами, намного превышает количество положительных, хотя языковая шкала оценок устроена симметрично и нет собственно языковых причин, мешающих созданию нейтрально-экспрессивных триад типа: *глаза – очи – гляделки*, в которых опорную нейтральную единицу сопровождают экспрессивные с положительной и с отрицатель-

ной эмоциональной оценкой. Собственно лингвистический анализ лексического значения экспрессивного слова оказывается недостаточным для того, чтобы объяснить это явление. Необходимо обратиться к внешелингвистическим аспектам слова. В. А. Звегинцев пишет: «Вне опыта нет языка. <...> Все естественные человеческие языки представляют собой структурно организованную классификацию человеческого опыта, и содержанием деятельности общения с помощью языка в конечном счёте всегда является опыт» [Звегинцев 1970: 281]. Центральная и универсальная единица языка, слово обязательно обладает этим свойством. Оно отражает не просто явление реального мира, но явление, пропущенное сквозь призму человеческого опыта. В высшей степени это относится к экспрессивному слову, фиксирующему опыт восприятия явлений окружающей действительности под углом зрения социальной значимости и отражающему этот опыт на основе социально-нормативных показателей явлений.

Система ценностей образует ядро человеческой личности, а также цементирует общество на единой эмоционально-субъективной основе. Социальные нормы осваиваются личностью бессознательно, на базе национально регламентированных комплексов эмоционально-выразительного поведения. В процессе социальной адаптации эти комплексы осознаются личностью в качестве естественных и единственно возможных национальных норм [Винарская 1989:20].

Социально значимые отклонения от частных норм явления или его совокупной средней меры фиксируются в экспрессивной лексике очень последовательно. Если попытаться сформулировать частные средние меры (нормы) явления, то экспрессивные слова с параметрически-оценочным компонентом коннотации будут регулярно создавать «антитезис» отдельным нормам или их сочетанию. Так, социальными нормами речи, говорения, являются следующие: 1) содержательность, 2) обдуманность, 3) адекватность отражения действительности, 4) вежливость, 5) средний темп речи, 6) умеренная сила звучания, 7) чёткость и правильность произношения. Каждый из этих параметров получает экспрессивное «отзеркаливание». Экспрессивно отражается: 1) бессодержательность речи: *балаболить, тренькать*; 2) её необдуманность: *ляпнуть, бухнуть*; 3) неправдивость: *сочинять, заливать, травить*; 4) невежливость: *грубиянить, хамить*; 5) нарушения темпа речи: *тараторить, стрекотать*; 6) превышение силы голоса: *орать, горлопанить*; 7) неправильное произношение: *мямлить, лопотать, бубнить, бубукать*. Аналогичным образом, экспрессивная глагольная лексика, методом «от противного», будет указывать нам, что *есть* – принимать пищу – следует в меру энергично (*уплетать, наворачивать* свидетельствуют о превышении этой меры); не до перенасыщения (*натрепсаться, налопаться* означает «переесть»); не обнаруживая явно

чувства голода , аккуратно, по принятым в обществе правилам (ср.: *жрать, лопать, рубать, шамать*).

Нормативные лексические единицы сосредоточены в области нейтральных единиц тех же самых лексико-семантических групп, ср. соответствие всем социально-нормативным параметрам явления глаголов с категориально-лексической семой «говорить»: *утверждать, рассказывать, докладывать, просить*; «есть (принимать пищу)»: *завтракать, подкрепляться, лакомиться*; «работать»: *строить, пи- лить, шить, учить*.

Если то или иное явление действительности ненормативно в целом с социальной точки зрения, то его экспрессивное освещение чрезвычайно многообразно, например, бить, ударить (человека, животное) – это социальная аномалия. Обратим внимание на то, как велико число экспрессивных единиц, отражающих это явление: «бить» – *колотить, мутузить, дубасить, охаживать, молотить, косты- лять, трепать, отделявать, дрючить, бузовать, волтузить, дуть, утюжить*; в уральских говорах: *базгать, баздырять, буткать, бу- чешить, паздирать, пандерить, пачесать, пластать, полысать*; «ударить» – *дать, вложить, шваркнуть, огреть, приложить, шарах- нуть, шандарахнуть, свистнуть, долбануть, ожечь, двинуть, зале- пить, хрястнуть, съездить, смазать, звездануть*; в говорах: *брыз- нуть, бутыскнуть, бякнуть, бызыкнуть, пикануть, плюснуть, при- торкнуть, причучкнуть, пришишкнуть, ожабить* (приведенные спи- ски не носят исчерпывающего характера).

Именно в том случае, когда само явление социально осуждается, наблюдается абсолютное слияние семы чрезмерности с эмотивно- стью: *деляга* (прост. пренебр.) «тот, кто в своих делах преследует личные цели»; *головотяп* (разг. неодобр.) «тот, кто небрежно и бес- толково ведёт какое-л. дело», *вздыморыльничать* (диал.) «зазнавать- ся, задаваться». Имена лиц содержат очень много обозначений по со- циально осуждаемым качествам с акцентуацией отрицательного эмо- ционального отношения к ним.

Особенно ярко это проявляется в характеристиках человека. На базе экспрессивных обозначений лица создается детальный портрет «социального антигероя», гиперболически отражающий его предосу- дительное отношение к миру, социально неодобряемые свойства ха- рактера, криминогенные особенности поведения: *алкаш, брехло, буха- рик, ёрник, жадюга, жмот, зануда, задира, замухрышка, керосинчик, лоботряс, ловчила, мазурик, малахольный, межеумок, нытик, пройдо- ха, прощелыга, размазня, слабак, тронутый, тряпичница, халявицк, хамло* и др. Отклонения от нормы в положительную сторону фикси- руются в экспрессивной лексике редко, такое отклонение труднее ос- мысливается на фоне образца – ведь и сам социальный стандарт харак- теризуется оценочным знаком «плюс», представляет собой среднечас-

тотное положительное явление. Кроме того, отклонение от нормы в положительную сторону не требует социального предостережения. Таким образом, в асимметрии оценочных сем экспрессивной лексики и группировке такой лексики по характеру оценок проявляется действие языкового механизма социального предупреждения, основанного на прагматическом опыте человека в процессе познания.

Каждый из названных компонентов коннотации автоцентричен, т. е. отражает психологическое состояние, а также личный бытовой и социальный опыт говорящего. В то же время все компоненты стилистического созначения лексической единицы ориентированы прагматически, то есть нацелены на непосредственное воздействие на адресата речи. Параметрический компонент коннотации может субъективизироваться: характеристика лица не всегда соответствует объективному положению вещей, важнее индивидуальная точка зрения говорящего, которая может идти в разрез с объективной реальностью.

Экспрессивный лексический фонд в целом можно назвать социально ориентированным. Он не надстраивается автоматически над нейтрально-номинативным, выразительно дублируя каждую нейтральную единицу, а сосредоточен на отражении таких явлений, которые находятся под прицелом общественного мнения. Особенно внимательно в языке фиксируются отступления от социальной нормы. Экспрессивный фонд в целом создаёт своеобразный семантический «антимир», который утверждает ценности данного социума по методу «от противного». Позитивное плечо эмоционально-оценочной шкалы гораздо меньше, в плане социальной значимости экспрессивная лексика с эмоциональным знаком «плюс» примыкает к дескриптивной лексике, вместе с ней образуя базис социальной нормы.

Наиболее значимые в прагматическом отношении явления получают большое количество отдельных экспрессивных словесных обозначений. Явления менее значимые в плане общественного мнения и регуляции жизни, имеют более слабое лексическое экспрессивное отражение. Синонимические ряды здесь меньше, много одиночных экспрессивов, часто нейтральные обозначения не имеют ни одного экспрессивного синонима. Помимо этого, экспрессивность любого, в том числе не номинированного в русском языке явления, может быть выражена с помощью денотативно оценочной лексики (*хорошо*, *плохой* и т.п.) в сочетании с суперсегментными экспрессивными средствами (интонационными и темпоритмически).

Таким образом, человек может выразить своё субъективное отношение применительно к любому объекту, но далеко не всегда в языке есть отдельное лексическое обозначение объекта, взятого в экспрессивном освещении. Именно языковая избирательность экспрессивного фонда позволяет судить о его социальном аспекте.

Глава 2

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Прежде чем обсуждать тематическую классификацию экспрессивного лексического фонда, придётся ещё раз вернуться к вопросу о его соотношении с нейтральным, так как тематика экспрессивных слов определяется по их денотативной семантике.

В словарном запасе языка совокупность нейтральных и совокупность экспрессивных слов – максимально крупные лексические классы, противопоставленные друг другу по предназначению и характеру отражения действительности. Каждый из этих классов имеет свою собственную структуру.

Для нейтральной лексики наиболее значимы такие подклассы, как лексико-семантические группы (ЛСГ) – парадигматические объединения слов одной части речи, связанные общим компонентом денотативной семантики, наиболее абстрактным в пределах лексических компонентов. Базовые единицы ЛСГ – это всегда нейтральные и чаще всего общеупотребительные слова. ЛСГ имеют много общего с тематическими группами лексики. Между этими двумя понятиями нет жёсткой границы, и всё же они не тождественны. Тематическая группа – это объединение слов на собственно логическом основании, например, тематическая группа «спорт» будет включать в себя слова *матч, кросс, спринтер, офсайд, бутсы, брусья, стартовать, финиш* и т. п. Лексико-семантическая группа выделяется на лингвистических основаниях, которые не противоречат логическим, но существенно меняют группировку лексики: нельзя выделить ЛСГ «спорт», можно – ЛСГ глаголов движения, в которых выделится подгруппа глаголов движения, связанных со спортом, ЛСГ существительных «одежда», в которой будет подгруппа «спортивная одежда» и т. п. Для нас существенно, что ЛСГ всегда связывает лексические единицы, общие по теме и относящиеся к одной части речи. Обозначают тему базовые слова ЛСГ, понятийное значение которых равно категориальной семе всей лексико-семантической группы.

Экспрессивная лексика ориентирована иначе. Смысл её существования не в обозначении ещё не названного элемента или участка действительности, а в выразительном обозначении и уточнении уже названного, как правило, социально значимого явления. Однако номинативная функция таких слов также остается в силе, поскольку всякое слово называет. Следовательно, экспрессивная лексика также может рассматриваться в плане её принадлежности тем или иным лекси-

ко-семантическим или тематическим группам, о чём и пойдет речь ниже.

В то же время следует учитывать, что такая группировка экспрессивных слов – по теме их денотативного значения – вторична. Собственная классификация экспрессивных слов – это классификация по характеру оценочной, квалификативной семантики. Таким образом, совокупность ЛСГ и семантический класс экспрессивной лексики представляют собой пересекающиеся лексические множества, идея организации которых различна. Лексико-семантические группы составляют самостоятельную лексическую подсистему, нейтрально-номинативную; экспрессивная лексика – надстроечную подсистему.

Типология экспрессивных слов на тематической основе впервые определена Н. А. Лукьяновой [Лукьянова 1979: 66–72]. Помимо признака тематической отнесённости ею учитывается грамматическое частеречное содержание экспрессивов. Предлагаемая в данной главе классификация построена с учётом названной.

Тема группы экспрессивных слов, как уже сказано, определяется на основе денотативной семантики составляющих её единиц. Выделяются два неравных по объёму класса экспрессивов: 1) слова общей оценки, приложимые к различным типам обозначаемых явлений; в терминах компонентного анализа – это слова с неопределённым денотативным значением; 2) тематически определённые слова, содержащие оценку явлений одного типа (одной темы); соответственно – слова с определённым денотативным значением. Каждая группа состоит из подгрупп. В пределах тематических групп и подгрупп имена существительные и глаголы рассматриваются ниже по отдельности, так как их категориально-грамматическое различие также существенно при определении тематической отнесённости экспрессивного слова.

О.А. Рыжкина, рассматривая проблему взаимосвязи социальной оценки экспрессивных лексических единиц и тематической определённости этих слов, приходит к выводу о том, что экспрессивы связаны со множеством лексико-семантических групп. В их числе группа общеотрицательных слов (*подлец, негодяй, мерзавец*), в том числе бранных (*сволочь, стерва*), и около тридцати ЛСГ с различным категориальным значением «отношение к труду, профессионализм» (*работяга, очковтиратель*), «внешность, физические данные личности» (*заморыш, малявка*), «тип поведения» (*увалень, ведьма*) и др., причём каждая из них характеризуется большими синонимическими рядами экспрессивов [Рыжкина 1979: 49–50].

Оба названных выше типа экспрессивных слов (общеоценочная и тематически определённая лексика) функционально различны. Первый тип характеризуется объектной универсальностью. Слова общеоценочного значения способны выразить субъективное мнение гово-

рящего, направленное на любой объект, в том числе не номинированный в языке, а также номинированный и нейтрально, и экспрессивно. Второй тип в функционировании направлен на конкретную реалию.

2.1. Слова общей оценки

Общая сущность экспрессивов, составляющих данную группу, состоит в том; что с их помощью могут быть оценочно охарактеризованы самые разнообразные предметы и явления действительности – как сам человек, так и продукты его труда, а также не зависящие от человека предметы и явления, ср.: *Это **барахло**, а не человек (слесарь, работник, руководитель; машина, книга, джинсы, подоконник, макароны, задача; лес, погода); Прорва народу (школьников, студентов; книг, денег; винограду, воды, земли; развлечений, удовольствий); Семён **наяривал** на гармошке; Наш старенький автомобиль **наяривал** как ни в чём не бывало; А дождь все **наяривал***. Ограничения, несомненно существующие, диктуются здесь либо внутренней формой мотивированной экспрессивной единицы, либо традициями сочетаемости, в целом же денотативный базис слов общей оценки чрезвычайно широк. Следовательно, об их тематической закреплённости можно говорить только условно. Данный разряд экспрессивной лексики – это тематически не ориентированная, всеобщая по теме лексика, с помощью которой всякое явление, в том числе не получившее никакого номинирования в языке, может предстать как экспрессивно осмысленное.

Слова общей оценки распадаются на ряд подгрупп, в зависимости от частеречной принадлежности и доминирующим семам коннотации. Не претендуя на исчерпывающую картину, рассмотрим три подгруппы: эмоционально-оценочные существительные, параметрически-оценочные существительные и параметрически-оценочные глаголы.

Группа эмоционально-оценочных существительных поляризована по оценочному содержанию. Положительная эмоциональная оценка передается существительными *блеск, восторг, сила, чудо, шик, класс* и т. п. Характеризующее предназначение данных слов подчёркивается их употреблением в роли предиката высказывания, наравне с оценочными словами состояния *здорово, классно, шикарно; зыко, клёво, круто* (жарг.). Сразу же заметим, что толковые словари среднего объёма данные переносные значения почти не фиксируют, хотя живая речь оперирует ими совершенно свободно и последовательно. Именно это даёт основания считать их языковыми единицами ограниченного употребления. Отрицательная эмоциональная оценка является основой лексического значения слов *дрянь, барахло, мура, пакость, ерунда (ерундовина, ерундистика), дребедень, чепуха* и т. п. Отрицательно-оценочные слова общей оценки фиксируются в толковых словарях

более последовательно, например: *барахло* (презр. и бран.) «о ком-, чем-л. плохом, дрянном»; *дрянь* (в знач. сказ., разг.) «о ком-, чем-л. плохом, скверном».

Группа имён существительных общей оценки семантически однородна. Она объединяет экспрессивные лексические единицы с размытым, очень широким денотативным значением. Некоторое семантическое расслоение по признакам денотативной семантики всё же прослеживается. Данная группа слов более часто применяется при оценке неодушевленных предметов, чем при оценке лиц, что понятно: для выражения оценочной характеристики лица язык располагает большим ассортиментом конкретных экспрессивных единиц. Когда же для характеристики лица используется слово общей оценки, этим подчеркивается общее неприятие или принятие данного лица говорящим, а также сила этого отношения.

Некоторые слова общей оценки по отношению к лицу не употребляются (*мура*, *ерунда*, *белиберда* и др.) и характеризуются разной степенью абстрактности денотативной семантики. Так, слова *дребедень* и *белиберда* более конкретны, с их помощью предметы и явления оцениваются с точки зрения содержательности, чаще всего так говорят о каком-либо информационном явлении: чём-либо написанном, напечатанном, сказанном: *Смысла не могу понять – дребедень какая-то* (разг. речь). В то же время их речевое использование с более обобщённым денотативным значением вполне естественно: *И такая дребедень — целый день, целый день* (К. Чуковский).

Интересен тот факт, что с помощью слов общей оценки может быть охарактеризован не только отдельный предмет, но и целая ситуация. В разговорной речи отработана модель высказывания, в которой реализуется такая характеристика. Существительное общей оценки используется как самостоятельная ответная реплика или предикат ответной реплики, значимость которого подчеркивается инверсией, например:

– (Описывается некоторая сложная ситуация) *Ну, что ты на это скажешь?*

- *Ерунда, не бери в голову.*

Синтаксическая роль предиката вообще является типовой для имен существительных с экспрессивным значением, это в полной мере распространяется и на слова общей оценки.

Параметрически-оценочные существительные в границах слов общей оценки образуют монолитную группу. Любопытная деталь: параметрическая семантика существительных, в целом богатая и разнообразная, применительно к словам общей оценки сводится только к передаче идеи количества. Качественные признаки, более конкретные, привязаны к тому или иному типу денотатов, а количественные гораз-

до более широки, так что могут быть выведены в область общих оценок, что и наблюдается в экспрессивной лексике.

Группа параметрически-оценочных слов широкой темы также поляризована, но уже не по эмоционально-оценочным семам, а по семам «много» и «мало», передающим идею большого или малого количества чего-либо.

Представление о малом количестве чего-либо передаётся с помощью ограниченного числа слов: *горстка* (*горсточка*), *капля* (*капелька*), *кроха* (*крошка*, *крошечка*), *чутьочка*. Большинство из них – семантически мотивированные метафорические единицы, причём метафора в них совершенно прозрачна, что отражается на сочетаемости данных слов: можно сказать *капля жалости, внимания, терпения; крошка / капля трудолюбия*, но нельзя *капля книг, дел, заданий; крошка забот, писем, цветов*. Семантические ограничения здесь достаточно велики. Например, названные слова не употребляются по отношению к большим, крупным предметам, хотя бы их и было очень мало. Никогда не говорят *горстка, капелька, чутьочка / деревьев, вагонов, самосвалов*. В то же время определить тематическую отнесённость рассматриваемых слов как однозначную тоже нельзя. Если не возникает семантического противоречия потенциальных сем данного слова и его контекстных партнёров, то с помощью таких существительных могут быть переданы дополнительные смыслы. Так, композиционную точку зрения в тексте, именуемую «с высоты птичьего полёта», подчеркнёт выражение *горстка домов*, обострённость переноса подчеркнёт сочетаемость существительного *горсть* (*горстка*) в переносном значении «незначительное количество, ничтожное число (о людях)» с существительными ЛСГ «человек»: *горсть храбрецов, горстка добровольцев*. Возможно данное существительное и в других контекстах, с другой денотативной соотнесённостью: *горстка преимуществ, горстка карточек*.

В целом названная группа состоит из слов, которые являются чистыми квалификаторами, для них само наличие денотативного значения становится предположительным. В составе предложения они теряют субстантивный статус, уподобляясь наречиям и словам состояния.

Представление о большом, точнее, очень большом количестве чего-либо передаётся в языке чрезвычайно разнообразно и поддерживается аналогичными речевыми образованиями. Вот выборка таких существительных по материалам Н. А. Лукьяновой, которая назвала их «образами множества» на том основании, что большинство из них – это переносные значения многозначных слов: *армия* (*голодных, рыб, крыс, тараканов, болезней, слов*), *букет* (*девчонок, сюрпризов, наград, болячек*), *вереница* (*образов, мыслей, приключений, ансамблей*), *ворох* (*дел, вопросов, странностей, причуд, общественных нагрузок*), *горы*

(дел, сумочек, перчаток, обуви, лжи, клеветы, недоумений), калейдоскоп (огней, эмоций, улыбок, впечатлений), каскад (рекордов, месторождений, остроумия, звуков, синонимов), лавина (писем, фильмов, зрителей, впечатлений, брани), легион (друзей, ансамблей, картин, собак), море (забот, слов, роз, мотыльков, любви), океан (проблем, чувств, страстей, идей, слез, возможностей, счастья), рой (сомнений, чувств, мыслей, парикмахеров), тьма (вопросов, предрассудков, уловок, надежд, пациентов), уйма (дел, денег, забот, писем, книг, времени, проблем, детей), фейерверк (идей, рассказов, чувств, впечатлений), хоровод (претендентов, соседей, гостей, друзей, сплетниц); речевые употребления: Альпы доказательств, эшелон достижений, грузовик идей, сундук нерешенных проблем, Ниагара листьев, джунгли бутылок, залежи вопросов, гирлянда случаев и т. п. [Лукьянова 1983: 25–26].

Здесь также значима внутренняя форма. Характер образа указывает, чистая количественность или количественность в сочетании с качественным признаком передаётся экспрессивным словом: *калейдоскоп*: «много» и «разных», *фейерверк*: «много» и «ослепительных, производящих сильное впечатление». Этим же объясняются ограничения сочетаемости, см. слова *рой*, *хоровод*, *каскад*. В целом же «образы множества» характеризуются многообразной тематической отнесённостью. Их синтаксическая роль достаточна широка, но основной остается функция предиката.

Эмоционально-оценочное содержание таких слов определяется только в контексте. Параметрически-оценочное узואальное содержание «образов множества» способно вызвать неоднозначную эмоционально-оценочную интерпретацию. Кроме того, когда в задачи автора входит создание зрительного образа, эмоциональное значение может почти не ощущаться: *Гора книг на столе говорила о серьёзных намерениях*. Всё же чаще эмоциональное значение проявляется в контексте.

Параметрически-оценочные глаголы характеризуются прежде всего признаком интенсивности действия. В разряд глаголов общей оценки войдут те, в значении которых сема интенсивности доминирует, подавляя денотативное значение: *гнать*, *жарить*, *шпарить*, *чесать*, *наяривать* «делать что-л. быстро, энергично», *пластать* (диал.), *пластаться* (диал.), *надрывать*, *надсаживаться* «делать что-л. с чрезмерным напряжением сил, стараться изо всех сил».

Такого рода глаголы употребляются более всего по отношению к действиям человека, особенно когда сема интенсивности осложняется другими параметрическими признаками, но это не единственное их предназначение. В языке отработаны ещё, по крайней мере, две тематические линии использования таких глаголов. С их помощью часто обозначаются аналогичные действия животных, а также явления природы, характеризующиеся силой, интенсивностью (град, буря, ливень,

сильный водный поток и т. п.). Кроме того, данные глаголы пригодны для обозначения интенсивных процессов действующих машин и механизмов. Таким образом, налицо размытость денотативной семантики при определенности коннотативной, что и позволяет назвать данный разряд слов глаголами общей оценки.

Экстенсивность – ослабленная сила и энергия действия – отражается глаголами данного типа несколько менее активно: *возиться, валандаться, канителиться, шепериться* (диал.) «излишне медленно делать что-л.». Здесь наблюдается значительное сужение денотативного базиса по сравнению с первой подгруппой. Например, конкретная денотативная отнесённость глагола *возиться* очень широка. Он может обозначать действия: а) «работать физически»: *косить, рубить, мыть, шить* и др.; б) «работать умственно»: *читать, решать* и др.; в) «выполнять бытовое действие»: *умываться, одеваться, завтракать, чистить* и др. Однако все названные экспрессивные единицы обозначают только действия человека. Таким образом, статус экспрессивных глаголов такого рода как слов общей оценки достаточно спорен. Уточнить его можно только на базе конкретных исследований.

Как и в предыдущей группе, здесь наблюдается несимметричность частей. Один и тот же параметрический признак (для существительных – признак ненормативного размера, для глаголов – интенсивности) получает многократное лексическое воплощение экспрессивного характера для того, чтобы охарактеризовать его усиленное проявление. Относительно слабое проявление признака или действия получает и менее активное лексическое представление в языке. Пока трудно предложить удовлетворительное объяснение этого факта, кроме лежащего на поверхности: усиленное проявление признака больше заметно и больше впечатляет, сильнее действует на чувства человека.

2.2. Тематически определённые экспрессивы

Основной массив экспрессивной лексики составляют слова, содержащие субъективную оценку явлений. Традиционно их можно разделить на три тематические группы: 1) «человек», 2) «предметно-вещный мир, созданный человеком», или артефакты, 3) «предметы и явления, существующие объективно и не представляющие собой результаты человеческих действий», или натурфакты. Рассмотрим эти лексические объединения.

Тема «человек» отражена экспрессивной лексикой максимально полно и разнообразно. Денотативный базис экспрессивов, отражающих эту тему, характеризуется обобщённостью, как это свойственно экспрессивной лексике. Чаще всего значение экспрессива сводится к понятию «человек», «лицо». Иногда денотативное значение более конкретно, что достигается за счёт сем, указывающих на пол, муж-

ской (*баран, петух*) или женский (*курица, болтунья*); возраст: «не-взрослый, молодой» (*карануз, щенок, бедокурить*); количество лиц: «большое» (*ватага, шайка, сброд*). Другие дифференциальные семы, активные для нейтральных слов, например: «род занятий», «социальное положение», «характер родственных отношений», в денотативном значении узуальных экспрессивных единиц не зафиксированы.

В зонах повышенного языкового внимания наблюдается скопление экспрессивных номинаций параметрического характера, распределяющихся в диапазоне от почти нейтральной до ярко эмоциональной оценочности. Возьмём, к примеру параметр «телосложение (комплексия)». Обычное проявление данного параметра лексически не обозначается (изредка применяются определения *нормальное, среднее* телосложение, типична же «нулевая» лексическая позиция: если об особенностях телосложения речи нет, то оно либо нормально, т.е. отвечает средней мере данного явления, либо не имеет значения для говорящего). Зато активно фиксируются отклонения от усреднённости, позитивного (*спортивное, атлетическое*) или, чаще, негативного плана (*худоба, скелет, толстопузый*). В зоне отклонений заметна зависимость нейтрального либо экспрессивного восприятия человека от количественного проявления признака, ср.: 1) *худой, худощавый, сухой, поджарый* (нейтральная или позитивная оценка телосложения, количественное проявление параметра не слишком далеко ушло от нормы, все названные номинации, строго говоря, экспрессивами не являются) и 2) *тощий, костлявый, скелет, мощи, кощей, кожа да кости, мешок костей* (чрезмерное проявление параметра, негативная эмоциональная оценка). Некоторая доля объективности подобным характеристикам свойственна, хотя эмоциональные преувеличения, безусловно, встречаются чаще. По мощности синонимических рядов можно судить о характере социального отношения к конкретному виду чрезмерности. Так, в нашем примере, худощавое телосложение не вызывает такой номинативной активности, как противоположное: *тучный, грузный, полный, дородный, солидный* (относительно нейтральные характеристики комплекции; превышение меры объективизировано, лексику с некоторой натяжкой можно отнести к дескриптивной); *упитанный, дебелый, толстяк, откормленный, раскормленный, пухлый, сытый, жирный, ожирелый, жирняга, жиртрест, оплывший, расплывшийся, толстомясый, толстопузый, толстобрюхий, толстозадый, пузан, пузатый, мясокомбинат, квадратный, боров, бочка, шкаф, поперек себя шире, в дверь не пролезает* и др. (негативные эмоциональные характеристики, чрезмерность утрируется).

Все экспрессивные единицы данной тематической группы содержат характеристику лица: имена существительные – статическую, глаголы – динамическую. Учитывая характер выделяемого признака, степень его абстрактности, меру «экспрессивного внимания» к тому

или иному признаку, определим подгруппы экспрессивов – характеристик лица.

В числе существительных, характеризующих человека, отметим группу эмоционально-оценочных слов, заключающих в себе общую оценку лица. В лексическом значении таких слов совсем или почти совсем не ощущается параметрическая характеристика, зато эмоциональная первостепенна. Общие оценки лица распадаются на две резко противопоставленные группы. Первая – это грубопросторечная, или бранная лексика: *гад, мразь, тварь, скотина, подлюга, сволочь* и т. п. Если такая лексика и сохраняет мотивированность, то она либо практически не ощущается в современном русском языке (*гад, сволочь*), либо не принимается во внимание (*подонки, гадюка, тварь*). Утрата этимологического признака, внутренней формы способствует тому, что эмоциональная оценка приобретает обобщённый характер.

Противоположную эмоцию, положительную, в её разнообразных проявлениях, выражает группа экспрессивных существительных, типичной синтаксической ролью которых является позиция обращения к человеку: *голубчик, золотко, солнышко, лапушка, ласточка, зайка, деточка, маковка* (диал.), *баскулечка* (диал.). Обобщённое значение этих единиц можно определить как ласкательное. Заметим однако, что эмоциональная энантиосемия в данной сфере довольно распространена (*Ну знаешь, милочка, этого я тебе никогда не прощу!* – говорится с возмущением), так что о едином эмоциональном значении мы говорим по преобладающим проявлениям.

Более конкретные оценки лица даются в экспрессивной лексике по нескольким признакам. Наиболее полно характеризуются посредством экспрессивов морально-этические свойства лица. Как уже говорилось выше, экспрессивное слово характеризует совокупность явлений «от противного», т. е. обозначает то, что с социальной точки зрения аморально, неэтично, неприемлемо и лишь во вторую очередь характеризует превышение социальной нормы в положительную сторону. Аморально плохо работать, жить за чужой счёт, воровать и обманывать, хвастаться и сплетничать, аморальна распущенность, жадность, зазнайство. Эти и другие отрицательные свойства личности получают соответствующее обозначение в экспрессивных обозначениях лица: *паразит, трутень, захребетник, чужестранник, байбак, лежебока* – характеристика по отношению к труду; *жадина, скопидом, скупердяй, жмот, сквалыга* – характеристика лица по признаку чрезмерной бережливости, т.е. скупости; *бахвал, фанфарон, вруша, враль, брехун, ботало* (диал.) – характеристика хвастливого, нечестного человека; *выпивоха, пьянчуга, пропойца, опойка* (диал.), *алкаш* (прост.) – экспрессивная характеристика пьяницы; *зазнайка, задавака, воображала, вздыморылка* (диал.) – характеристика надменного человека, гордеца. Одобрительная оценка морально-этических свойств лица

проявляется в словах *трудога, аккуратист, обиходница* (диал.) «хорошая хозяйка, любящая чистоту и порядок в доме», но и количество таких слов, и дифференциация по конкретному признаку выражены здесь гораздо слабее.

Вторая по значимости тематическая подгруппа конкретных оценок лица связана с оценкой физических свойств личности. Обычно оценивается рост человека (*клоп, малявка, жердь, орясина*), его возраст (*молокосос, желторотый; старикан, развалина, хрыч*), комплекция (*пузан, брюхан, кабан, боров, туша, колода, тумба, корова, скелет, глиста, кощей, выдра, мощи*), физическая сила (*Геркулес, медведь, слабак*).

Кроме названных, экспрессивные обозначения характеризуют интеллектуальные свойства лица, причём опять-таки многообразие выражения связано здесь с отрицательными явлениями: *дурак, болван, балда, дуб, обалдуй, оболтус, остолоп, недоумок, осёл, тупица, идиот, дегенерат, дебил* и др.; эмоциональные свойства лица: *пень, бревно, чурбан, ледяшка* «бесчувственный человек». Положительные оценки по названным свойствам встречаются много реже: *голова, академик* «умный человек».

Тематическая группа глаголов, характеризующих лицо по действию, имеет аналогичную структуру: в ней есть подгруппа слов общей оценки и слова определённой тематической отнесённости. Первую подгруппу составляют глаголы с отрицательной интеллектуально-оценочной семой денотативного значения и общим базовым значением «сделать что-л. плохо, плохое»: *изгадить, угробить, завалить, запороть* «испортить», *напортачить, настряпать, сварганить* «сделать что-л. плохо, кое-как».

В большинстве случаев экспрессивные глаголы характеризуются относительной определённостью темы, так что их можно отнести к той или иной лексико-семантической группе. Наблюдается чёткая соотносительность с существительными – обозначениями лица, здесь выделяются те же семантические подразделения. В подгруппе «обозначение морально-этических свойств лица по его действию» наиболее сильной оказывается группа экспрессивных глаголов поведения: *попугайничать, обезьянничать, кобениться, выкомаривать, балбесничать, миндальничать, бабничать, востриться* (диал.) и др. Эмоционально-оценочное содержание данных глаголов отличается последовательностью оценки – все они отрицательно-оценочны [Жданова 1983].

Картина распределения экспрессивных слов по ЛСГ отличается значительным своеобразием. Продемонстрируем это на глагольном лексическом материале.

По результатам компонентного анализа и последовательного включения экспрессивных глаголов в состав определённых ЛСГ авто-

ром был составлен список продуктивных в экспрессивном отношении глагольных групп. Это ЛСГ речи, физического воздействия, поведения, движения, трудовой деятельности, приобщения объекта, чувства, психического воздействия на адресата. Если соотнести данные ЛСГ с крупнейшими понятийными (тематическими) полями русского языка, можно убедиться, что все они связаны в своей основе с понятийным полем «человек». Поле артефактов и особенно поле «природа» в экспрессивном отношении проработаны гораздо слабее. Такая избирательность не случайна. Орудие общения, язык прежде всего нацелен на отражение взаимоотношения людей.

Но избирательно ли ведут себя экспрессивные единицы в пределах одной и той же ЛСГ? Да, они не составляют равномерного «экспрессивного ореола» своей группы. Экспрессивные слова активно нарастают на определённых участках лексико-семантических групп, хотя другие их участки игнорируются. В полном согласовании с рассмотренными выше общими лексико-семантическими моделями, разрастание экспрессивности происходит на базе признаковой семантики, и это характерно для разных ЛСГ: *тараторить, тарыхтеть, стрекотать, трещать* «говорить очень быстро (ЛСГ речи); *валандаться, волынить, канителиться, копать, прохлаждаться, тянуть, чикаться, посёмывать* (диал.) «делать что-л. медленно и неохотно» (ЛСГ трудовой деятельности); *расфуфыриться, прифрантиться, вырядиться, выцелкнуться* (диал.) «одеться слишком нарядно» (ЛСГ поведения). Независимо от базовой понятийной семантики, экспрессивные единицы ЛСГ тиражируют признаковые семы «быстро», «много», «долго», «до предела», «лениво» и под.

Обширные ряды экспрессивных синонимов сопровождают практически всякий глагол, обозначающий социально осуждаемое действие, см., например: *стащить, стянуть, спереть, свистнуть, стырить, слимонить, сбондить, стибрить* «украсть». Если же денотативное значение глагола указывает на нормативное действие, то доминирует параметрически-оценочная сема, а эмоционально-оценочное языковое содержание остаётся неопределённым, конкретизируясь только в речи. К примеру, экспрессивное обозначение интенсивного трудового действия может интерпретироваться и как положительное, и как отрицательное: *вкалывать, шуровать, чертоломить* (диал.), *пластаться* (диал.).

По группе физических свойств лица выделяется активной проработкой темы объединение глаголов физиологических действий человека: *трескать, жрать, лопать, бузгать* (диал.) «есть, принимать пищу»; *дрыхнуть, храпеть, кемарить* «спать»; *реветь, выть, скулить, хлюпать, нюнить, заливаться* «плакать»; *бухать, дохать, перхат* «кашлять». Теме интеллектуальных действий лица соответству-

ют экспрессивные глаголы *мозговать, мерекать, кумекать, смекнуть, затеять, втемяшиться, учуять, допетрить*.

Особо следует сказать об экспрессивных глаголах, относящихся к ЛСГ движения – с денотативной семантикой «двигаться», «идти», «бежать», «ехать». Они своеобразны в том отношении, что оставаясь наиболее частотными в роли характеристик действий лица, могут использоваться по отношению к другим предметам и явлениям действительности, если те обладают способностью двигаться, перемещаться в пространстве: *неслись, летели, тащились* (о людях, животных, днях, машинах). Данные глаголы являются синонимами родового для ЛСГ движения глагола *двигаться (перемещаться)*. Более конкретные экспрессивные глаголы этой ЛСГ в основном связаны с темой «человек»: *трусить, трюхать, дуть, понужать* (диал.), *приурезать, шурануть* (диал.) «бежать, побежать», *семенить, топать, переть, валить, дефилировать*, «идти, ходить». Для всех экспрессивных глаголов движения характерно преобладание параметрической оценки над эмоционально-оценочной.

Тематическая группа «предметно-вещный мир, созданный человеком» содержит в себе большое количество лексических единиц, отражающих многообразие созидательной человеческой деятельности. В то же время семантическая сфера «артефакты» отражена в субъективно-оценочном зеркале гораздо более избирательно, чем сфера «человек». Экспрессивные синонимы имеются в составе наиболее актуальных тематических групп: «жильё», «одежда», «пища», «транспорт» и др., однако большинство конкретно-предметных слов, в том числе широко распространённых, субъективно-оценочных языковых синонимов не имеет. Далеко не каждое нейтральное слово, относящееся к данной теме, имеет экспрессивные соответствия. Если попытаться вывести закономерность экспрессивной избирательности, то она заключается, видимо, в следующем: субъективно осмысливается то, что представляет для человека наибольшую значимость в социально-бытовом отношении.

Слова, составляющие названную тематическую группу, за исключением обозначений родовых понятий, – единицы конкретно-предметного значения. Экспрессивные соответствия, как это для них свойственно, всегда денотативно обобщают. Наибольшая проработанность наблюдается там, где обозначается нечто жизненно важное для человека. В таких случаях экспрессивная синонимика хорошо развита: *хата, крыша, угол, апартаменты, нора, берлога, логово, хлев, свинарник* «жилое помещение, квартира»; *мотор, драндулет, тачка, колёса* «автомашина»; *башмаки, корочки, чёботы, лапти* «ботинки»; даже относительно новое заимствование в русском языке *телевизор* уже имеет экспрессивные соответствия *ящик, телик*.

В большинстве случаев глаголы данной тематической группы имеют денотативную семантику, по уровню обобщённости соответствующую базовым лексическим единицам ЛСГ, так что закрепленное за ними экспрессивное содержание в контексте может быть отнесено к большому количеству конкретных денотатов: *кормежка, жратва, шамовка, харч, продукт* «пища», *хламида, тряпка* «одежда»; *побрякушки, стекляшки* «предметы украшения».

В названной группе есть и небольшое число глаголов с предельной для неё степенью обобщённости – денотативным значением, равным значению базовых слов темы: **вещь, предмет, нечто, то** и т. п.: *штуkenция, штуковина* «вещь, предмет, явление, дело, обстоятельство», *причиндалы* «общее название предметов, являющихся принадлежностью кого-, чего-л., имеющих отношение к кому-, чему-л.». Конечно, названные базовые слова интерпретации имеют собственные ограничения в сочетаемости и не являются семантически элементарными [Шмелев А. 2000], но нельзя отрицать, что они являются «общими» словами.

Для экспрессивов рассматриваемой тематической группы отметим снижение роли параметрической оценки по сравнению с эмоциональной. Они чаще, чем экспрессивные обозначения лица, служат для того, чтобы не характеризовать предмет, а выразить состояние говорящего или передать его отношение к обозначаемому или к собеседнику. Данные лексические единицы частотны в ироническом контексте, употребляются как элемент языковой игры, указывают собеседнику на неофициальный характер общения, желательный для говорящего. Одним словом, здесь наблюдается отчётливая прагматичность лексического значения.

Конкретно-тематическая прикреплённость экспрессивов говорит о том, что специальному лексическому осмыслению в экспрессивном аспекте подвергаются предметы и явления, с которыми человек сталкивается постоянно, причём придаёт им существенное значение. Для всех остальных случаев достаточно языковых средств экспрессивности, которые носят универсальный, не зависящий от темы характер. Это лексические средства – слова общей оценки, морфологические средства – набор аффиксов с экспрессивным значением, а также специальные синтаксические конструкции, с помощью которых нейтральное конкретно-предметное слово вовлекается в число экспрессивных средств.

Выделение тематической группы «предметы и явления объективной действительности» – натурфактов – в составе экспрессивной лексики достаточно спорно. Уже говорилось о том, что человек экспрессивно осмысляет лишь те явления природы, которые поражают его воображение своей силой, энергией, мощью или же провоцируют на оценочное осмысление тем, что влияют на дела и планы человека.

К таковым относятся гроза, засуха, пожар, наводнение, длительные дожди и т. п. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что экспрессивной лексики такого рода очень мало: *хлестать* (о дожде, ветре), *запыхать* (о костре, огне, пожаре), *сеножной* «продолжительный дождь», *грянуть* (о громе). При этом в лексическом значении данных слов на первый план выступает параметрическая семантика и образность, тогда как эмоциональная оценка второстепенна. Более пристальное рассмотрение позволяет заметить, что большинство единиц названного типа может использоваться и применительно к явлениям, входящим в сферу человеческой деятельности, ср.: *грянул гром* – *грянула музыка*, *грянул залп орудий*; *запыхал костер* – *он весь запыхал от стыда*.

Таким образом, лексика природы имеет крайне фрагментарное экспрессивное представление в языке. Даже такие нежелательные для человека природные явления, безусловно попадающие в план его хозяйственной деятельности, как каменистая почва, густой захламлённый лес, топкое болото, затяжное ненастье, кочковатый заболоченный луг, не получают теоретически возможного отдельного экспрессивного отрицательно-оценочного освещения. Изобразительность здесь возможна (например, провал в болоте, трясине, полный воды, называют *окно*), но даже параметрически-оценочные экспрессивы, соответствующие названным выше явлениям, в языке не создаются, эмоционально-оценочные же – тем более.

Многие единицы тематического поля натурфактов вообще не имеют экспрессивных соответствий. Это относится, например, к дескриптивам *луна*, *месяц*, *восход*, *закат*, *сумерки*, *затмение*, *буря*, *ураган*, *град* и др.

Человек отнюдь не склонен вольно оперировать оценками по отношению к природе. Насколько русский язык свободен и, может быть, несдержан в выражении своего отношения к людям и всему, что проистекает от человека, настолько же осторожен по отношению к природным явлениям. Налицо лексически не выраженная концептуальная сфера и соответствующая ей крупная языковая лакуна экспрессивного лексического поля русского языка. Данное положение дел свидетельствует о том, что это не случайно, такое отношение «существует в национальном сознании, отражает явления, присутствующие в национальной действительности» [Попова 2007: 89]. Оценочная лакуна отражает очень древнее, первичное мироощущение личности, дошедшее до наших дней. Даже с развитием цивилизации и приобретением значительной независимости от природы мы не посягаем на эту традицию.

Отрицательная субъективная оценка природных явлений в современном языке, разумеется, вполне возможна, но она достигается описательно, с помощью свободных словосочетаний, включающих в

себя слова общей оценки. Лучшими распространителями такого рода являются оценочные прилагательные (*ужасная погода, кошмарная ночь, сумасшедшее солнце*), тогда как специальных экспрессивных единиц со значением «очень плохая погода», «обжигающее, испепеляющее солнце», «мучительная ночь со страшными снами» в языке нет. Лексемы со значением «плохая погода», «плохой климат» и т.п. не появляются и в числе новообразований. При желании нужно опять-таки пользоваться оценочными словосочетаниями или словами общей оценки, принято также сдвигать опорную номинацию, уходя от называния природного объекта: не *жуткое / кошмарное / дикое солнце*, а *жуткая / кошмарная / дикая жара*.

В использовании аффиксального экспрессивного фонда русского языка также наблюдается избирательность, не соответствующая основной тенденции экспрессивной лексики к преобладанию отрицательных оценок. Здесь частотны ласкательные аффиксы субъективной оценки (*солнышко, травушка, травка, лужок, лужочек, березка, березонька, сосенка, горка, громушек* и т. п.), в то время как аффиксы пренебрежительного и уничижительного значения не употребительны. Лишь незначительная величина физического объекта или экстенсивность природного процесса провоцируют слабое оценочное снижение: *речушка, озерушко, дождишко*. Зато отработана энантиосемическая модель, в которой отрицательное эмоционально-оценочное отношение к явлению природы выражается с помощью лексического обозначения этого явления с суффиксом положительной субъективной оценки: *Ну и погодка (землица, водичка, дождичек, лужочек, деревце)!* или *Погодка (землица, водичка и т. п.) – хуже не придумаешь!*. Сами по себе эти модели не специфичны, ср.: *Ну и работничек (труженик, трудяга)!* – о лодыре, бездельнике, но в данном случае энантиосемическое обозначение может быть заменено прямым лексическим, которое есть в словарном фонде: *Ну и лодырь (бездельник)!*, а в отношении лексики природы это невозможно, так как соответствующего экспрессива в лексическом фонде языка нет.

Таким образом, предметы и явления, существующие объективно и вне прямой зависимости от человека, т. е. природные явления, в русском языке трактуются в экспрессивном отношении очень осторожно. Центр тяжести при выражении такого отношения в лексике перемещается на слова общей оценки, и вообще лексическое выражение экспрессивности уступает место фонетическому, морфологическому, синтаксическому.

Подводя итог всему сказанному о тематическом распределении экспрессивных слов, отметим антропоцентрическое устройство экспрессивного лексического фонда и в то же время его приспособленность для целей субъективной оценки любого явления действительности. Субъективная оценка любого факта становится возможной преж-

де всего за счёт существования значительного количества слов общей оценки. Эти «в высшей степени экспрессивные слова» обладают настолько обобщённым денотативным базисом, что могут употребляться в области самых разных тематических и лексико-семантических групп, выделенных на нейтральном основании. Вторым универсальным приёмом, за счёт которого можно экспрессивно охарактеризовать различные явления действительности, является экспрессивная аффиксация и применение редких моделей словообразования. Играть роль и средства экспрессивного синтаксиса.

Что касается темы, которую обобщённо можно обозначить как «человек и сфера его действия», то большинство свойств обозначаемых явлений, особенно отрицательных с точки зрения общества, получает многократное экспрессивное отражение в лексике. Обычно это отражение в средней степени конкретно (денотативное значение экспрессива равняется категориально-лексической семе ЛСГ). Возможна и полная тематическая определенность, когда экспрессивно обозначается конкретное явление.

Глава 3

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

Вопрос о средствах выражения для экспрессивного слова приобретает особое значение. Как нейтральный, так и экспрессивный фонд – это слова одного языка, но слова функционально различные. Первые характеризуются понятийной, номинативной функцией, вторые – бифункциональны и характеризуются доминированием прагматической, экспрессивной функции на фоне номинативной. В языке это существенное различие должно, видимо, проявляться не только в структуре семантики, но и внешне, формально. Поскольку собственно номинативный, нейтральный лексический фонд первичен, он и будет немаркированным в отношении средств выражения, тогда как экспрессивной лексике должна быть свойственна маркированность – наличие специальных средств выражения экспрессивности. Действительно, многие исследователи отмечают, что количество экспрессивных слов, не имеющих форм специального выражения экспрессивности (корневых единиц с обычной русской фонетикой, типа *очи*, *дурак*, *нудить*), несопоставимо меньше количества аналогичных единиц, отмеченных специальными средствами экспрессивности.

Прежде чем перейти к описанию этих средств, выясним основание их классификации. Самое очевидное деление опирается на уровневую концепцию языка, и в русистике уже не раз предпринимались попытки классифицировать средства лексической экспрессивности на основе их отнесённости к определенному уровню системы языка. Например, в работах Н. В. Жураковской выделены три типа средств выражения лексической экспрессивности: морфологический (конкретные средства – аффиксы, взаимодействие морфем), лексический (средством экспрессивности является всё слово) и его разновидность – лексико-семантический (средством является вариант слова, полученный в результате семантического развития исходного лексико-семантического варианта).

Учитывая такой подход и его достоинства, попытаемся уточнить основание классификации. Исходные положения нашего рассуждения заключаются в следующем.

Экспрессивное слово, как всякая лексическая единица, находится на пересечении различных предметно-логических и психологических связей, что обусловлено ассоциативным характером нашего мышления. Ш. Балли писал: «Каждое отдельное слово – это петля тончайшей сети, которая соткана нашей памятью из невообразимого множества волокон; тысячи ассоциативных связей сходятся в каждом

слове и расходятся от него по разным направлениям» [Балли 1961: 89]. Экспрессивные слова подобны неэкспрессивным в плане самого наличия различных ассоциативных связей. В то же время априори можно предположить, что характер этих связей различен у экспрессивных слов сравнительно с неэкспрессивными.

Ассоциативность представляет собой предметно-логическое или психологическое отношение. Исследование языкового лексического материала может опираться только на ассоциации «коллективного» характера, примерно совпадающие у многих людей, хотя, конечно, слово в сознании отдельного человека может иметь добавочные ассоциативные связи, обусловленные его личным опытом, образованием, воспитанием, ситуацией речевого общения и др.

Множественность и направленность «общих» ассоциаций неодинакова для разных слов. В самом слове имеются определённые предпосылки для реализации тех или иных ассоциаций в том или ином их количестве. Языковой фактор, влияющий на ограничение количества и направление ассоциаций, можно видеть в мотивированности слова. Немотивированный языковой знак ничем не ограничен в ассоциативном плане с собственно языковой стороны. С точки зрения содержания он допускает ассоциации тематические, по сходству и различию, по сфере употребления и др. С точки зрения формы возможны ассоциации по характеру и последовательности звуков и звуко сочетаний (например, по возможности рифмовки данного слова с другими), по слуховому впечатлению от звучания слова и др. Такая множественность реально приводит к тому, что многие ассоциации остаются потенциальными вне контекста и ситуации.

Мотивация слова служит мощным ограничителем ассоциативных связей, она направляет их в заданное русло и тем способствует осознанию ассоциации. По этой причине мотивированное слово может иметь дополнительные возможности. О. А. Блинова, разрабатывающая в русистике теоретические основы мотивологии, отмечает, что мотивированная лексика составляет более 80 % лексических единиц языка и служит познавательным, системообразующим, культурологическим, образным целям [Блинова 2007: 3]. Связь мотивированности и экспрессивности неоднократно отмечалась в научной литературе, хотя очевидно, что эта связь не является взаимно однозначной. Неверно было бы утверждать как то, что всякое мотивированное слово экспрессивно, так и то, что всякое экспрессивное слово характеризуется мотивацией.

Заметим также, что мотивированность иногда считается сугубо диахроническим явлением. Но во многих случаях она прослеживается и в сформировавшемся слове – единице синхронно взятой системы языка, т. е. это отношение принадлежит не только ономастиологии, но и семантиологии. Это утверждение справедливо в тех случаях, когда

словопроизводственная связь без усилий осознаётся большинством говорящих на данном языке в настоящее время.

Ф. де Соссюр определил основные линии, по которым идет развитие ассоциативных связей слова, – содержательную и формальную. Слова, связанные ассоциацией, имеют «...либо общность как по смыслу, так и по форме, либо только по форме, либо только по смыслу» [Соссюр 1977: 158]. В соответствии с этим делением вычленим три основных типа мотивационных отношений экспрессивного слова:

1) мотивированность по смыслу при тождестве формы (во вторичных экспрессивных лексико-семантических вариантах многозначных слов);

2) мотивированность по форме, или фонетическая мотивированность (корней или корневых слов);

3) мотивированность по смыслу и форме (в производных экспрессивах – однозначных словах и первичных лексико-семантических вариантах многозначных слов).

Рассмотрим каждый тип мотивированных слов и мотивационных отношений в отдельности, обращая внимание на особенности семантического отношения мотивированной лексической единицы к своему мотиватору.

3.1. Переносные лексико-семантические варианты слова

Словесные ассоциации, связанные исключительно со смыслом, сопряжены либо с полным несовпадением формы ассоциирующих слов (их основ), либо, напротив, с идентичностью их формы. В первом случае ассоциативные связи реализуются в языке через синонимические, антонимические, родовидовые и другие отношения и не связаны с мотивированностью. Это наиболее полное воплощение собственно смысловых связей. Во втором случае форма ассоциативно связанных единиц тождественна, что характерно для лексико-семантических вариантов многозначного слова и для лексических омонимов.

Для омонимии характерно исконное отсутствие семантической производности или приобретённая смысловая независимость формально тождественных лексических единиц, к языковой лексической экспрессивности омонимы отношения не имеют. Полисемия же с экспрессивностью определённо связана: значительное число экспрессивных лексических единиц – это переносные значения многозначных слов, преимущественно метафорические. Их образование несомненно связано с определёнными закономерностями.

Поскольку в данной работе рассматриваются языковые (не речевые и, тем более, не индивидуально-авторские) явления, будем исходить из семасиологического понимания языковой метафоры как вторичной номинации, сохраняющей семантическую двуплановость,

иногда в остаточном, стёртом виде. Данное понимание распространяется и на переносные значения многозначного слова, образованные по другому фундаментальному типу переноса – метонимическому. Семасиологическое изучение переносных значений имеет большую литературу (в русистике данными проблемами занимались В.А. Звегинцев, Д.Н. Шмелев, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Складарская И.А. Стернин, В.Н. Телия, В.К. Харченко и мн. др. исследователи). Одним из частных направлений в рамках названного является лексикологическое, а в его рамках – экспрессиологическое. Последние направления основываются на методах компонентного анализа лексического значения, суть которого состоит в том, что лексическое значение признаётся комбинаторным образованием, членимой структурой, состоящей из элементарных семантических единиц – сем [Кузнецова 1982]. Именно компонентный анализ позволяет доказательно выявлять внутрисловные взаимосвязи мотивированного переносного лексико-семантического варианта (ЛСВ) с его мотиватором.

Мотивированность вторичного ЛСВ многозначного слова состоит в частичном сохранении семного состава мотивирующего ЛСВ. Поиск этих связующих сем (интегральных сем, семантических множителей), определение их характера и типологии необходимы для того, чтобы выяснить модели образования экспрессивного переносного значения.

Семантическими множителями могут выступать любые семы мотивирующего значения: категориально-лексические, дифференциальные, потенциальные (скрытые). Если категориально-лексическая сема мотивирующего ЛСВ сохраняется в мотивированном экспрессивном, то эта линия связи осмысливается с известным усилием, интуиция подсказывает нам, что не здесь истинный мотив переноса, ср.: *гнусить, гнусаить* «произносить звуки, говорить, петь с носовым призвуком» и (перен.) «плакать, жаловаться» – сохранение категориально-лексической семы звучания; *оберестить* (диал.) «оборвать с дерева все плоды, ягоды, шишки» < *берёста* и *береста* «верхний слой коры берёзы» и (перен.) «обобрать» – сохранение категориально-лексической семы лишения. Категориально-лексические семы связаны с сущностными, глубинными признаками действия или предмета, они абстрактны по своему характеру и выполняют, видимо, в большей или меньшей степени фоновую роль при формировании переносных значений. Их второстепенная в этом отношении роль подчёркивается тем, что перенос категориально-лексической семы в экспрессивное вторичное значение встречается гораздо реже, чем его отсутствие.

Мотив переноса значения с экспрессивной целью следует искать не в сущностном сходстве предметно-логического типа, а в осложнённо-ассоциативных связях явлений. Новое значение основывается на дополнительных, часто скрытых семах исходного значения, свя-

занных, главным образом, с оценкой, квалификацией обозначаемого, а также представлением об объекте (психологическом образе объекта), также существующем в языковом сознании исконного носителя языка. В номинативном отношении потенциальные семы несущественны, они не отражаются в толковых словарях ни в составе словарной дефиниции, ни с помощью специальных помет. В то же время носитель языка, владеющий полным объёмом значения слов, обязательно имеет представление об этих объективных характеристиках. Например, понятия 'водопад' или 'кипеть' на первый взгляд, не содержат в себе сущностного признака интенсивности, во всяком случае этот признак не используется для определения данных понятий и не находит прямого отражения в словарном описании лексического значения слов: *водопад* «поток воды, падающий с отвесного берега»; *молотить* «выколачивать, выбивать зёрна из колосьев, метёлок и т. п.». Лишь с помощью методики компонентного анализа, передвигаясь по этапам ступенчатой идентификации словарных толкований [Кузнецова 1982] и переходя от одного словарного определения к другому, можно выявить качественный признак этих действий. Интуитивно же признак интенсивности хорошо известен всем, кто хотя бы раз наблюдал водопад или молотьбу, поэтому сему интенсивности можно считать входящей в состав лексического значения названных слов на правах потенциальной. Ясное осознание этого признака и даёт, видимо, возможность развития значения на базе только этих потенциальных сем, без переноса сем денотативного значения. Если опираться на предложенные Д. Н. Шмелевым обобщённые формулы семантической связи ЛСВ: 1) $ab \rightarrow a$, 2) $ab \rightarrow ac$, 3) $ab(d) \rightarrow cd$, то формирование экспрессивного переносного значения связано с третьей из них, где «основанием для переноса служит не один из парадигматически значимых, т.е. дифференциальных, признаков в значении слова, а «ассоциативный» признак, самая семантическая релевантность которого определяется данным переносом» [Шмелев 1973: 223].

Ещё раз подчеркнём значимость скрытого квалификативного, оценочного содержания мотивирующего значения для формирования мотивированного экспрессивного лексико-семантического варианта. Это содержание основывается, как правило, на эмпирических потенциальных компонентах лексического значения, т.е. связано с чувственно наглядным образом обозначаемого предмета. Представляется очень верной мысль И. А. Стернина: «Мы полностью знаем значение предметного слова только если у нас сложился и его чувственно-наглядный образ» [Стернин 1979: 130]. Наши наблюдения показывают, что эмпирический компонент лексического значения играет важную роль не только при функционировании прямых значений, но и для развития значения в рамках многозначного слова.

Эмпирический компонент формируется в словах, которые обозначают предметы и явления, хорошо освоенные человеком в практике его деятельности, а такое знание неизбежно выливается в отношение, оценку. Для целей сугубо информативного общения эти оценки избыточны и потому остаются потенциальными, но накопленные наблюдения составляют семантическую опору производных экспрессивных значений.

Рассмотрим несколько случаев мотивации вторичного экспрессивного ЛСВ оценочными семами мотивирующего ЛСВ. Яркий пример такой мотивации – экспрессивные обозначения лица на основе обозначения болезни или проявления болезни: *чума, холера, язва, кила* (диал.) – о человеке (*кила* в прямом значении «нарыв, чирей, карбункул» [СРНГ. Вып. 13: 205]). Субъективно-оценочная семантика мотивирующего ЛСВ (болезнь – это плохо, болезнь сопряжена с отрицательными эмоциями личности) является семантическим множителем при развитии многозначности и дополняется отрицательной же эмоциональной оценкой. Специфичность семантической связи приводит к неоднозначной лексикографической интерпретации подобных слов, иногда здесь усматривают не многозначность, а омонимию. Ещё один пример мотивации рассмотренного типа дают переносные глагольные ЛСВ на базе прямых значений глаголов звучания: *брякнуть, греметь, выть, ржать, фыркать, керкать* (диал.) «издавать крик (о птицах, животных)» > (перен.) «говорить».

Ещё один пример. В диалектной речи *свашить* – это не только «выполнять роль свахи», но и «ходить без дела, заниматься сплетнями». Отрицательная оценка, явно ощутимая в переносном ЛСВ, в прямом значении глагола и в значении мотивирующего существительного *сваха* «женщина, занимающаяся устройством браков» практически не осознаётся. В то же время основания для такой оценки есть. Видимо, представление о праздном, не самом важном, не деловом характере данного рода занятий (с точки зрения человека, занятого физическим трудом) свойственно его народному осмыслению, а праздность никогда не оценивается положительно. Скрытая оценочная семантика мотиватора становится явной в экспрессивном производном значении глагола: *Ходит, свашит, делать нечо дак!; Ходила свашила, а не робила.*

Любопытно, что мотиватором может служить даже эстетическая оценка явления. Когда о волосах говорят *пакля*, то развитие значения «грубое волокно, получаемое как отход в процессе обработки льна или конопли (употребляется для конопачения, обёртки и т. п.)» в экспрессивное объясняется актуализацией семы эстетической оценки. Весьма полезный, нужный материал, пакля некрасива, – это нечто грубое, бесформенное, неаккуратное, неприятное на взгляд. Данная

оценка и выдвигается на первый план в производном экспрессивном ЛСВ.

Таким образом, оценочная сторона семантики мотивирующего ЛСВ (в равной степени параметрически-оценочная и эмоционально-оценочная) чрезвычайно важна при образовании производных экспрессивных значений. Она бережно извлекается и даже усиливается в производной семантически мотивированной единице. Оценочные семы, как правило, выступают главным или единственным мотиватором, тогда как перенос категориально-лексической семы и дифференциальных сем исходного значения в производное не обязателен. Таким образом обеспечивается контрастность экспрессивного значения в структуре многозначного слова, его необычность на фоне мотивирующего ЛСВ, что соответствует природе всякой экспрессивной единицы.

Что касается сем-различителей мотивирующего и мотивированного значения, то здесь особенно важна сема субъекта. В отдельных многозначных глаголах, например, экспрессивность вторичного значения обеспечивается исключительно за счет смены субъекта действия: *лягать* 1. «бить, ударять, ногой, ногами (о копытных животных)»; > 2. (прост.) «то же о человеке»; *бызовать* (диал.) «вести себя буйно, метаться или бегать резвясь (о коровах, телятах)» > (экспр.) «то же о людях».

Основным типом переноса для глагола является метафора. Метонимические переносы редки. Это, вероятно, связано с общей особенностью глагольных слов, денотаты которых – это феноменальные объекты, которые «не являются вещами или предметами в классическом смысле» [Комлев 1969: 86], следовательно, отношения смежности не являются здесь легко представимыми. Ассоциативное же сходство действий мы улавливаем так же легко, как например, сходство зрительно воспринимаемых объектов. Разумеется, это происходит в тех случаях, когда мы владеем полным объёмом значения исходного слова, т. е. имеем не только понятие об этом объекте, но также чувственно-наглядный образ и психологическое отношение к обозначаемому явлению.

Вербализация (словесное выражение) той или иной ассоциации трудна и нередко выглядит натянутой, искусственной, но сама связь явлений, объективированная в языке, как правило, не вызывает сомнений, а лишь удивляет точностью и смелостью видения. Проиллюстрируем данное положение на примере одной глагольной метафоры. Связь между прямым значением глагола *трепаться* «колебаться от движения воздуха» и переносным неодобрительным «ходить куда-нибудь зря, а также делать что-нибудь без толку или говорить глупости, врать» можно усмотреть в ассоциативном сходстве по отсутствию направленности и цели действия. В числе социально осмысленных

параметров такого явления действительности, как движение, есть параметр целенаправленности как положительно оценочный. На основании одних только первичных ЛСВ многозначных глаголов движения сделать такой вывод нельзя, так как в этих ЛСВ сема целенаправленности или нецеленаправленности потенциальна. Но наблюдения над экспрессивными ЛСВ глаголов движения позволяют выявить этот факт, на основании чего можно прогнозировать развитие экспрессивных значений для таких глаголов, которые обозначают нецеленаправленное движение, и действительно это характерно для глаголов *крутиться, вертеться, мотаться, кружиться*. Подобным же образом диалектное *быгать, бугать* «сохнуть на ветру, на морозе (обычно о белье)» развивает переносное значение «бездельничать», и сходство обозначаемых явлений действительно есть, хотя оно и не лежит на поверхности: оно заключается в полном отсутствии целевой направленности, поступательности движения, энергии обозначаемых действий.

Для имён существительных характерны оба фундаментальных типа переноса – и метафора, и метонимия.

Метафорические переносы в области имён существительных основываются на самых разнообразных признаках: зрительных и слуховых наблюдениях, особенностях поведения, манеры говорить и др., например, в обозначениях лица: *верста* (разг.), *каланча* (разг.), *трещотка* (разг.), *балалайка* (разг.), *пачкун* (презр.). Иногда линия ассоциативной связи формулируется с трудом. Например, слово *тюфяк* «мешок, набитый соломой, сеном и т. п. служащий постелью» развивает переносное значение «о вялом, безвольном человеке» (прост. пренебр.), и объяснить мотив не так просто, хотя каждый, кто держал в руках тюфяк, помнит ощущение его величины, тяжести и, главное, неподатливости, будто бы пассивного сопротивления предмета. При экспрессивной характеристике лица или предмета по его физическим качествам метафорический перенос значения является основным способом формирования экспрессивности.

Наиболее древним стимулом метафоризации является синкретизм восприятия внешних воздействий, свойственный человеку в архаический период сознания и до некоторой степени сохраняющийся доныне. По Скеляревской, синкретическая метафора как особый тип переноса лексического значения ведёт к образованию огромного количества переносных ЛСВ. Прежде всего, это замена одного первично-чувственного ощущения другим, что сопряжено с переносом впечатления, сложившегося в сфере освоения мира человеком, в иную семантическую сферу. Чаще всего зрительное впечатление, вкусовое ощущение, тактильное восприятие и другие первичные ощущения из предметной сферы переносятся в сферу «человек», особенно в область человеческих чувств (*светлая краска* > *светлая любовь* / *наде-*

жда; кислятина (о клюкве) > *кислятина* (о нудном, скучном, вялом человеке); *мягкий свитер* > *мягкий характер*).

Особо следует остановиться на большой группе метафорических имён существительных, содержащих экспрессивную характеристику человека на базе наименований животных. В литературе для обозначения таких метафор укрепился термин «зооморфизмы», т. е. «уподобляющие животному». Этот своеобразный класс экспрессивной субстантивной лексики неоднократно подвергался лингвистическому и психолингвистическому изучению (см. работы Ф. А. Литвина, М. И. Черемисиной, О. А. Рыжкиной, В.В. Першаевой и др.). Зооморфизмы составляют один из самых сильных разрядов экспрессивной лексики во всех европейских языках [Черемисина 1979]. В их составе обозначения млекопитающих, птиц, рыб, насекомых (*медведь, лось, козёл, корова, ворона, рыба, щука, пчела* – о человеке), животных диких и домашних, обитающих в русском географическом пространстве и экзотических для русского мира (*бегемот, крокодил, обезьяна, слон* – о человеке), словом, класс зоосемизмов многообразно вовлечён в формирование экспрессивов.

Они характеризуются особым типом связи между основным и переносным значением. Общепризнанный образ, который базируется на прямом обозначении животного, позволяет носителю языка по-разному «поворачивать» его, и зооморфизм приобретает как бы собственную многозначность. Для одного *петух* – это избыточно энергичный человек, для другого – задира, забияка, скандалист, для третьего хвостун, а для четвертого – вызывающе, крикливо одетый человек. При этом возможны не только названные варианты значения, но и другие, а также их различные сочетания. Подобные семантические колебания в пределах вторичного экспрессивного значения характерны также для зооморфизмов *медведь, муравей, лиса, курица, собака, кошка* и др.

В более редких случаях разные экспрессивные семы закрепляются за разными синонимами, как это наблюдается в экспрессивах *осёл* и *ишак*. Первый из них развивает переносный ЛСВ со значением «о тупом упрянце, глупце», второй – ЛСВ со значением «человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу» [ТСРЯ]. Само домашнее животное, номинированное словами *осёл, ишак*, очевидно, проявляло как те, так и другие качества, а поведение людей вызывало то одни, то другие ассоциации с поведением данного животного.

Лингвистическая интерпретация данного явления наталкивается на терминологическую трудность. Дело в том, что применение термина *многозначность* здесь невозможно, ведь зооморфизм сам входит в состав полисеманта, является метафорическим ЛСВ многозначного слова. Для обозначения его собственной «внутренней многозначности» предложен термин *диффузное значение*. Семантическую диф-

фузность зооморфизмов можно объяснить тем, что их мотиватором в языке является не одна из сем прямого значения, а вся эмпирическая, т. е. основанная на представлениях, часть прямого значения, а также связанные с исходным зооназванием культурно-исторические ассоциации. Последнее очень важно: зоо-образ складывается не без влияния фольклора и литературы (зоологи знают, что заяц не является самым трусливым животным, а хитрость поведения в животном мире свойственна не только лисе, но сказки, басни показывают этих животных носителями именно трусости и хитрости, способствуя формированию слов-зоосимволов названных свойств).

Что касается набора признаков, составляющих эмпирический компонент прямого значения, то он разнообразен и включает в себя признаки внешнего вида, поведенческих свойств, разнообразных оценок животного, в том числе эстетических. Именно последние послужили, на наш взгляд, непосредственными мотиваторами заметной среди зооморфизмов группы эмоциональных обращений к человеку: *ласточка, голубь и голубка, рыбка, заяц, лебедушка* и т. п. Конечно, эстетическая сема может быть не единственным мотиватором, учитывается и многое другое, но оценка эстетического характера «красивый, приятный» играет здесь важную роль.

В целом для метафор-существительных характерна та же тенденция, что и для метафор-глаголов, т. е. опора на скрытую семантику мотивирующего значения. Это, по Складчиковой, ассоциативные языковые метафоры. Чем более ассоциация неявна в прямом значении, тем сильнее экспрессивный эффект в переносном, ср.: *кисель* «студенческое кушанье» и «о вялом, слабовольном человеке» (разг. пренебр.).

Из переносов метонимического типа отметим распространённый в разговорной речи перенос-синекдоху: *голова, борода* (о человеке). Наиболее яркий признак (внешний или внутренний), свойственный лицу, кладётся в основу обозначения этого лица. Мотивировочный признак при этом бывает затемнён: шляпа «головной убор с полями» и (перен.) «о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке». Объективация метонимических переносов в языке происходит слабее, чем объективация метафор (а также слабее отражается в толковых словарях). В живой разговорной речи отработаны некоторые модели выразительных метонимий, что даёт основание поставить вопрос о языковом статусе метонимических ЛСВ. Вот одна из таких моделей: *Подходи ближе. Что скажешь, наука?* Здесь *наука* в экспрессивно-метонимическом значении «представитель науки». Об отработанности модели свидетельствует тот факт, что отмеченную во фразе позицию можно заполнить другими единицами аналогичного содержания и получить при этом аналогичное переносное значение: *Что скажешь, наука? / авиация, физика, промышленность, торговля, критика, педагогика, реклама* и т. п.

Обобщая всё сказанное о семантических средствах экспрессивности, к которым относятся переносные значения многозначных слов, отметим следующее. Данные значения характеризуются специфическим характером взаимосвязи со своими мотиваторами. В качестве мотивирующего признака для переносного ЛСВ чаще всего выступает ассоциативный признак мотивирующей единицы, в терминах компонентного анализа – потенциальная сема исходного ЛСВ. Часто такие семы входят в состав эмпирического компонента мотиватора, т. е. переносное значение отталкивается не столько от понятия, заключенного в мотивирующем ЛСВ, сколько от образного представления, связанного с этим понятием. В некоторых случаях (как в переносных ЛСВ-зооморфизмах) мотиватором может выступать всё это представление в целом. Таким образом обеспечивается контрастность семантической оппозиции экспрессивного и неэкспрессивного ЛСВ одного и того же многозначного слова, отвечающая природе экспрессивного факта, его тяготению к необычности, нестандартности.

Все семантические множители, связывающие мотивированное значение со значением-мотиватором, носят оценочный характер в широком смысле этого понятия. Это либо семы параметрической оценки обозначаемого явления, либо собственно оценочные семы, среди которых оказываются значимы не только эмотивные семы, но и семы эстетической оценки. В психолингвистическом понимании, это ассоциативные семы мотиватора, в числе которых особенно значимы эмпирические семы. Можно сказать, что именно характер мотивированности обнаруживает единство организации экспрессивного лексического поля: из объективно-логического значения неэкспрессивных мотивирующих единиц извлекается их ассоциативная семантика, чтобы она прозвучала в полную силу в составе мотивированных экспрессивных единиц с их оценочно-характеризующей направленностью.

Итак, для лексико-семантической мотивации характерен такой механизм экспрессивности, как актуализация потенциальных сем мотиватора.

3.2. Фонетические средства экспрессивности

Лексические единицы, характеризованные фонетическими средствами экспрессивности (мотивированные по форме) – это прежде всего звукосимволические слова. Звукосимволизм понимается как связь звучания и значения слова в психике человека. Эта связь выражается прежде всего в имитации акустического облика явлений природы звуками человеческой речи и закреплении того или иного сочетания звуков в качестве языкового символа определённого явления действительности, например, звуковой символ понятия «шёпот» – это звукосочетание «переднеязычный шипящий/свистящий (s/š) + глас-

ный или губной», понятия «стук» – звукосочетание «t...к» [Газов-Гинзберг 1965]. Более широкое понимание звукосимволизма, когда к нему относят и передачу звуком образа (незвукового представления), нами не используется. Термин «звукосимволизм» предпочитается термину «звукоподражание», так как последний предполагает сходство мотивирующих звуков, неязыковых и звуков человеческой речи, а между тем разные языки или группы родственных языков могут иметь специфические, иногда совсем не похожие друг на друга звукосочетания для передачи одних и тех же акустически выраженных явлений [Солнцев 1977: 134–135], например, шороха, хруста, удара и др. Иначе говоря, отдельный язык имеет скорее звукосимволы, чем звукоподражания.

При выявлении круга лексических единиц, мотивированных звучанием, подчас трудно определить, было мотивировано то или иное слово таким способом или, наоборот, смысл слова подсказал ассоциацию с определенным звуко-смысловым сочетанием. Ш. Балли отмечал: «Сколько нелепостей говорится о соответствии звучания некоторых слов их смыслу, о якобы звукоподражательном характере этих слов! В большинстве своем это чистейшая иллюзия – только значение слова побуждает нас искать звукоподражание в том или ином сочетании звуков» [Балли 1961: 75]. В то же время справедлива, очевидно, мысль о том, что согласование значения слова с его звучанием повышает экспрессивный потенциал слова, создаёт условия для реализации экспрессивности.

Звукосимволизм особенно характерен для глаголов, так как звуковая сторона явления закономерно воспринимается как динамическая, в ряде случаев звукосимволические глаголы мотивированы звукоподражаниями междометного типа: *бац, бум, бух, бряк, шмяк* и т. п. Поскольку единственное назначение звукоподражаний – это отображение звуковой стороны того или иного явления, а глаголы типа *бациать, буткать, бухнуть, брякнуть, шмякнуть* полностью основываются на их звуковой изобразительности, мы не выделяем такие глаголы в отдельную группу.

Мотивированные звучанием экспрессивы характеризуются двойными ассоциативными связями: во-первых, непосредственно со звуковой стороной действительности через имеющийся в языке звуковой символ, во-вторых, с нейтрально-номинативным синонимом. Так, в ряду глаголов со значением «упасть» отмечены следующие экспрессивы: *бахнуться, бухнуться, грохнуть, грохнуться, брякнуться, бултыхнуться, хлопнуться, хлопнуться, шлёпнуться, плюхнуться, ухнуть, хрястнуться, шандарахнуться, шмякнуться*. Звукопись их корней ассоциируется со звуком падения (ср. звукоподражания *бах, хлоп, плюх* и др.) и, по крайней мере, не противоречит опорному нейтральному *упасть, падать*, в котором также использован губной со-

гласный и гласный непереднего ряда. Более показательны следующие примеры. Экспрессивы со значением «говорить неясно, невнятно» и значением «говорить о пустяках, болтать»: *балаболить, балабонить, бараборить, балякать, балберить шалаболить, лялякать, талалакать, ватлать*, встречающиеся в уральских говорах, соотносятся со слуховым впечатлением от быстрой неразборчивой речи и с глаголом *болтать*. Глаголы со значениями «шаркать», «шуметь», «шуршать» передаются в говорах экспрессивами *шабаршать, шабаршить, шарaboшить, шеборшить*; со значениями «хрустеть», «хрипеть» – экспрессивами *храбастеть, хробустеть, храндучать*.

Осознаётся звуковая символика только в сочетании со значением слова, в ином случае звуко-символ нейтрализуется, не воспринимается как таковой. Например, звуковыми символами понятий «ныть», «капризничать», «надоедливо негромко плакать» являются, судя по звукописи экспрессивных глаголов с этим значением, звуко-сочетания на базе носовых согласных (*ня, ню, мя, мы* и др.), см. разговорное *нюнить* и диалектные *мявкать, мяргать, мыргать, пынькать, няргать, нявгать, хнярить, веньгать, хынькать*. В «Словаре бабы Нюры» на одной странице сошлись диалектные слова *мызгать* «бегать, ходить взад и вперёд, бродить без дела», *мыканье* «мучение, мытарство», *мыкать* «нечленораздельно говорить», *мырганье* и *мярганье* «капариз, плач», *мыргнуть* «запищать, закапризничать», *мыргозить* «пищать, канючить» [Смирнов: 179]. Во всех этих случаях ассоциации по звучанию соответствуют лексическому значению слов и поддерживаются опорными нейтральными глаголами *ныть, хныкать*. В то же время слова *нюанс, мята, мысль, понять*, содержащие те же самые звуко-сочетания, никакого отношения к звуко-символизму не имеют.

Трудно сказать, каков был путь формирования звуко-символических экспрессивных глаголов, являются ли экспрессивный и нейтральный синонимы параллельными образованиями в плане мотивированности или экспрессивный глагол характеризуется вторичной мотивацией со стороны нейтрального звуко-символического слова. На синхронном срезе языка можно лишь констатировать факт удвоенной звуковой обусловленности, который, на наш взгляд, существен в том отношении, что увеличивает осознаваемость звукового символа и, как следствие, экспрессивность глагола, в котором он заключен.

Разбираемый тип мотивированности сходен с лексико-семантическим в том отношении, что в фонетически мотивированных словах актуализируется эмпирическое содержание обозначаемого явления, а именно его звуковая сторона. Это очень заметный, хорошо осознаваемый признак явления, но, в то же время, в номинативном плане несущественный, внешний его признак. Когда он выдвигается на передний план, и целое обозначают через его внешний признак, неизбежно экспрессивное снижение, которое наблюдается не только в

звукосимволических экспрессивах (ср. *шепаться* и *шушукаться*), но и при их дальнейшем семантическом развитии: *бухнуть* «сказать что-то невпопад, не вовремя», *грохнуть* «слишком громко засмеяться», *хлопнуть* «выпить».

Звукосимволизм как первичная мотивированность создаёт лексическую единицу необычной фонетики. Звукосимволические слова, которых во много раз меньше, чем слов, не связанных со звуковой символикой, осмысляются как нестандартные, необычные с фонетической точки зрения на фоне всей совокупности нейтрально-номинативного лексического фонда и не мотивированной фонетически экспрессивной лексики.

Необычность звучания может быть не только признаком звукового символа, но и принципиально важным самостоятельным средством выражения экспрессивности. Эта необычность достигается двумя путями. Первый из них – звуковой повтор. Это очень заметная внешняя черта слова, и даже если мы имеем дело с нейтрально-номинативным словом, то невольно отмечаем эту черту, например, в слове *кукушка*. Если же слово создано как экспрессивная номинация, в целях выразительности и воздействия, то звуковой повтор указывает на эти цели совершенно ясно: разговорные *балаболка*, *лялякать*, *диалектные тутуришиться* «сердиться, дуться», *вычичиниться* «разрядиться», *прикоколдыш* «очень маленький ребенок». В звукосимволических словах повторы используются для того, чтобы передать значение усилительности, ср.: *бахнуть* и *бабахнуть*.

Повторяющейся фонетической единицей может выступать отдельный звук и звукосочетание. Повтор отдельного звука осмысляется как выразительный приём только в том случае, если это малочастотный звук, как например [ф], [ф'] или [ы], причём второе его употребление отстоит от первого всего на одну фонетическую единицу: *Как был бы хорош мир, если каждый занимался бы самим собой, не совал бы, козлина, **фофан** обтруханный, свой нос в душу ближнего своего!* (Е. Попов). Сравним подборки неэкспрессивных (1) и экспрессивных (2) слов, содержащих в составе основы два звука [ф]: 1) *фальсификация, фарфор, философ, финифть, фитофтора, фортификация, фонограф, фотограф, фосфат*; 2) *фефела, фифа, фофан, фуфло, фуфыра, расфуфыриться, фуфу (на фуфу), расфуфлыжить* (диал.). Исключения редки (*фуфайка*). Не случаен и тот факт, что первая группа сплошь состоит из заимствованной лексики. Группа экспрессивов выделяется небольшим размером и фонетической простотой основы, при этих условиях повтор согласного становится очень заметным. Аналогично организован повтор гласных в диалектных глаголах *бызыкнуть* «ударить», *тырышкаться* «долго разговаривать» *шивыртать* «неправильно говорить». Наличие данного приёма в языке подчёркивается речевыми образованиями, построенными по образцу рассмотрен-

ных, например: «Врёшь, Трошка. Не возьмёшь на скандал – учёный. ... **Ы-ы! Мыфыфей!**» — гнусаво и непонятно подразнил Фарков (В. Шугаев).

Среди повторяющихся звукосочетаний наиболее частотны сочетания «согласный + гласный», см. на диалектном материале: *вычиччиться* «нарядиться, разрядиться», *закоковеть* «замёрзнуть, зачоченеть», *натутуришиться* «тепло одеться, закутаться», *ошешенить* «ударить, хлестнуть», *поддодонить* «подсунуть», «ударить», *потютюкаться* «поработать немного, не в полную силу, с прохладцей», *отешенить* «убить, задушить», *тутуришиться* «сердиться, дуться», *тютюнькаться* «долго и медленно, лениво что-нибудь делать». Показательно, что варианты одного и того же слова (это типичное для диалектной речи явление, связанное с устной формой её бытования), как правило, сохраняют повтор, точно или приблизительно: *вычиччиться* / *вычечениться* / *начечениться*; *натутуришиться* / *натутыршиться* / *натутуркаться* / *натутуричься* / *натутумиться*; *ошешенить* / *ошашанить*. Это говорит о принципиальной важности фонетических повторов для экспрессивных слов. Наблюдаются также смежные повторы одного и того же согласного с разными гласными: *тутыхнуть* «проглотить», *сгогулить* «украсть», *притатырить* «прийти, приехать», *прикокуриться* «поместиться, устроиться где-либо, где нет удобств», *нафуфыриться* «нарядиться», *фик-фок* «о чём-нибудь, помещённом криво, сбившемся набок».

Общая картина использования повторов в экспрессивной лексике подтверждает мысль Ж. Вандриеса: «Повтор вышел из языка аффективного» [Вандриес1937: 147].

Вторым фонетическим средством экспрессивности, не связанным со звукосимволизмом, является собственно фонетическая необычность слова, его «фонетический экзотизм». Именно в области экспрессивных слов мы сталкиваемся с большим количеством диковинных с точки зрения типичной русской фонетики лексических единиц, обращающих на себя внимание своим звучанием: *ошеволдашить* «обокрасть», *шлында*, *шкидла*, *отчекрыжить*, *чебурахнуть*, *дербализнуть*, *выпендриваться*; в говорах: *скузрить* «хныкать, канючить», *сбулефелить* «стащить», *хороборызнуть* «моментально сделать что-либо», *вычекверивать* «ворчать, грызаться», *ухмаргать* «выпачкать». Здесь «...звуковая оболочка слова, необычная, «экзотическая», изолированная, как бы принимает на себя функцию выражения всей полноты эмоции без отвлечения на интеллектуальное начало» [Блинова 1974: 103]. Скорее всего, это современное восприятие формы слова, тогда как первоначально, в период непосредственных языковых контактов, необычность звучания была вполне объяснима как факт чужой, заимствованной фонетики: большинство «фонетических экзотизмов» — это генетические заимствования. Впрочем, осуществление

принципиальной установки на фонетическую необычность в пределах и средствами русского языка также нельзя отрицать. Так или иначе, фонетическая необычность корней экспрессивных слов может рассматриваться как самостоятельное средство экспрессивности в современном русском языке. Это подтверждается лексическими новообразованиями, которые хорошо укладываются в традицию создания экспрессивных слов. Так, в молодёжном жаргоне последних лет распространились лексемы, образованные под влиянием субкультуры аниме: *няша* «о приятном, милом, человеке, симпатичном пушистом животном, мягкой забавной игрушке и т.п.» и производное от него прилагательное *няшный* «приятный милый, располагающий». Фонетический облик этих слов, конечно, не является главной причиной заимствования, в основе лежит зрительный и кинетический образ прототипа из японского мультфильма, но звучание новых слов полностью соответствует закономерностям экспрессивной лексики: в них нет резких сильных звуков, которые противоречили бы оформляемой семантике, зато есть редкое для русского языка звуко сочетание [н'а]. Вероятно, звукообраз данного слова немало способствовал его распространению в городской молодёжной среде, не помешало даже наличие широко известного на Урале диалектного существительного *няша* «ил, топкое место, грязь».

Судить о мере фонетической необычности можно только на основе данных о материальном составе и частотности русских звуко сочетаний. Сопоставления с данными Н.И. Фёдоровой [Федорова 1970], полученными по толковому словарю [СРЯ-4] позволили обнаружить в диалектной лексике Среднего Урала ряд малораспространённых сочетаний звуков: *лд* в середине слова (*ошеволодашить* «обокрасть»), *кв* в середине слова (*вычекверивать* «ворчать»), *вг* в середине слова (*нявгать* «хныкать»), *чл* в начале слова (*члякать* «ворчать, выражать неудовольствие»). Добавим к ним звуко сочетание *чм* в начале жаргонных слов (*чмо*, *чморик* «опустившийся, заслуживающий презрения человек», *чморить* «помыкать, унижать»). Кроме того, в экспрессивной лексике более активны редкие фонемы русского языка, в том числе [ы] в основе слова (*ханыга*, *мымра*, *быдло*, *дылда*, *цыкать*, *рыкать*). Значительно повышается значимость менее употребительных в русском звуковом ряду шипящих согласных, что эксплицировано в художественных текстах. Например: *Начальница моя довольно мерзкая личность. <...> Мерзкая, сорока с лишним лет, хорошающаяся (тоже слово плохое, но верное), толстая, хватающая, рвущая, достающая, посылающая посылки, скупающая дефицитные промтовары, жрущая. «Щая» и «щая» без конца и без края* (Е. Попов). Интересно, как легка лексема *хорошо*, ядерная в поле положительной оценки, вовлекается в противоположный оценочный ряд «*плохих слов*». В русском языке с помощью семантико-словообразовательного сдвига сформирован гла-

гол *хорошиться*, в котором, в отличие от *прихорашиваться*, уже появляется сема превышения меры явления, лёгкая отрицательно-оценочная коннотация. Но резко отрицательный смысл словоформы *хорошающаяся* (< *хорошиться*) создан писателем за счёт фонетического повтора шипящих, поддержанного аналогичным контекстом.

Продолжением рассмотренного явления фонетической необычности можно считать и необычность суффиксального оформления экспрессивных глаголов (впрочем, точнее будет говорить об оформлении конца основы, так как интересующие нас «компоненты необычности» почти не дают повторяемости, следовательно, их морфемный статус сомнителен). Речь идёт о том, что перед грамматическим формантом экспрессивного, а иногда и нейтрального глагола используется какое-либо наращение, чаще всего из двух звуков, за счёт которых слово приобретает новые экспрессивные краски, ср.: *вилять* «хитрить» и *вилавить*; *укатить* и *укатонить*, *сколотить* «накопить, собрать» и *сколотобить*, *умориться* и *уморяхнуться*, *закутать* и *закутакать*, *трубить* «в течение долгого времени заниматься утомительной однообразной работой» и *тубенить*, *расиуметься* и *расиумаркаться*, *колотить* и *колотачить*. Аналогичные компоненты были обнаружены ещё в 1903 г. русским учёным Н. Дурново (*думакать* «думать», *уморяхнула* «уморила»). Он определяет их как именные суффиксы без соответствующих имён с теми же суффиксами. Отсутствие таких имён показательно. Названные компоненты – это, скорее всего, собственно глагольные «компоненты необычности» – самостоятельное средство достижения экспрессивности, противопоставляющие экспрессив его нейтральному аналогу. Данное явление носит собственно речевой характер и упомянуто здесь лишь для того, чтобы подчеркнуть значимость фонетической необычности слова в качестве средства экспрессивности.

Таким образом, все фонетические средства экспрессивности таковы, что противопоставляют экспрессивные лексические единицы неэкспрессивному лексическому корпусу за счёт звукового своеобразие экспрессивов. Это своеобразие достигается либо за счёт фонетической изобразительности (создания звукообраза), звукосимволизма – а большинство слов не является звукосимволическими; либо за счёт повтора отдельных звуков или звукосочетаний – а большинство слов язык не характеризуется упорядоченными повторами; либо за счёт фонетической необычности корневой морфемы – а большинство слов русского языка, при всём их разнообразии, позволяет носителям языка иметь представление о русской и о необычной для русского слова фонетике. Общая сущность фонетических средств экспрессивности – в реализации установки на необычность.

Итак, общий лингвистический механизм фоносемантической экспрессивности заключается в создании слова, которое в звуковом

отношении выделяется на фоне нейтрально-номинативного лексического фонда русского языка.

3.3. Производная экспрессивная лексика

Внутренняя форма слова – это мотиватор, причём образный мотиватор производной лексической единицы. Данное понимание основывается на теории А.А. Потебни, который писал: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [Потебня 1976: 115] и подчёркивал, что внутренняя форма является «образом образа» данного слова.

Вопрос о том, имеет ли внутренняя форма оба названных свойства (способность мотивировать и образность) во всяком производном слове языка, остаётся спорным. Спорно и то, относится данное понятие только к словообразовательной производности или также к семантической производности в рамках многозначного слова. В данном разделе работы мы не касаемся семантической производности, рассматривая в качестве материала только производные первичные значения многозначных слов и однозначные слова русского языка.

Производные экспрессивные слова (*ушачить* < *ушак*, *ворюга* < *вор*, *шкурник* < *шкура*) связаны с другими единицами языка (лексическими, морфемными, структурно-словообразовательными) по смыслу и по форме. Будем различать лексический мотиватор – производящую основу, от которой образовано экспрессивное слово, и структурный мотиватор: а) аффикс или сочетание аффиксов, включающих экспрессивное слово в определённый словообразовательный тип; б) структурную схему словообразовательной модели, использованную при создании экспрессивного слова. Как те, так и другие мотиваторы могут быть нейтральными и экспрессивными. Таким образом, мотивационная система может быть представлена следующим образом:

ЭКСПРЕССИВНЫЙ МОТИВАТОР (ЭМ) / НЕЙТРАЛЬНЫЙ МОТИВАТОР (НМ)

Язык располагает несколькими возможностями для создания экспрессивных лексических единиц. Во-первых, они могут быть созданы на базе одной или нескольких готовых экспрессивных единиц языка (лексем, морфем, словообразовательных моделей), во-вторых, на базе одних только нейтральных языковых единиц, в-третьих, путём заимствования, в четвёртых, звукобуквенным конструированием

принципиально нового непроизводного слова (например, в адресованном детям стихотворении Э. Мошковской: *А я придумал слово, смешное слово плим, и повторяю снова: плим, плим, плим*). К нашему материалу имеют отношение первые два словопроизводственных пути.

Наиболее частотно образование экспрессивного слова на базе единиц однотипной семантики. Здесь выделяются разновидности трёх типов: 1) производность на базе экспрессивного слова: ЭМ^{лекс.} + НМ^{структ.}; 2) производность на базе экспрессивного словообразовательного аффикса (или аффиксов): НМ^{лекс.} + ЭМ^{структ.} 3) производность на базе двух экспрессивных мотиваторов — лексического и структурного: ЭМ^{лекс.} + ЭМ^{структ.}. Однако сочетание только нейтральных языковых средств также обладает немалыми экспрессивными возможностями, поэтому учтём и четвертую разновидность: НМ^{лекс.} + НМ^{структ.}. Рассмотрим данные типы производных экспрессивных слов подробнее, обращая основное внимание на характер семантических соотношений производных экспрессивных слов с их мотиваторами и ориентируясь на выявление наиболее типичных связей.

Если лексический мотиватор экспрессивен, то его значение сохраняется в мотивированном слове, хотя бы частично. Нередко экспрессивное производное полностью вбирает в себя семантику мотиватора: *сошляпничать* «опростоволоситься, просмотреть» < *шляпа* «о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке», *изварначиться* (диал.) «сбиться с пути, стать негодяем» < *варнак* «хулиган, жулик, вообще плохой человек», аналогична связь с мотиватором у слов *жмотничать*, *скупердяйничать*, *балаболка*, *тараторка*, *ломака*, *кривляка*, *задохлик*. По сути, здесь наблюдается синтаксическая деривация. Производные от существительных глаголы означают «делать то, что свойственно лицу, экспрессивно обозначенному мотиватором», а производные от глаголов имена существительные обозначают лицо по его экспрессивно обозначенному действию. Возможно и развитие качественной семантики мотиватора: *отмороженный* (жарг.) «медлительный, тупой, плохо соображающий» > *отморозок* «человек, лишённый каких бы то ни было принципов, не признающий законов и норм; человек безжалостный и беспощадный, способный на всё» [ТСА: 695].

Не безразлична к экспрессивности словообразовательная модель образования отглагольных существительных способом нулевой суффиксации: *прикид* (жарг.) «об одежде, наряде, чаще всего необычном, странном», *облом* (жарг.) «неудача, невезение», *отпад* «возглас восторга, удивления». Сам морфологический способ нулевой суффиксации нейтрален по стилистической окраске, см.: *разлив*, *рассвет*, *пуск*, *вылет* и т.п., так что экспрессивность производного слова преемственна по отношению к производящему: *прикид* < *прикинуться* (жарг.) «приодеться, принарядиться»; *облом* < *обломаться* (жарг.) «испытать разочарование, потерпеть неудачу»; *прикол* (жарг.) «забавная остро-

умная выходка, розыгрыш, курьёз» < (жарг.) *приколоться* «подшутить, разыграть кого-либо». О продуктивности данной модели говорят новообразования, например, сравнительно новое производное существительное, отсылающее в сферу криминала: *откос* «комплекс услуг, предоставляющих возможность призывнику уклониться от несения воинской службы в рядах Российской» < (жарг.) *откосить* «уклониться от несения воинской службы, учёбы и т.п.» [ТСА:694].

Отклонения от семантики мотиватора, вполне естественные, никогда не затрагивают заданную мотиватором оценочную линию, иногда заданную культурно-историческими реалиями современной России, ср.: *шкурник* (разг.) «тот, кто заботится только о своем благополучии, о своих личных выгодах, о своей шкуре» и *шкура* (прост.) «жизнь, существование, положение, благополучие», *хайлиться* (диал.) «ругаться» и *хайло* (груб., прост.) «рот, горло, глотка», *мурзиться* (диал.) «ворчать» и *мурза* «татарский князёк, наследственный старшина» [Даль, т. 2: 360]. Какой бы косвенной ни была семантическая связь мотиватора и мотивированного, преобладание оценочной линии очевидна. В данном случае мы наблюдаем те же особенности мотивировки, что отмечались для чисто семантической производности.

С помощью структурных мотиваторов может получить экспрессивность огромное количество слов. В грамматиках и справочниках по словообразованию сгруппированы и описаны морфемы, которым свойственно языковое значение экспрессивности. Это суффиксы субъективной оценки существительных (-чик, -очк-, -ушк-, -онк- и др.) и прилагательных (-оньк-/ -еньк- и др.), увеличительные и усилительные суффиксы существительных (-уг-/ -юг-, -ин- и др.), глагольные конфиксы (из-...-ся, на-...-ся) и суффикс -ану-. Интересно, что экспрессивный лексический мотиватор тяготеет к сочетанию с нейтральным структурным: *балбес/ничать*, *разгильдяй/ничать*, и наоборот, нейтральный лексический – к сочетанию с экспрессивным структурным: *книж/онка*, *громад/ина*, *толк/ануть*, *шофер/юга*, *солдат/ня*, т. е. в производном экспрессивном слове чаще встречается сочетание разнотипных в плане экспрессивности мотиваторов. Два экспрессивных мотиватора возможны тоже. Так создаются единицы особо экспрессивные: *нахал/юга*, *сад/ануть*, *лив/ануть* (о дожде), *ис/таскать/ся*, *жмот/ина*, *банд/юг/ан*, *дур/ища* и т. п.

Обратим теперь внимание на производные экспрессивные слова, оба мотиватора которых нейтральны. Их лексическими мотиваторами чаще всего выступают имена существительные и глаголы, реже – прилагательные, обозначающие разнообразные конкретные предметы, действия, признаки. Экспрессивность мотивированной единицы основывается здесь на образности (конкретная предметность в широком смысле – благоприятное условие для развития образности). Потенциальная оценка, не чуждая любому конкретно-предметному слову как

лексической единице, имеющей эмпирический компонент лексического значения, также значима в отношении производности.

Типичное семантическое соотношение мотивированного экспрессивного и мотивирующего нейтрального слов состоит в том, что внутренняя форма экспрессивного слова не разъясняет его хотя бы отчасти, а лишь даёт более или менее ясный намёк на него. Это свойство не только экспрессивных производных, мотивировочные признаки нередко характеризуют качественную определённости предмета лишь косвенно, но для экспрессивных производных такая ситуация наиболее типична, ср.: *набарабанивать* (диал.) «избить» и *барабан*; *мордовать* (прост.) «бить, мучить, истязать» и *морда*.

Часто мотиватор даёт базу для образного сравнения мотивированного слова: *сковородеть* (диал.) «засыхать, затвердевать» – уподобляться сковороде по твердости, *завихаривать* (диал.) «быстро бежать, ехать, вообще делать что-нибудь быстро» – как вихрь, *козлиться* (диал.) «вести себя подобно козлу, козе» – сравнение отражено в словарной дефиниции.

Иногда семантическая мотивированность уже почти не прослеживается в современном производном слове. Например, просторечный глагол *костерить*, а также диалектные *накострячить* «наделать, натворить что-то» и *перекострячить* «перебить» почти не напоминают о своем лексическом мотиваторе *костра*, *костеря* «жёсткая часть стебля волокнистых растений (льна, конопли и т. п.), раздробляемая и отделяемая от волокна при мятье, трепании и т. п.». Между тем ассоциативное основание производности здесь, безусловно, есть. Костра – это грубая, жёсткая и потому непригодная для прядения, ненужная человеку часть полезного растения, то, что нужно отделить и выбросить. Этого достаточно, чтобы в значении слова *костра* сформировался потенциальный отрицательно-оценочный признак. Кроме того, отделить костру трудно, трепать лён – одна из самых тяжёлых крестьянских работ, которая в условиях ручного труда требовала больших затрат энергии, отсюда потенциальная сема интенсивности. На основании данных потенциальных сем слово *костра* и может служить мотиватором для производного *костерить* «сильно ругать, бранить». Обратим внимание, что данный глагол, как и приведенные выше диалектные однокорневые *накострячить*, *перекострячить* имеют разное денотативное значение, но одно и то же оценочное содержание.

В ряде случаев производный экспрессивный глагол, имеющий нейтральные языковые мотиваторы, содержит в своей внутренней форме даже не намёк, а настоящую загадку: *залимонить*, *запузырить*, «ударить», *ожабить* (диал.) «ударить», *натрезвониться* (диал.) «наесться до отвала», *усвистать* «быстро убежать». О.И. Блинова приводит аналогичные примеры: *присобачить* «приколотить, прибить», *раскупороситься* «разругаться», *тараканничать* «дурачиться, озор-

ничать», *усвистать* «запачкать» [Блинова 2007: 124]. Мотивировочный признак в современном слове отсутствует, хотя мотиватор в экспрессивном производном слове прочитывается, осознаётся очень легко. Назовём такую внутреннюю форму парадоксальной [Матвеева 1979б]. В производных экспрессивах с парадоксальной внутренней формой производящая основа, не имеющая, на современный взгляд, ничего общего с производной, создает сильный эффект необычности, который долго не сглаживается: производящее «торчит», не дает забыть себя в производном. Тем самым достигается сильное и длительное воздействие.

Создаётся впечатление, что исходное слово выбирается в качестве основы экспрессивной номинации наугад, с ориентацией на то, что чем дальше оно по семантике от необходимого для номинации смысла, тем лучше. У Х. Касареса находим описание следующего речевого процесса: «Вследствие внезапной ассоциации представлений или вследствие душевного возбуждения, заставляющего стремиться к особой экспрессивной насыщенности речи, возможно, просто ради комического эффекта или желания обратить на себя внимание говорящий отбрасывает общепринятое слово, которое вертится у него на языке, и заменяет его другим, употребленным в необычном для него значении» [Касарес 1958: 73–74]. Думается, что суть описанного явления имеет отношение и к рассматриваемому случаю, где взамен отброшенного нейтрального слова не используется готовое, а создаётся новое с установкой на необычность.

Трудно решить, существовала ли первоначально связь мотивированного таким образом слова с мотиватором (тогда парадоксальная внутренняя форма является результатом процесса забвения) или же с самого начала действовал в чистом виде «принцип необычности», столь важный для создания и функционирования экспрессивной лексической единицы. Вероятнее всего, такая связь существовала, проявлялась хотя бы в субъективном акте номинации, но затем утрачивалась в процессе функционирования, так как ассоциация была либо чересчур прихотливой, либо утратила свою основу в области реалий. Проиллюстрируем высказанное положение на диалектном экспрессивном глаголе *сарафанить* «бить». Мотиватор *сарафан* «род женского платья без рукавов» — типичная парадоксальная внутренняя форма. Тем не менее, можно попытаться проследить ассоциацию, приведшую к возникновению названного производного глагола.

Среди экспрессивных глаголов со значением «бить» хорошо известен просторечный глагол *дубасить*, восходящий к существительному *дуб* при ясном осознании нсего словообразовательного гнезда с этим корнем: *дуб*, *дубить*, *дубление*, *дубина*, *дубасить* и др. В это же словообразовательное гнездо входит знакомое многим говорам слово *дубас* 1. верхняя холщовая юбка; 2. любая одежда из грубого холста

(по данным уральских говоров); *дубас* «особого покроя сарафан из всякой грубой ткани (преимущественно из холста, крашенины)» [СРНГ, вып. 8: 232]. Мотивированность словом *дуб* производного *дубас* «сарафан» объясняется тем, что ткань для изготовления такой одежды окрашивали с помощью настоя дубовой или ивовой коры, а процесс окрашивания ткани походил на дубление кож. Таким образом, по смыслу и форме слово *дубас* связано с *дубасить* (оба производны от корневого существительного *дуб*), только по смыслу – со словом *сарафан* (*дубас* – род сарафана). Этого достаточно для того, чтобы появилась возможность для окказионального употребления слова *сарафанить* вместо *дубасить* с теми же эмоционально-оценочными характеристиками, но ещё более сильными за счёт необычности мотиватора. Поскольку экзотичность не противоречит, а напротив, соответствует статусу экспрессивной единицы языка, произвольный акт мотивации закрепляется в узусе. Появляется экспрессивный глагол *сарафанить* со значением «бить, лупить», образовавший в говорах Среднего Урала своё словообразовательное гнездо: *на-сарафанить* «побить», *присарафанить* «крепко приделать, прибить». Ассоциативная же связь со словами *дубасить*, *дубас* исчезла, так как техника окрашивания ткани корой дерева, а также реалия *дубас* «род сарафана» практически утрачены.

Таким образом, парадоксальная внутренняя форма складывается на базе типичного для производных экспрессивных слов выбора словесного мотиватора, имеющего самую косвенную отнесённость к обозначаемому явлению, и представляет собой следствие разрыва этой непрочной связи в результате действия внешних и собственно языковых причин. Установка на необычность, свойственная всей экспрессивной лексике, реализуется здесь наиболее полно. Этим и объясняется длительное функционирование экспрессивных слов с парадоксальной внутренней формой при неослабевающей силе экспрессивного воздействия.

Итак, при создании производного экспрессива действует всё тот же языковой механизм: мотивация осуществляется не через компонент денотативной семантики мотивирующей единицы, а через её оценочный потенциал и эмпирическое содержание. Иначе говоря, производная экспрессивная единица связана со своим лексическим мотиватором сложно выявляемой ассоциацией.

Когда такое слово создано, мы, как правило, осознаём ассоциативную связь достаточно легко, что отнюдь не указывает на простоту и лёгкость создания подобных единиц. Такого рода лексика отражает острый ум, наблюдательность, живое воображение народа – ведь в языке объективируются лишь самые интересные экспрессивные единицы, появляющиеся в речи. Это и бытовое наблюдение, в котором обозначаемое явление предстаёт в неожиданном ракурсе, и наблюде-

ния мировоззренческого характера. Народные говоры содержат интереснейший материал подобного рода. Так, глагол *караваниться* «чваниться» образован от существительного *караван* «чурбан, полено» и передаёт представление о характерной манере держаться, свойственной чванливому человеку, его в прямом смысле несгибаемости. Слово-мотиватор служит прекрасной базой для образного сравнения, которое звучит тем сильнее, что сравнивается живое с неживым.

Ещё любопытнее глагол *откадиться* «отделаться»: *Бутылкой откадятся, да и всё; Ну, он и откадился от золовки*. Данный глагол мотивирован глаголом *кадить*, обозначающим определённое ритуальное действие: «раскачивая в руке кадило, курить ладаном, ароматическими веществами (при исполнении религиозного обряда)». Поиски ассоциации, связывающей эти два явления, приводят к оценочной стороне мотивирующего: *кадить* — значит выполнять некое внешнее действие по отношению к существу дела, причём совершается это действие легко, почти без затраты усилий, отсюда и отрицательное отношение к нему. В экспрессивном глаголе находит выражение критичное отношение к религиозным обрядам, свойственное многим русским. Потенциальная оценочность мотиватора актуализируется в производном слове (аффиксы играют в нём строевую роль). Было бы интересно выявить в составе экспрессивной лексики такие единицы, характер мотивированности которых отражает мировоззренческие позиции русского народа. Пока что к слову *откадиться* мы можем добавить лишь одно подобное — *лоботряс*. В нём иронически воспроизводится процесс молитвы, сопровождающийся многочисленными поклонами — как трясение лба.

Критичность точки зрения — распространённое свойство экспрессивных слов. Чего стоит, например, глагол *скоммуниздить* «украсть», образованный от слова *коммунизм*. Данный глагол изобретён в девяностые годы 20-го века. Идея обобществления всех материальных ценностей, общего владения ими являлась одной из важнейших в теории коммунизма. Всё личное становилось общественным, соответственно, общественное поступало в распоряжение отдельной личности. Но отсюда недалеко и до присвоения общей собственности, что иронически и отражено в названном глаголе. Воровство в нём не столько осуждается, сколько ставится в сложнейший исторический контекст времени. Та же философия проявляется в просторечном существительном *несун* «тот, кто незаконно уносит с собой что-н. с производства, с работы». *Несун* — это *вор*, но *вор* особый: он присваивает небольшую (такую, что можно унести лично) часть общей собственности. В советское время данный социальный типаж получил широкое распространение, стал обычным. В народном сознании это проявление находилось на грани законности, слово *несун* (мн. *несуны*) образовано

как своеобразный эвфемизм слова *вор*. С изменением исторической обстановки слово *несун* оттеснено в разряд историзмов.

Таким образом, производные экспрессивные слова, созданные на базе нейтральных языковых единиц – это образные слова, важнейшим признаком которых является зрительность, «картинность» при обозначении того или иного явления. Образность – способ лингвистического обеспечения экспрессивности – помогает воспринимающему слово представить обозначаемое этим словом явление на базе других явлений, т. е. в более широком контексте действительности [Харченко 1976: 68].

Образная и экспрессивная лексика составляет большой и своеобразный разряд слов, подгруппы и закономерности которого требуют специального изучения. Например, заслуживает внимания вопрос о выявлении приемов экспрессивного снижения обозначаемого за счёт особенностей лексической мотивации. Один из таких приёмов – использование в качестве мотиватора нейтрального слова, указывающего на внешнюю, в том числе функциональную, сторону явления, обозначаемого производным словом (метонимическая модель): *моргалки*, *гляделки* «глаза», *зубатить* (диал.) «грубить», *лизун* «льстец, подхалим», *отпад* «выражение восторга». Труден вопрос об особенностях мотивировки сложных слов, очень яркого разряда образно-экспрессивной лексики, см.: *толстосум*, *ветрогон*, *вертихвостка*, *вздыморыльничать* (диал.) < *вздымать рыло* «зазнаваться», *косопорядничать* (диал.) «ходить из дома в дом и разносить сплетни» < *косою порядок*.

Другой приём связан с применением экспрессивной словообразовательной модели. Этот особый структурный мотиватор позволяет не только использовать готовые экспрессивные единицы, но и легко создавать подобные им на основе нужного по смыслу нейтрального слова. Одной из таких моделей является способ образования слов с помощью контактного повтора – удвоение, или редупликация. Как правило, в составе таких слов выделяется исходная опорная единица – редупликант и присоединяемый к ней компонент – редупликатор [Языки... 1980: 272]. По формально-семантическому соотношению этих компонентов различаются собственно повторы и парные слова. Компоненты повторов гомогенны (*темным-темно*, *крест-накрест*, *давай-давай*) или характеризуются немотивированным редупликатором (*чудо-юдо*, *танцы-шманцы*); парные слова имеют гетерогенные компоненты (*травушка-муравушка*). Сосредоточимся только на собственно повторах, различая повторы полные (*чуть-чуть*, *синий-синий*) и вариативные (*мало-мальски*, *рад-радёшенек*). В русском языке повторная лексическая единица лишь в редких случаях, причём на основе заимствования, используется в целях прямой номинации (*агар-агар*, *бери-бери*). Преимущественно же такие единицы связаны с эмо-

циогенными ситуациями и отражают субъективно-оценочную позицию говорящего, т.е. характеризуются экспрессивной функцией.

Количество повторных номинаций значительно. Только в одном толковом словаре русского литературного языка [ССРЛЯ] и только слов с корневым удвоением, оба компонента которых принадлежат одной и той же части речи (*еле-еле, светлый пресветлый, умница-разумница*) отмечено 133 таких лексемы [Голда 1986: 96]. В их числе существительные, прилагательные, глаголы, междометия, частицы. В русском языке действует несколько продуктивных моделей редупликации, иногда связанных рамками одной части речи. Для глагола характерен полный повтор (*думал-думал; бежит-бежит – не выбежит*), который создаёт эффект усиления, связанный со способами глагольного действия. Речевой эффект усиленного воздействия создаётся полным повтором форм повелительного наклонения: *работай-работай, подожди-подожди*. Для имён существительных более характерны вариативные повторы, редупликатор которых мотивирован редупликантом: *красавица-раскрасавица, горе-горюшко*. Аналогичной структурой характеризуются повторы-прилагательные и наречные повторы: *белый-пребелый, рад-радёхонек / радёшенек, пьяным-пьяна, крепко-накрепко, темным-темно*. Сфера употребления подобных единиц – это разговорная и художественная речь.

Наиболее общее для номинаций-повторов значение – это усиленность, интенсивность. Конкретизация этого значения зависит от семантики редупликанта. Его качественное значение усиливается посредством редупликации. Интенсифируется именно параметрический признак исходного слова, который составляет основу лексического значения некоторых качественных прилагательных и наречий (*сильно-пресильно, добрый-предобрый, давным-давно*). Дублирование параметрической семантики в свою очередь активизирует эмотивность лексической единицы.

Любопытно, как параметрическая экспрессивность в рамках редупликационной модели словообразования согласуется со структурными показателями. Чтобы подчеркнуть идею чрезмерности, преувеличивается и форма слова: оно повторяется ещё раз, полностью или с вариациями. Семантический компонент получает адекватное формальное выражение, модель в целом приобретает признаки оптимальности. Возможно, этим обусловлена продуктивность данной словообразовательной модели: в языке имеются сотни повторных наименований, в речевой же практике можно не только использовать готовые единицы, но и получать экспрессивный эффект на основе множества других лексем, в том числе обычно к экспрессивности отношения не имеющих. Например, с помощью полного контактного повтора можно передать уверенное утверждение, подчеркнуть, что сказанное обстоит

именно так: *Правда-правда, я это точно знаю; Он-он, не сомневайся; Хочешь-хочешь, ты же голодный* (разг. речь).

Обобщая наблюдения над особенностями мотивации экспрессивных слов по смыслу и форме, заметим, что здесь много общего с чисто семантической мотивированностью: в качестве мотивирующего признака служат потенциальные семы мотиватора, входящие в эмпирический компонент его значения. Конечно, это не единственный путь. Мотивировать производный экспрессив может и всё лексическое значение мотиватора в целом. Значительная группа производных экспрессивных слов развивает семантику имеющихся в языке экспрессивов в пределах той же части речи или осуществляет морфологический перевод экспрессива в другую часть речи. Экспрессивность здесь целиком принадлежит производящей основе, и о средствах ее специального выражения в производном слове говорить не приходится.

Некоторая часть экспрессивных слов не обладает выраженным средством экспрессивности: *жулик, мразь, башка, мазурик*, в говорах: *мичкать* «есть», *юкать* «бить, колотить, стучать», *баруздить* «шуметь», *башили* «деньги». Вероятно, преобладающая часть подобных слов была мотивированной на ранних этапах своего существования, например, *башка* < тюрк, *баш* «голова», *аллакать, арлакать* (диал.) «говорить невнятно или невразумительно» < тат. *алла* «бог», *ербеза* (диал.) «непоседа, егоза» < башк. *йор* «проворный» и *без* «шило» – «проворное шило». Нельзя утверждать, что это относится ко всем словам такого рода. Видимо, и в области экспрессивной лексики может действовать закон создания новых слов, первоначально самый распространённый, – создание особого фонемного комплекса, за которым закрепляется особое значение.

Всё же преобладающая часть экспрессивных существительных и глаголов – это мотивированные, причём специфически мотивированные слова. Специфика их мотивации, единая для всех трёх её видов, заключается, в конечном счете, в том, что типичной связью между мотивированным экспрессивом и его мотиватором является осложнено-ассоциативная связь, основанная на эмпирической семантике мотиватора, т. е. мотивирует не понятийная семантика, а сопутствующее представление, скрывающееся за понятийным значением конкретно-предметной лексической единицы. Мотивировочные связи рассматриваемого типа бывают настолько неявны, что определить их очень трудно. Почему, к примеру, действие «зарабатывать деньги, занимаясь извозом» [ТСА: 152] обозначается лексемой *бомбить*? В целом здесь подтверждается тезис А. И. Моисеева: «фактическое соотношение мотивации и значения таково, что не только и не столько значение узнается по мотивации, но (и даже в большей степени) мотивация определяется по значению» [Моисеев 1963: 123].

В отдельных случаях мотивированное и мотивирующее характеризуются полной семантической разобщённостью в современном русском языке, что создаёт семантический парадокс в мотивированном экспрессиве. Необычность мотивировки становится отдельным самостоятельным средством экспрессивности. Это явление по своей сути аналогично фонетической необычности, также характерной для экспрессивной лексики.

Использование актуальных сем мотиватора или всего лексического значения мотиватора в качестве мотивирующего признака встречается преимущественно в тех случаях, когда мотиватор – экспрессивная или звукосимволическая единица. В таких случаях либо значение мотивированного слова вбирает в себя значение мотиватора, так что не приходится говорить об отдельном средстве экспрессивности, – она заимствуется, либо возникает новое значение, в котором сохраняется оценочная семантика мотиватора.

Общая сущность всех словообразовательных средств экспрессивности заключается в реализации установки на контрастность, необычность, нестандартность экспрессивного слова на фоне нейтрального аналога или всего нейтрального лексического фонда. Степень отклонения от стандарта может быть большей или меньшей. Чем более необычно слово в плане мотивации, тем сильнее и длительнее его экспрессивное воздействие.

Таким образом, языковые средства лексической экспрессивности органично сочетаются с её сущностью. Отражение социальной аномалии достигается, в основном, за счёт языковой аномалии, осознаваемой на фоне нормативных лексических фактов, представленных нейтральной лексикой языка. Средства лексической экспрессивности черпаются при этом на любом из трёх уровней языка, характеризующих слово, взятое вне контекста, – фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом.

Итак, механизмами семантико-словообразовательного способа мотивации являются, во-первых, заимствование экспрессивности мотиватора; во-вторых, образность. Данный тип мотивации многообразен по средствам экспрессивности, в число которых входят: 1) специфическая внутренняя форма: а) экспрессивная, б) содержащая мотивировочный признак осложнённо-ассоциативного характера, в) парадоксальная, т. е. без мотивировочного признака в современном русском языке, 2) структурная экспрессивная мотивация: а) экспрессивные аффиксы, б) экспрессивные словообразовательные модели.

Глава 4

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ЭКСПРЕССИВНЫХ СЛОВ

Адекватное описание словарного состава языка предполагает, что будет описан не только нейтрально-номинативный лексический фонд, но и экспрессивная лексика. Пренебрежение экспрессивными словами лишило бы словарь языка многих ярких красок, и даже толковые словари-однотомники, а также двуязычные словари небольшого объёма не идут по этому пути. Однако лексикографическая интерпретация экспрессивного лексического материала пока что несовершенна. Широко известны такие недостатки, как неполнота и непоследовательность отражения экспрессивного фонда, неточность толкования значений, произвольность выбора эмоционально-оценочных словарных помет.

Отчасти причины такого положения состоят в объективных трудностях сбора и толкования экспрессивных слов. Будучи субъективно ориентированными, эти слова гораздо более контекстны, чем нейтрально-номинативные, а будучи извлечены из контекста, они во многих случаях неполнозначны. Это прежде всего относится к прагмам, семантическая изменчивость которых составляет их суть. Вторая трудность для семасиолога состоит в том, что в конкретных актах коммуникации экспрессивные слова реже нейтральных используются носителями языка, причём они характерны не для массовой, а для личной коммуникации и, следовательно, менее доступны для лингвистических наблюдений. Кроме того, экспрессивность слова может утрачиваться в процессе функционирования, и довольно быстро, что также осложняет картину. Но главное, нужна выработка общих лексикографических принципов описания экспрессивной лексики, к этому сейчас вплотную подошла теоретическая лексикография.

В семидесятые и восьмидесятые годы двадцатого века началась и продолжилась разработка способов и приёмов словарного описания отдельных групп экспрессивов или экспрессивного материала в целом [Черемисина 1976; Складаревская 1978; Сергеев 1983; Шаховский 1983а]. Тогда же созданы первые монографические исследования по данной проблеме: [Шаховский 1983б; Трипольская 1984]. Проблема отражения прагматического содержания слова в толковом словаре – предмет пристального внимания Ю.Д. Апресяна [Апресян 1986, 1988 и др.], Г.Н. Складаревской (1994, 1995). Исходным положением во всех этих трудах является понимание экспрессивного компонента (прагматического компонента, коннотации, квалификативного созначения)

как правомерной информативной части лексического значения, существенной при функционировании экспрессивного слова, а следовательно, требующей адекватного словарного описания.

Развитие лексикографической прагматики опирается на теорию структуры лексического значения, и в этом отношении нужно ещё раз оценить системно-семантический подход к значению слова, реализованный в трудах Н.А. Лукьяновой и В.Н. Телия. Проблема адекватного словарного отражения прагматической семантики разрабатывается и внедряется в словарную практику Г.Н. Складневской. Ею дано и определение прагматического компонента в толковом словаре: «это такой типизированный (социально закреплённый и единый для всех говорящих) элемент содержания лексического значения, который в типовых речевых актах символизирует отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения и к адресату» [Складневская 1995: 64]. На наш взгляд, в этом определении реализовано широкое понимание прагматики, тождественное экспрессивности (отношение говорящего к любому объекту неизбежно оценочно, точнее, субъективно-оценочно).

Попытаемся обобщить данные научной литературы о лексикографии экспрессивности и, в опоре на собственное семантическое исследование экспрессивной глагольной лексики в уральских говорах русского языка [Матвеева 1979а], описать перспективную модель словарного представления экспрессивной лексемы.

Начнём со сложного вопроса об отражении в толковом словаре связи экспрессивного слова с его семантическим мотиватором. Выше отмечалось, что экспрессивное слово – чаще всего мотивированное слово, причём семантический признак, связывающий мотивирующее и мотивированное, относится к скрытой семантике мотиватора. В.И. Шаховским высказано интересное предложение, суть которого сводится к тому, что в словарной статье слова-мотиватора необходимо эксплицировать те потенциальные семы, которые актуализируются в переносных значениях или экспрессивных словообразовательных дериватах, т. е. выделять в толковании их значения «коннотативную зону» [Шаховский 1983а]. Сейчас такую связь мы уясняем только из широкого общего контекста речевого пользования, включающего фольклорные произведения и художественную литературу, тогда как толковый словарь нам в этом отношении не помогает, см., к примеру, словарные толкования: *лиса* 1. хищное млекопитающее семейства псовых, с острой мордой и длинным пушистым хвостом, а также самка этого животного. 2. о хитром, лъстивом человеке; *дуб* 1. крупное лиственное дерево семейства буковых, с плотной древесиной, имеющее плоды – жёлуди», 2. (разг.) о нечутком, тупом человеке. В родном языке установление мотивировочной связи возможно и даже не за-

труднительно, но для человека, изучающего русский язык как неродной, такая задача может оказаться невыполнимой.

Сходным образом предлагает выделять особую прагматическую зону значения Г.Н. Складаревская. Эта зона должна содержать «типичные прагматические сведения о слове: особенности денотативных отношений, эмотивную оценку, типовую реализацию в речи и др. [Складаревская 1995: 71].

В соответствии со сформулированным выше предложением, параметрическая семантика, особенно в её крайних проявлениях, а также другие признаковые семы лексического значения должны найти отражение в словарных дефинициях не только переносных экспрессивных, но и нейтральных мотивирующих лексико-семантических вариантов многозначного слова. Экспликация мерного признака явления в лексикографическом описании прямого значения выявляет мотив переноса данного наименования в сферу экспрессивных номинаций, что существенно облегчает положение человека, изучающего русский язык, а также представляет интерес для носителя этого языка, ведь в данной сфере наблюдается большое число нетривиальных семантических связей.

Лексикографическое описание экспрессивных слов много выиграло бы от того, насколько толкование слова-мотиватора раскрывает эмоционально-оценочный потенциал последнего. Описание скрытой семантики мотиватора в его словарном толковании может быть отграничено специальными пометами: *кон.* (коннотация, коннотативный компонент) и *эмпир.* (эмпирический компонент). Помета *кон.* уместна, когда речь идет о признаках, устойчиво закреплённых за восприятием обозначаемого объекта: *лиса* (кон.) умное, хитрое животное; *эмпир.* – о признаках конкретно-физического характера, воспринимаемых органами чувств: *дуб* (эмпир.) лиственное дерево с очень твёрдой крепкой древесиной. Эти признаки могут, по умолчанию, отражаться и без помет занимая последнюю позицию в составе словарного толкования: *лиса* «хищное млекопитающее ... с красивым мехом и длинным пушистым хвостом, славится своей хитростью».

Данное предложение так и не внедрено. И в новейших толковых словарях коннотация мотиватора экспрессивного слова не выявляется, например: *лиса* 1. То же, что лисица; *лисица* 1. хищное млекопитающее семейства псовых, с острой мордой и длинным пушистым хвостом, а также мех его [ТСРЯ: 409]. Согласованность толкований прямого и переносного вторичного значений не отслеживается, иногда она проявлена, а иногда нет. Сравним, например, два словарных толкования в одном и том же издании – [ТСРЯ] (жирным шрифтом мною выделены обозначения мерных признаков. – Т.М.): *слон* 1. **Крупное**, с двумя **большими** бивнями хоботное млекопитающее тропических стран. *Африканский с. Индийский с.* – *С. в посудной лавке* (о

большом и нескладном человеке, оказавшемся в тесноте, среди ломких и хрупких вещей; разг. шутл.); *ишак* 1. Осёл и (обл.) лошак или мул. 2. Человек, безропотно выполняющий **самую тяжёлую** работу (прост.) *Сделали из парня ишака*. В первой словарной статье параметрический признак большой величины отражён и в мотиваторе и в мотивированном ЛСВ, а во второй признаковые потенциальные семы (к примеру: *ишак* «используется для выполнения трудоёмких работ») не отражены.

Конечно, следует отдавать себе отчёт в том, что реализовать данное предложение очень непросто. Во-первых, многие потенциальные семы с трудом поддаются вербализации, например, сформулировать мотивировочный признак экспрессива, скрытый в первичном ЛСВ слова *дуб* в двух-трёх словах не удаётся. Вероятно, впечатление производит неподатливость, трудности обработки этой очень твёрдой древесины, её устойчивость к внешнему воздействию. Во-вторых, введение «коннотативной зоны» в словарном толковании неэкспрессивных единиц может вызвать возражения по той причине, что оно увеличит объём словарной дефиниции, а в конечном итоге – объём всего словаря. Однако в любом случае данное предложение требует широкого обсуждения и проверки на различных группах экспрессивной лексики. При его реализации будет значительно усилена порождающая способность толкового словаря, а экспрессивное слово получит в нем не только свою историю (толкование значения), но в какой-то степени и предысторию.

Кстати сказать, внимание к соотношению мотивированного экспрессива с его мотиватором позволяет заметить перегруженность толкований однозначных слов и прямых значений многозначных лексических единиц энциклопедическими сведениями, которые не столь важны для функционирования слова, например: *овца* «небольшое домашнее животное сем. полорогих, дающее шерсть, мясо, молоко» [СРЯ-4]; «жвачное парнокопытное домашнее млекопитающее сем. полорогих с густой волнистой шерстью» [ТСРЯ]. В то же время компоненты, важные для развития субъективно-оценочных сдвигов значения (например: стадное животное, не агрессивное по поведению), в этих толкованиях не отражены. Аналогично: *лев* «крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих, с короткой желтоватой шерстью и пышной гривой у самцов» [СРЯ-4]. Опущена такая значимая эмпирическая черта, как организация жизни этих животных в виде прайдов: львиных семей, состоящих из одного главенствующего самца, нескольких самок и детёнышей. Именно этот признак вызвал к жизни переносное значение слова *лев* (ирон.) «о мужчине, законодателе мод и светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин».

Перейдём к лексикографической интерпретации непосредственно экспрессивного слова. Способы толкований, принятые в толковых

словарях, едины для всех разрядов лексики, это описательное, синонимическое и смешанное (совмещающее в себе первые два) толкования. Упорядочить выбор того или иного из них можно, определив уровень обобщённости экспрессива по его денотативной семантике. Эталоном для сравнения может служить базовая лексическая единица лексико-семантической группы, носитель категориально-лексической семы всей ЛСГ. На основании сравнения все экспрессивы можно разбить на три группы: 1) с денотативным значением шире категориально-лексического значения отдельной ЛСГ; 2) с денотативным значением, равным категориально-лексическому значению определенной ЛСГ; 3) с денотативным значением, более узким, чем категориально-лексическое значение определенной ЛСГ.

Для экспрессивов первой группы единственно возможным является описательное толкование на базе лексических единиц предельной обобщающей силы: *делать, совершать действие, предмет, то, нечто* и др. При этом используется «номинативное» построение словарного толкования – с включением начальной формы опорной единицы толкования (*наяривать* «с азартом, с особым усердием *делать* что-л.», *дурак* «глупый, тупой **человек**») и толкование-перифраза (*жарить* «употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т. п.»). Указательные перифразы удобны, особенно когда они компактно оформлены, ср. вариант перифрастического толкования того же глагола: *жарить* «употребляется для обозначения быстрых, энергических действий [СО].

Вопрос о предпочтении в конкретном случае номинативного или перифрастического описательного толкования пока остается открытым. Заслуживает внимания мнение Т.А. Трипольской, предлагающей шире использовать формулы, которые вводятся предлогом *о* (*о человеке, который...; о том, кто...* и т. п.) [1984, с. 151—152]. Они удобны в толковании переносных ЛСВ, когда важно подчеркнуть именно факт переноса значения из одной семантической сферы в другую: *о человеке*, а не *о животном*, *о предмете*. Если же описывается производный экспрессив (словообразовательный дериват) или непродводная экспрессивная единица, нет нужды специально оговаривать отнесённость к лицу, предмету.

Еще одна деталь: если экспрессив даёт общую оценку обозначаемого, то описание его квалификативной, характеризующей семантики располагается в толковании после предметно-номинативной части; если же экспрессив характеризует обозначаемое по определенному параметру, то квалификативная часть описания предшествует номинативной, ср.: 1) *барахло* «о ком.-л., чём-л. плохом, дрянном», *дрянь* «о ком.-л., чём-л. плохом, скверном», *муть* «о чём-н. неясном, однообразном, нудном»; 2) *дубина* «о высоком, долговязом человеке»,

гусь «о ненадёжном или плутоватом человеке». Смысловым центром толкования являются семантические конкретизаторы.

Вторая группа экспрессивов – с денотативной семантикой, по объёму равной категориально-лексической семантике – наиболее велика по объёму. При этом соотношении экспрессив, в семантике которого содержится та или иная характеристика денотата, может иметь нейтральный языковой синоним (*дурак* – *глупец*) и не иметь его (*верзила* – очень высокий человек). Вторая ситуация встречается чаще. Данное явление не связано, видимо, с тем, что экспрессивная лексика членит определенную сферу действительности более подробно, чем нейтральная. Экспрессивная лексика связана почти исключительно с областью обычных житейских проблем и отношений, отражённой в языке максимально полно. Скорее всего, однословных нейтральных соответствий экспрессивным единицам не находится потому, что экспрессивы передают такие смыслы, которые не могут быть адекватно переданы нейтральным словом. Здесь сказывается экономичность языка: нейтральное слово было бы избыточно. Отсутствие однословных обозначений чрезмерного явления не затрудняет общения, так как говорящий, не желающий прибегать к экспрессивному способу выражения, всегда может построить описательный оборот, а кроме того, для обозначения наиболее существенных в человеческом общении понятий нейтральные оценочные слова в русском языке имеются (*хитрец*, *скупой*, *воровать*, *обманывать* и т. п.).

Словарное толкование названной экспрессивов рассматриваемого типа, как правило, строится по описательному способу: *вкалывать* «работать с большим напряжением, долго и много», *дурить* «совершать нелепые, сумасбродные поступки». В ряде случаев используется толкование смешанного типа: *балаболить* «говорить пустяки, болтать», где первая часть строится на основе базовой единицы ЛСГ (*говорить*), а вторая, дополнительная, включает в себя нейтральный однословный синоним экспрессива. При наличии такого синонима в языке подобное построение словарного толкования представляется наиболее точным.

Для третьей группы экспрессивов – с более узкой денотативной семантикой по сравнению с категориально-лексическим значением ЛСГ – возможны те же способы толкования, как и для предыдущей, но здесь вес синонимических толкований увеличивается. Упорядоченности в структуре наличных словарных дефиниций не наблюдается, ср.: *брехать* «врать, говорить вздор», *заливать* «лгать», *сочинять* «лгать, врать», *травить* «в языке моряков: врать».

Ещё одна проблема лексикографии экспрессивного слова касается включения в словарное толкование стилистически маркированных единиц. Толковые словари русского языка содержат такой материал, хотя используется он непоследовательно, ср.: *стибрить* «ста-

щить, украсть»; *слямзить* «стащить, украсть»; *стырить* «украсть». Просторечные единицы то объясняются с участием разговорной (*стащить*), то без неё. Использование разговорных слов в составе словарного толкования экспрессивного слова не обязательно, но за счёт их использования лексическое значение экспрессива существенно уточняется по коннотации, поэтому данный приём не вызывает возражений. При этом желательно его упорядоченное применение, а также осмысление позиции стилистически окрашенной единицы толкования на пространстве словарной статьи. Место стилистически окрашенного синонима – в постпозиции по отношению к нейтральному: *околпачить* «обмануть, **одурачить**».

Что касается диалектных словарей, то применительно к ним вопрос заслуживает особого разговора. В «Словаре русских говоров Среднего Урала» [СРГСУ] разговорные и просторечные слова иногда используются в качестве единиц словарного толкования экспрессивных слов, иногда единственных (ниже выделены жирным шрифтом): *кыриться* «**возиться**», *притараниться* «прийти, **притащиться**», *нюхтить* «сердиться, **дуться**», *егошиться* «**копошиться, копать**ся, суетиться, занимаясь мелкими делами», *втетериться* «попасть в неприятное положение, **влипнуть**», *сошляпничать* «просмотреть, **опростоволоситься**». На наш взгляд, двусоставная организация словарной статьи наиболее адекватна. Диалектные словари имеют широкий адрес, а почувствовать выразительность диалектного экспрессива через особенности его мотивировки горожанин может далеко не всегда. Нейтрально-номинативное слово или словосочетание, составляющие основную часть словарной дефиниции, объективно передадут значение диалектного экспрессива, а литературно-разговорный или просторечный выразительный эквивалент наглядно выразят ведущую для экспрессивного слова коннотативную семантику. Таким образом можно передать не только букву, но и дух экспрессивного слова, что немаловажно для человека, воспринимающего это слово впервые с помощью словаря.

Разумеется, нужна большая осторожность и чётко выработанная методика использования данного приёма. Выскажем некоторые замечания, касающиеся методической стороны внедрения стилистически маркированной лексики в словарную дефиницию диалектного словаря, предварительно оговорив, что в состав словарного толкования может быть введена только широко распространённая, общеизвестная разговорная или просторечная единица. Использование в этой роли жаргонных, устаревших, грубопросторечных слов неуместно.

Первым показанием к использованию этого приёма является точное совпадение всей понятийной семантики экспрессива (т. е. его денотативного компонента и параметрически-оценочного компонента коннотации) и семантики стилистически маркированной единицы

толкования. Малейшая приблизительность говорит о необходимости отказа от использования таких единиц, например, толкование глагола *аллакать* «говорить невнятно или невразумительно» не позволяет использовать дополнительно разговорное толкование *балаболить*, так как последнее означает несколько иное понятие: «говорить пустяки, болтать».

Второе замечание касается соотношения объективно-логической и субъективно-оценочной частей толкования. В составе словарной дефиниции при использовании в ней стилистически маркированных единиц образуется две части – нейтрально-номинативная, в логическом плане основная, и стилистически окрашенная, логически дополнительная. Эти две части должны быть идентичны по объёму понятийной семантики. С учётом данного правила, глагол *балакать* толкуется как «говорить, болтать», но *болтать* (разг.) означает «вести лёгкий, непринуждённый разговор; разговаривать о чём-л. незначительном, несерьёзном». Уточнение словарной дефиниции можно представить так: *балакать* «говорить, разговаривать, в том числе о чём-л. несерьёзном, болтать» или «вести лёгкий непринуждённый разговор, болтать».

Всё вышесказанное имело отношение к отражению понятийной части лексического значения экспрессива (его денотативного значения и параметрических сем коннотации). Эмоционально-оценочный компонент лексического значения экспрессива в толковых словарях традиционно фиксируется с помощью специальных помет. Изредка, при условии ядерного статуса эмотивного компонента, сведения об эмоциональном содержании слова вводятся в состав дефиниции: *лапушка* (разг.) «ласковое обращение». Относительно стилистических помет ещё раз отметим многократно разобранные в научной литературе разночтения словарей, несовпадающий набор эмоционально-оценочных слов в разных словарях, в некоторых случаях нечёткие грани между понятиями, лежащими в основе словарных помет (на каком основании, например, пренебрежительная эмоциональная оценка отграничивается от презрительной оценки?)

Общепринятый набор специальных помет эмоционально-оценочного содержания включает в себя семантическую помету *перен.* – переносное (*Лиса* 2. (перен.) о хитром, лъстивом человеке) и набор стилистических помет: *неодобр.*(ительное), *пренебр.*(ежительное), *презр.*(ительное), *груб.*(ое), *ирон.*(ическое), *фам.*(ильярное) – пометы, указывающие на отрицательную эмоциональную оценку; *ласк.*(овое), *уваж.*(ительное), *почтит.*(ельное), *высок.*(ое) – на положительную эмоциональную оценку: *прохлопать* (прост. неодобр.) «упустить по рассеянности, невниманию»; *дружок* (ласк.-фам.); *нюнить* (пренебр.). О составе и соотношении этих помет в научной литературе ведется длительная дискуссия, в ходе которой

неоднократно предлагались варианты их упорядоченного использования. Все они мало результативны, и показания разных толковых словарей по эмоционально-оценочной характеристике экспрессивных слов продолжают значительно расходиться, ср., например, небольшую выборку: *бабник*: прост, неодобр. [СО, ТСРЯ], разг., презр. [СРЯ-4]; *балаболка* (о человеке): прост, пренебр. [СО], перен. [СРЯ-4], разг. [ТСРЯ], *брехун*: прост. [СО, ТСРЯ], прост, пренебр. [СРЯ-4]); *буквоед*: пренебр. [СО, ТСРЯ] ирон. [СРЯ-4].

Рассчитывать на достижение единообразия в данной сфере невозможно. Субъективность предлагаемых интерпретаций эмоционально-оценочного содержания экспрессивных слов, на наш взгляд, предрешена объективно. Дело не в том, что словари дают неправильную интерпретацию эмоционально-оценочного значения слова, а в том, что они дают частные характеристики этого плана, основываясь на конкретном речевом материале. Но языковое слово, как доказывалось выше, имеет эмоционально-оценочный компонент, характеризованный семантической диффузностью и собственной многозначностью, которая разрешается только в конкретном контексте. При этом семантических вариантов значения так много, что идти по пути их перечисления практически бессмысленно: словарная статья расширится по объёму за допустимые пределы, а сознание всё равно будет пытаться обобщить частные значения вариантов. Добиться адекватного лексикографического описания эмоционально-оценочных признаков языкового экспрессива можно, видимо, лишь изменив подход к проблеме в целом см.: [Трипольская 1984: 160–169].

Т. А. Трипольская предлагает для этих целей разбить имеющиеся стилистические пометы на две категории. К первой из них отойдут обобщённые пометы, в качестве родовых предлагаются *неодобр.* и *одобр.* (неодобрительное и одобрительное). Вторую категорию – видовых терминов – составят конкретные эмоциональные пометы: *презр.*(ительное), *пренебр.*(ежительное), *груб*(ое), *фам.*(ильярное), *ласк.*(овое), и др. Они должны использоваться применительно к экспрессивному слову, взятому в конкретном контексте, т. е. сопровождать иллюстрации, включенные в словарную статью. Хорошо отобранный иллюстративный материал должен показать небольшой набор конкретных проявлений отрицательной, положительной либо разнообразной субъективной оценки на эмоциональном основании. Организованное таким образом словарное толкование станет гораздо более объективным, чем ныне принятое. Приведём образцы словарных статей, составленные Т. А. Трипольской по предложенной ею схеме.

Лопух, м. 1. Репейник, а также широкий лист его.

2.(Перен.) О непрактичном, безобидном, нерешительном, всё делающем невпопад или недалёком, глуповатом человеке (*неодобр.*

разг.) – ... а родители ничего не поняли. Впрочем, они всё-таки были лопухи. Замороченные своими делами, добрые, порядочные лопухи (сочувств.-пренебр.) (Ю. Трифонов); Его принимали за ловчицу, очень изобретательного, который успешно и стремительно делал карьеру: он в бюро, в комитете, там, сям, и лучших девиц сразу взял на крючок. А на самом-то деле он был лопух, зауряднейший лопух (ирон.) (Ю. Трифонов); – Просто он лопух! Мне бы кто-нибудь так сказал, хоть брат, хоть сват, он бы у меня утёрся (презр.-пренебр.) (А. Адамов); – Тыловая гусятина! Лопух злокачественный! Неприязнь к нему разбирала меня: этот идиот всё ещё не понимал, что и Пашу, и его самого сейчас будут убивать (крайне неодобр.) (В. Богомолов).

Министр, м. 1. Член правительства, возглавляющий министерство. 2. (Перен.) Об умном, все знающем, выдающихся способностей человеке. (одобр. разг.) – Спрашиваю его: куда отсюда поедешь? – К «министру», — говорит. Это он тебя министром называет. Да и подлинно – министр! (восхищ.) (М. Салтыков-Щедрин). 3. (Перен.) О том, кто слишком важничает, высокомерном, надменном человеке. (Неодобр. разг.) – Ты его видел? – Где там! Секретарша его объяснила, как он занят. Прямо министр стал, с мелкой сошкой не знается (ирон.) (разг. речь).

Пижон, м. Человек, стремящийся выделиться среди окружающих не в меру модной одеждой, высокомерным, вызывающим поведением, высказываниями, претендующими на оригинальность; пустой, недалёкий; позёр, сноб. (Неодобр. разг.) – Одним из последних появился Турин в роскошном костюме, массивных очках. Пижон, гуманитарщик, кабинетный философ из молодых, но никак не геолог (ирон.) (О. Куваев); Мишка в своем деле гений! – скажешь тоже. Ты смотри, какую он продажу устраивает (о цирковом номере). Пижон он, а не гений (неодобр.) (В. Драгунский); Вот пижоны, скажет читатель, были в ста километрах от Ниагары и не заехали (насм.-ирон.) (В. Песков, Б. Стрельников); Я этого пижона Борзятникова скоро возненавижу, кажется. Бессодержательный, как пустая бутылка (крайне неодобр.) (В. Шишков); – Этого Гогу мы тоже знаем: так, мелочь, пижон, но связи имеет (презр.-пренебр.) (А. Адамов).

На данном материале продемонстрирован системный подход к экспрессивно-стилистической квалификации слова. Последовательно используется методически правильный ход от общего к частному, логически выверена двухступенчатая характеристика экспрессива. Набор стилистических помет, представленный в иллюстративной части словарной статьи, создаёт представление о диапазоне субъективных оценок, связанных с данным словом.

Вызывают возражение лишь предложенные родовые термины. Они не представляются удачными, так как традиционно за понятиями одобрения и неодобрения скрывается неявно выраженная, неинтен-

сивная, смягчённая субъективная оценка. Это градуально слабые слова на шкале эмоций. На наш взгляд, в качестве терминов, с помощью которых будет квалифицироваться экспрессивное слово как внеконтекстная единица, предпочтительнее термины и соответствующие им словарные пометы *отриц. эмоц.-оцен.* (выражает отрицательную эмоциональную оценку) и *полож. эмоц.-оцен.* (выражает положительную эмоциональную оценку); отсутствие знака оценки (помета *эмоц.-оцен.*) означает, что данное слово способно использоваться для выражения обоих типов оценки. Заметным недостатком данных терминов является их громоздкость. Желая избежать этого, в качестве родовых классификаторов можно предложить относительно употребительные в экспрессиологии термины *мелиоративное* (положительно-оценочное) и *пейоративное* (отрицательно-оценочное), а эмоциональную амбивалентность обозначать термином *эмотивное*.

Тогда структура словарной статьи будет выглядеть примерно так:

Овца, ж. 1. Жвачное парнокопытное домашнее млекопитающее среднего размера, дающее шерсть, мясо, молоко. Стадное животное, инстинктивно подчиняющееся вожаку. В христианстве овцы олицетворяют паству Христа. 2. (Перен., пейорат.) О покорном, безвольном, зависимом от других человеке: *Куда стадо, туда и овца* (пренебр.); *Молодец среди овец, а среди молодца и сам овца* (презрит.); Сам овца (ирон.) (название книги А. Макаревича); *Тот овца, кто на овцу отзывается* (разг. возмущ.); *Не будь овцой* (разг., укор.); *Закрой рот, овца!* (разг. презрит.); *Ты самая настоящая овца* (разг. неодобр.).

В заключение ещё раз следует заметить, что пересмотр основных лексикографических позиций по отношению к экспрессивной лексике, затрагивает не только собственно экспрессивный фонд, но и нейтральный лексический состав языка. Координация экспрессивных лексических единиц и нейтральных языковых мотиваторов этих единиц осуществляется несколькими способами: за счёт выявления «коннотативной зоны» мотивирующих единиц; за счёт лексикографической фиксации компаративных употреблений нейтральных слов (*Позвали, он и пошёл, как овца*), которые «аккумулируют» их образное содержание и представляют собой переходный этап к формированию экспрессивных единиц языка; за счёт отбора разнообразных в экспрессивном отношении контекстов для словарных иллюстраций.

Лексикография экспрессивной лексики в значительной степени определяется методами изучения экспрессивов. М.И. Черемисина писала: «... применительно к экспрессивному фонду в целом нужно думать о фундаментальном изменении методов исследования» [Черемисина 1979: 11]. В результате такого подхода на первое место выдвигаются методы психолингвистические, а в их числе – ассоциативный эксперимент. Психологические основы ассоциаций аналогичны се-

мантическим компонентам значения [Леонтьев 1977: 10], последние имеют психологическую природу. В высшей степени это относится к лексическому прагматикону, и семантика экспрессивного в наибольшей степени проявляется с помощью экспериментальных данных.

Наиболее информативным оказывается анкетирование носителей языка. Так, О.А. Рыжкина опубликовала результат эксперимента, направленного на уяснение показаний языкового сознания, по поводу экспрессива *мымра* [Рыжкина 1979]. В [СО] и [ТСРЯ] читаем: *мымра* (прост., пренебр.) «скучный, мрачный и неинтересный человек». В [ССРЛЯ] фиксируется сема «вялый», в [СРЯ-4] сема «угрюмый». Анкета О.А. Рыжкиной включала в себя вопрос: «Какого человека (муж., жен.) и за что Вы назвали бы мымрой?» Результатом анкетирования являются следующие сведения: 1) характеристика *мымра* направлена на лицо женского пола; 2) общая семантика экспрессива: «крайне неприятный для окружающих тип женщины»; 3) частные значения: «недоброжелательная, мрачная, ворчливая, вредная, сердитая» (24% от общего числа ответов, «сухая, чопорная, строгих правил, ханжа, бессердечная, не способная понять других» (15%), «неприятная внешне и внутренне» (15%), «злая, ехидная» (14%) и др.

Анализируя этот материал, автор анкеты отмечает связь между непривлекательностью внешней и внутренней, причём внешняя непривлекательность понимается по-разному [Рыжкина 1979: 51–52]. Сравнение полученных данных с дефинициями толковых словарей делает очевидным факт прагматичности содержания лексического значения данного слова. Оно акцентирует идею отношения к человеку, фиксирует не столько свойства обозначаемого лица, сколько впечатление, которое это лицо производит на говорящего. Словарное определение, построенное на психолингвистических данных, безусловно, много богаче и полнокровнее традиционного.

Ассоциативная лексикография набирает силу [Гольдин 2008], метод анкетирования применяется, и новые подходы уже реализуются, хотя словаря русской экспрессивной лексики, сделанного на основе трёх источников (имеющихся дефиниций данного слова в толковых словарях; контекстов данного слова и текстов с его значимым присутствием; а главное, психолингвистических данных) пока ещё нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая лексическая экспрессивность, понимаемая как закреплённое в слове выражение субъективной позиции личности, представляет собой поликомпонентную семантическую категорию. В составе лексической экспрессивности наиболее значимы компоненты двух типов: семы параметрической оценки и эмоциональной оценки. Вместе они составляют основу субъективно-оценочного содержания экспрессивного слова.

Природа названных компонентов различна. Параметрически-оценочные компоненты понятийны, как и денотативное созначение, это оценка-мысль, направленная на превышение обозначаемой меры явления. Внутреннее деление параметрических оценок на количественные и качественные отражает структуру содержания категории меры.

Ключ к пониманию параметрической экспрессивности мы видим в философской категории меры, неотъемлемо связанной с категорией нормы (усреднённой меры) явления. В отличие от понятия «языковая норма» можно назвать её эмпирической, а при номинировании социальных процессов и явлений – социальной нормой). Система таких норм отражает коллективный опыт народа в познании мира и не может не отражаться в языке, прежде всего в его лексике.

Эмоциональная оценка, в соответствии с термином, представляет собой оценку-чувство. Эмотивные (эмоционально-оценочные) компоненты значения могут быть независимы от параметрических или же возникать под влиянием последних. Наиболее типичное проявление экспрессивной семантики заключается в таком сочетании обоих компонентов, при котором параметрическая оценка составляет понятийную базу эмоциональной. В более редких случаях коннотация исчерпывается одним эмоционально-оценочным компонентом. Доминантная роль в лексическом значении экспрессивной лексической единицы всегда принадлежит эмотивному компоненту.

Кроме того, к экспрессивности не безразлична вся лексика, обладающая теми или иными функциональными ограничениями. Экстралингвистические по своей природе, функционально-стилевые приращения, социальные окраски, культурно-фоновые добавочные созначения сами по себе не экспрессивны, но любое использование слов с такими компонентами коннотации за пределами закреплённой за ними сферы употребления влечёт за собой актуализацию их выразительного потенциала. Обыгрывание функциональной инородности

слова рождает собственно экспрессивные краски высказывания. Таким образом, все слова с функционально-стилевой окраской, как и слова, диахронически ограниченные в употреблении, а также слова, функционирующие в социально ограниченной среде носителей языка, имеют опосредованное отношение к экспрессивности.

Особое положение в структуре лексического значения занимает компонент образности. Различая образность как способ образования производного слова и как семантический компонент коннотации производных слов, следует ввести понятие 'живая образность', наделяя компонентным характером именно его. Сугубо номинативная роль процесса создания нового слова языка с помощью переноса лексического значения или иной опоры на уже существующие единицы языка приводит к быстрой утрате первоначальной образности как выразительного компонента лексического значения. При условии целенаправленного создания образных слов как параллельных слов-прагмем, экспрессивных синонимов уже имеющихся дескриптивных слов, живая (т.е. воспринимаемая современными носителями языка) образность является компонентом экспрессивности.

Нейтральный лексический фонд, составляющий объективно-логическую основу языка, самодостаточен, он способен отразить как нормативные, так и ненормативные в социальном плане явления (отдельными словами или описательно). Экспрессивные слова сосредоточены на тех участках языковой лексической системы, которые отражают предметы и действия, представляющие собой отклонения от эмпирической и социальной нормы (по частным параметрам или в целом). Эмоциональная экспрессивность без параметрических оценок лежит в основе слов с однокомпонентной эмоционально-оценочной коннотацией, которые являются готовым языковым средством для выражения индивидуально-субъективных смыслов и составляют ядерную часть лексического поля эмотивности в русском языке. «Чистые эмотивы» (грубая бранная лексика на пейоративном плече шкалы эмоций и ласковые обращения на мелиоративном плече) являются собственно прагмемами, т.е. словами, которые непосредственно отражают взаимоотношения людей и характеризуются несущественностью денотативного компонента значения. Последний при функционировании слова играет семантически фоновую роль.

Тематическая классификация экспрессивных слов выявляет антропоцентрическое устройство экспрессивного фонда (наибольшее внимание уделяется человеку, затем сфере его деятельности и только в третью очередь – тем сферам реальной действительности, которые существуют независимо от человека). В то же время экспрессивный лексический фонд универсален, т.е. достаточен для того, чтобы обеспечить возможность экспрессивного обозначения любого явления действительности, в том числе лексически не номинированного. Лек-

сические единицы с конкретным оценочным значением, составляющие основной массив экспрессивной лексики, в русском языке дополняются относительно небольшой группой слов общей оценки, тематическая отнесённость которых безгранична.

Средства лексической экспрессивности разнообразны. Материально они связаны с разными уровнями языковой системы: фонетическим (для экспрессивной лексики характерны звуко-символизм, редкие в русском языке звуко-сочетания, повторы звуков и звуко-сочетаний), лексико-семантическим (в экспрессивном слове актуализируется скрытая семантика мотивирующего ЛСВ многозначного слова, в первую очередь, семы эмпирического содержания), морфологическим (экспрессивность может создаваться с помощью экспрессивных аффиксов, специфической внутренней формы, редких словообразовательных моделей). Все эти средства объединены признаком языковой аномалии – контрастности, остроты, неожиданности по отношению к нейтральному аналогу или всему корпусу дескриптивной лексики. Отклонение от этого правила говорит, по большей части, лишь о предметной экспрессивности слова: его производности на базе аналогичной экспрессивной единицы.

С течением времени средство экспрессивности может перестать распознаваться, тогда для фонетически обычного слова современного русского языка приходится констатировать отсутствие выраженных показателей экспрессивности. Нельзя также отрицать возможности того, что экспрессивность могла изначально приписываться слову как звуковому комплексу, хотя выявление таких лексических единиц вряд ли возможно.

Для экспрессивных слов характерно явление межуровневой компенсации. Оно заключается в том, что аномалия экспрессива в области одного уровня компенсируется строгой нормативностью этого слова в отношении других его уровнейых характеристик, например, парадоксальная внутренняя форма уравнивается нейтральностью и общеупотребительностью словообразовательных аффиксов экспрессива, фонетические «компоненты необычности» – понятийным тождеством экспрессива и его нейтрального синонима. За счёт явления межуровневой компенсации достигается языковое равновесие экспрессивного слова, его необычность не доходит до абсурда, слово остаётся незатруднительным для применения, несмотря на его своеобразность.

Последовательная теоретическая интерпретация экспрессивной лексики в аспектах структуры лексического значения, тематического своеобразия, средств выражения экспрессивности важна для совершенствования лексикографического описания экспрессивных слов. Реализация таких описаний в большинстве толковых словарей современного русского языка в настоящее время перестаёт удовлетворять

специалистов. Условием более строго и чёткого толкования экспрессивных слов является опора на экстралингвистические показатели, круг ассоциаций, системно-семантические связи экспрессивов. Новые предложения, касающиеся словарного описания экспрессивных слов связаны с изменением существующих методик. Основным теоретическим ориентиром при этом служит тезис о прагматической производности мотивированного экспрессива от его мотиватора (производящего члена словообразовательной пары или первичного значения многозначного слова), что влечёт за собой необходимость вводить описание оценочной (прагматической) зоны мотивирующих единиц в толковом словаре.

Уточнение эмотивной квалификации экспрессивных слов может быть достигнуто путём их системной родо-видовой квалификации с помощью специальных помет. Родовые пометы-квалификаторы *пейорат.*(ивное) и *мелиор.*(ативное) предлагается применять в составе дефинитивной части словарной статьи; видовые (*груб.*, *презр.*, *ласк.* и др. традиционные пометы толкового словаря) – в составе её иллюстративной части. Двухступенчатая характеристика эмотивного сознания оставляет открытой возможность фиксировать новые видовые проявления эмотивности.

Постоянно обновляемый фонд экспрессивной лексики современного русского языка содержит в себе массу знаний о специфике русского мира и психологии русского человека. Семантическая, прагматическая, лексикографическая систематизация этого фонда продолжается.

ЭТЮДЫ ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

1.

Полнозначные слова в роли интенсификатора

Экспрессивное слово наиболее полно выражает свои свойства в аналогичном контексте, поддерживающем и усиливающим эмоционально-оценочное содержание выразительной лексической единицы. Такой «отзывчивый контекст» – контекст-мнение [Лукьянова 1986: 172] – явственно выражает субъективную модальность, передаёт сообщение о некотором предмете речи в определённой эмоционально-оценочной тональности.

Контекст вообще и контекст-мнение в частности может рассматриваться как особая семантическая единица, которая участвует в порождении более крупных смыслов наряду со значением слова и грамматической формы [Стернин 1985: 105–106]. Роль контекста тем более велика, что вне его, в изолированном виде слово и словоформа ещё не соотносятся с конкретным явлением действительности и субъективно-модальной интерпретацией этого явления. Экспрессивный контекст характеризуется семантической двуплановостью и заведомо предполагает наличие субъективно-модального плана.

В опоре на приведённые положения рассмотрим один из типов минимального контекста экспрессивных обозначений лица, связанный с распространением экспрессива в рамках словосочетания, а именно определительные словосочетания с экспрессивным существительным в роли опорного компонента и полнозначным прилагательным в роли зависимого компонента. Образованная таким образом структура относительно устойчива и фактически сближается с фразеологическим сочетанием. В данных именных словосочетаниях обратим преимущественное внимание на семантическую специфику определений, а также на целостную семантику такого словосочетания. В качестве материала на равных основаниях использованы единицы разных вариантов национального русского языка: литературные, просторечные, диалектные, жаргонные.

По статусу системных единиц избранный нами тип словосочетания занимает промежуточное положение между свободными сочетаниями и фразеологизмами. Условием включения сочетания в число анализируемых принималось свободное

функционирование опорного структурного компонента – экспрессивного существительного, тогда как зависимый компонент может характеризоваться и свободным, и связанным значением, ср.: *гад ползучий*, *баран безмозглый* и *дубина стоеросовая*, *чучело гороховое*, *голь перекатная*. В целом названную группу словосочетаний в структурном отношении можно отнести к клишированным конструкциям с постпозицией зависимого члена предложения, причём постпозиция определения не связана с типичной для субстантивных словосочетаний актуализацией прилагательного при развитии текстовых смыслов формы [АГ-70: 620]. Каждое из данных сочетаний остаётся единым замкнутым комплексом, занимающим одну синтаксическую позицию (обычно предиката с характеризующим значением). В то же время постпозиция определения выступает как тенденция речевого пользования, но не единственно возможный вариант сочетаемости: для некоторых единиц анализа возможно также, хотя и в меньшей степени, препозитивное положение определения: *отпетый бандит*, *набитый дурак*, *кисейная барышня*, *старый чёрт* и др.

Контекст экспрессивных обозначений лица (*баран*, *бревно*, *дурак*, *пень*, *пугало*, *скотина*, *тварь* и т.п.) составляют исконные прилагательные и причастия с оценочным либо дескриптивным значением. Оценочные определения, распространяющие опорный субстантив, практически без исключений связаны с явлением лексического повтора – семантической редупликации. Семантика определяемого-редупликанта повторяется в определении-редупликаторе: *алкаш дешёвый*, *баран безмозглый*, *ведьма проклятая*, *дурень бестолковый*, *мент поганый*, *псих ненормальный*, *дрянь паршивая*, *тварь последняя*. Единицы словосочетания идентичны в субъективно-оценочном плане. При этом нередко дублируется не только оценочная сема, но и сема качественной (мерной) характеристики обозначаемого: *осёл упрямый*, *псих чокнутый*, *дура ненормальная / безмозглaя / бестолковая*, *дурень неумный*. Таким образом, словосочетание представляет собой контактный семантический повтор – типичный приём повышения выразительности номинативной единицы [Сковородников 1981: 110] путём нагнетания однотипной семантики, здесь – эмоционально-оценочной и параметрической. В отличие от полного или частичного повтора прилагательных или качественных наречий, склонного к лексикализации полученной выразительной единицы (*белый-белый*, *холодный-прехолодный*, *темным-темно*), семантический повтор на оценочном основании, даже при наличии целостного экспрессивного значения, остаётся в границах стандартного определительно-

го словосочетания, легко разлагаемого на самостоятельно употребляемые лексические единицы и характеризующегося отчётливым тяготением к постпозиции определения.

Наиболее употребительны в данной группе словосочетаний прилагательные общей презрительной оценки *поганый* и *паршивый*, с помощью которых в данную модель может вовлекаться и нейтральное базовое слово: *А жениха этого поганого чтоб я больше не видел*; *Родственники паршивые, советы только давать умеют!* Названные прилагательные хорошо сочетаются с общеоценочными существительными (*тварь, дрянь, сволочь, голь*) образуя сверхмногозначные отрицательные оценки-словосочетания.

К этой сравнительно немногочисленной группе общих оценок примыкает обширная группа сочетаний с первично-чувственной конкретизацией обозначаемого. С помощью сенсорного конкретизатора обозначаемое представляется в его наименее привлекательном виде, худшем проявлении. Данная модель часто строится на образной основе – зооморфной или иной метафоре в опорной части словосочетания. Словосочетание в целом представляет собой развёрнутую метафору, реалистическую (*козёл нечёсанный, котик помойный, бревно нетёсанное, кошка драная, скотина безрогая, птенец желторотый, шкура барабанная*) или фантастическую (*тигра рогатая, пенёк ушастый, ботало деревянное* (диал.): *ботало* – это «изготовленный из медного или железного листа колокольчик, который надевается на шею коровам и лошадям, пасущимся без пастуха» [СРНГ. Вып. 3. 1969: 129]; деревянный колокольчик не звучит). Однако встречаются и неметафорические образы: *голь кабацкая / перекатная, мразь вонючая, бомж вонючий, мелочь пузатая, вонь толчёная, аристократ вишивый, гуманист сраный*. Семантическая модель с конкретизированным частнооценочным снижением обладает столь же сильной, если не большей, отрицательной энергией, как и общеоценочное удвоение. Она, что хорошо известно каждому русскому, сильно смещена в область грубого просторечия: *сволочь паскудная, сука подзаборная* и т.п.

В особую группу выделяются определения с волюнтаривной семой (*фашист недобитый, буржуй недорезанный*), также несущие в себе заряд отрицательной энергии говорящего, здесь принимающей агрессивно-действенный характер.

Итак, во всех рассмотренных случаях наблюдается оценочное удвоение и, в результате, интенсификация оценки исходной субстантивной единицы. Тот же результат может достигаться прямым использованием интенсификатора – параметрической характеристики, указывающей на полноту проявления

признака, содержащегося в семантике опорного слова: *полный идиот, идиот / подлец законченный, круглый дурак, гад невероятный, сволочь жуткая*. Эти приёмы могут использоваться параллельно, например, высокомерная презрительная характеристика лица *сопля зелёная* строится на двуплановости атрибута: в прямом – цветовом – значении являющегося сенсорным конкретизатором объекта, а в переносном отсылающего к ассоциации *зелёный / молодой*.

Отметим теперь, что названные способы интенсификации экспрессивного смысла не охватывают всего материала наших словосочетаний, экспрессивно обозначающих личность. Имеется ещё обширная группа с особым характером распространения, назовём его регистративным. В постпозитивной определении называется типичный, тривиальный, сам собою разумеющийся признак мотиватора определяемого слова, обычно метафорического: *таракан рыжий (усатый, запечный), тигра полосатая, чурка деревянная, коза рогатая, пень берёзовый, пугало (чучело) огородное, каланча пожарная, ботало коровье* (диал.). Сюда же, вероятно, следует отнести выражение *кикимора болотная*: одна из этимологических версий этого слова указывает на среду обитания этого славянского мифологического персонажа – сырое место [Мокиенко 1986: 176], так что в определении *болотная* эксплицируется типичный признак мотиватора.

Возникает вопрос о причинах такого распространения, ведь с дублированием эмоционально-оценочного содержания оно явно не связано. Вероятно, здесь значимо контекстное усиление посредством образной конкретизации, детализации образа. Конкретные схемы лексического значения, конкретно-предметная лексика составляют основу образности и, шире, художественного отражения действительности [Кожина 1993: 204–206]. Все определения в данной группе словосочетаний лишены оценочности, однако наделены признаковой конкретностью, они указывают на окраску, материал, принадлежность, местоположение и др. уточняющие компоненты объекта. Это добавляет наглядности и, следовательно, включает воображение, сообщает о некоторых нюансах (*коровье ботало* – это не просто конкретизатор, это ещё и признак деромантизации такого предмета, как колокольчик). Однако этого мало. Предложим ещё одну трактовку данной семантической модели, ритмико-интонационную.

Значимость интонационного выражения эмоционально-экспрессивного содержания общеизвестна, а для выражения сильной эмоции требуется не только энергия, но и пространство для её реализации (отсюда интонационные растяжки эмоцио-

нально нагруженных лексических единиц: *Ура-а-а-а!; Что-о?!; Ну не-ет!*. Вспомним также, что образное выражение *трёхэтажный мат* строится на пространственном признаке. Анализируемый материал связан с сильными экспрессивными характеристиками лица, поэтому вполне возможно, что использование экспрессивного субстантива, а среди них много коротких, одно- и двусложных слов, ещё не даёт говорящему эмоциональной разрядки: пространство экспрессивного слова слишком мало для этого. Тогда говорящий и распространяет экспрессив атрибутивным способом, добавляя к нему конкретизирующее определение. Нельзя также исключить влияние экспрессивной семантической модели в целом, ведь субъективно-оценочное «умножение» сформировалось не сегодня (вспомним «Путешествие из Петербурга в Москву» Н.Радищева: *Звери алчные! Пиявицы ненасытные!*). С динамической позиции, словосочетания типа *псих ненормальный* или *кикимора болотная* можно рассматривать как экспрессивную «стресс-модель» спонтанной устной речи, со статической – как экспрессивную номинацию повышенной степени экспрессивности. В.Н. Телия отмечает, что номинацию можно интерпретировать как синхронный процесс речевой деятельности [Телия 1995: 30]. В данном случае мы имеем дело с экспрессивной речевой номинацией, которая может деятельностно корректироваться по силе воздействия в зависимости от эмоционально-оценочного напряжения говорящего.

Постпозиция определения в данных речевых номинациях в полной мере отвечает закономерностям разговорной и, шире, устной речи: вначале изолированно обозначить тему и лишь затем характеризовать её [Пешковский 1956: 112–113]. Исконная связь данной конструкции с устной разговорной речью подчёркивается, на наш взгляд, тем, что её реализация на книжной основе (*продувная бестия, святая простота, чёрная зависть, смертельный грех, кисейная барышня*) преимущественно связана с препозитивным положением определения. В этих случаях словосочетание существует как номинативное целое, воспроизводимое, а не производимое в момент речи. Впрочем, жёсткой границы между книжными и разговорными характеристиками лица, безусловно, нет. Возможность смены порядка компонентов корректируется также зависимостью от семантической модели и степени фразеологизации экспрессивного словосочетания. Однако усреднённо именные словосочетания с постпозицией определения можно трактовать как контекст-номинацию, конструируемую в момент речи в качестве реакции на внешнее раздражение или внутренний эмоционально-оценочный импульс, а те же словосочетания с препозицией определения – как

целостный компонент спланированного высказывания, экспрессивный стандарт развитой речи.

Традиция использования определительных словосочетаний в области экспрессивных обозначений лица заложена, как можно судить по их лексическому составу, в исторической древности (*голубь сизокрылый, кикимора болотная, шут гороховый, сирота казанская*). О древности данного типа атрибутивных словосочетаний свидетельствует также конкретика отражаемого в них опыта деятельности и природознания. Многие из анализируемых характеристик отражают крестьянский уклад жизни: *ботало деревянное (осиновое, коровье, базарное, худое), бревно нетёсаное, пугало огородное*. Отражается также знание природных реалий: *змея подколодная* – наиболее опасная, прячущаяся *под колодой*; *дубина стоеросовая* – («стоя растёт», стоячая), т.е. наиболее заметная как любой стоячий объект на фоне лежащих.

По составу единиц, отражающих реалии и идеологию своего времени можно проследить движение этой традиции сквозь время: *каланча пожарная, голь кабацкая, буржуй недорезанный, фашист поганый, бомж вонючий, конь / лось педальный, сволочь параноидальная*. Пополнение круга единиц данного класса, а также их адресатная разнонаправленность, вплоть до автохарактеристик (*Что же я, дура бестолковая, раньше думала – сама не знаю!*) свидетельствует о жизнестойкости рассмотренной деятельностно-семантической модели – одного из сильных средств экспрессивного выражения.

2.

О парадоксальной внутренней форме экспрессивных диалектных глаголов

Связь мотивированности производного слова и его экспрессивности не является взаимно однозначной. Можно предположить, что характер отношений мотивированной лексической единицы со своим мотиватором различен у экспрессивных слов сравнительно с неэкспрессивными. Подход к явлению мотивированности в данном случае мыслится как синхронно-лексикологический, т. е. учитываются лишь те мотивационные связи, которые актуальны в современном русском языке. В качестве исходной посылки принимается утверждение о том, что языковая мотивированность – это не только способ называния, но и во многих случаях, смысловой компонент значения, т.е. это отношение принадлежит не только ономастиологии, но и семасиологии [Иванникова 1967]. Материалом наблюдений послужила глагольная экспрессивная лексика, литературная и диалектная.

Мотиваторами экспрессивных глаголов могут быть как нейтральные, так и экспрессивные слова. Мы затронем только соотношения мотивированных экспрессивных глаголов с их нейтральными мотиваторами. В роли последних чаще всего выступают существительные и глаголы, реже прилагательные, обозначающие разнообразные понятия, как предметные, так и процессуальные. Экспрессивность мотивированного слова в таких случаях основывается на образности, а неотъемлемое свойство экспрессивности – эмоциональная оценка – вторична по отношению к ней.

Предварительно заметим, что типичное семантическое соотношение мотивированной и мотивирующей лексических единиц в экспрессивной сфере состоит в том, что внутренняя форма производной единицы не разъясняет его значения, как это характерно для дескриптивной лексики (*подоконник* расположен *под окном*), а лишь задаёт ассоциативную связь или содержит намёк на неё.

Известно, что «мотивировочные признаки нередко лишь самым косвенным образом характеризуют качественную определённую предмета» [Голев 1977: 2]. Впрочем, жизненный опыт нередко позволяет свободно расшифровывать косвенные показатели: *мозолиться* «делать что-либо с большим трудом» (мозоли болезненны, они затрудняют жизнь), *растребушить* «растеребить, раздёргать что-л. на части» (*требуха* – внутренности забитого животного; *растребушить* означает «добраться до нутра»), *набарабанивать* «побить» (по барабану бьют палочками), *набарабаниваться* «наестся до отвала» (барабан – объёмный предмет с туго натянутыми кожаными поверхностями).

Часто мотиватор даёт базу для образного сравнения мотивированного: *сковородесть* «засыхать, затвердевать» – становиться подобным *сковороде* по твёрдости; *куделивать*, *закуделивать* «драть за волосы» – делать волосы подобными *кудели*; *козлиться* «вести себя подобно козлу, козе» (сравнение отражено в словарной дефиниции); *откадиться* «отделаться» – (от слов *кадить*, *кадило*, обозначающих предметное действие и соответствующий атрибут церковной службы) «вести себя подобно служителю культа, в данном случае – исполнителю внешнего частного проявления религиозного ритуала»; *просваивать* «прогулять, прослоняться» – уподобиться свахе, род занятий которой не ассоциируется с видимыми трудностями; *взбарабанивать* «вспухнуть, вздуться» – уподобиться барабану.

Лексические мотиваторы, не связанные с конкретной предметностью, редки. Интересно, что понятиям, которые соответствуют этим мотиваторам, свойствен признак интенсивности или другой качественный признак, что отнюдь не обязательно для конкретно-предметных мотиваторов. Именно такой признак является основой номинации и компонентом лексического значения мотивированного экспрессивного глагола: *завихаривать*, *завихоривать* «быстро бежать,

ехать, вообще делать что-нибудь быстро» < *вихрь* (в лексическом значении есть сема интенсивности); *просверкать* «пробежать» < *сверкать* (сема мгновенности действия); *хлестаться* «много, тяжело работать» < *хлестать* (сема интенсивности действия).

Итак, мотиватор связан с мотивированным глаголом не через отдельный компонент лексического значения, а через ассоциацию, связанную со словом-мотиватором. Иногда такая ассоциативная связь прочитывается достаточно легко (*сковородесть* «засыхать, затвердевать», *колоколить* «говорить невпопад, лгать», *назобаться* «наесться досыта» < *зоб*). Чаще же она не лежит на поверхности, хотя мотиватор осмысливается ясно и связь его с мотивирующим интуитивно воспринимается как непротиворечивая. Связь эта подсказана живым воображением, интересна, остроумна. Мотивированное слово, фиксирующее её, отражает лексически оформленное меткое и точное наблюдение над определённым явлением, сопоставление его с другими. Так, глагол *караваниться* «чваниться» < *караван* «чурбан, полено» передает представление о характерной манере держаться, свойственной чванливому человеку, его, в прямом смысле слова, нестигаемости. Слово-мотиватор служит прекрасной базой образного сравнения, которое звучит тем сильнее, что сравнивается живое с неживым. Глагол *откадиться* «отделаться» заостряет тонко подмеченные особенности действия по глаголу *кадить* – свободная небрежность жеста, легкость выполнения действия, но главное, – внешний характер последнего по отношению к сути дела, здесь – текстам церковной службы. Часто ассоциаций несколько, они наслаиваются друг на друга, делая значение мотивированного слова богаче и многомернее.

Часть экспрессивных глаголов с нейтральными мотиваторами содержит в своей внутренней форме даже не намёк, а настоящую загадку: *присарафанить* «крепко приделать: пришить, прибить, приклеить и т.п.»; *ожабить* «ударить»; *пересобачить* «надорвать, надсадить»; *тараканничать* «дурачиться, озорничать»; *натрезвониться* «наесться»; *усвистать* «запачкать» и т.п. Тезис Г.О.Винокура о том, что «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [Винокур 1959: 421], здесь очень трудно применить. Мотивировочный признак семного и даже ассоциативного характера в современном слове отсутствует, хотя прочитывается мотиватор в производном слове очень легко. Назовём такую внутреннюю форму *парадоксальной*. Глаголы с парадоксальной внутренней формой характеризуются необычностью семантического соотношения мотивированного со своим мотиватором: исходное слово, не имеющее семантических точек соприкосновения с производным от него, как бы просвечивает другим цветом сквозь это производное. В соотношении лексических значений наблюдается парадокс, который долго не сглаживается именно из-за

отсутствия мотивировочного признака: производящее слово «торчит», не дает забыть себя в производном.

Создается впечатление, что исходное слово выбирается в качестве основа номинации наугад, с ориентацией на то, что чем дальше оно по семантике от необходимого для номинации смысла, тем лучше. У Х.Касареса находим описание следующего речевого процесса: "Вследствие внезапной ассоциации представлений или вследствие душевного возбуждения, заставляющего стремиться к особой экспрессивной насыщенности речи, возможно, просто ради комического эффекта или из желания обратить на себя внимание говорящий отбрасывает общепринятое слово, которое вертится у него на языке, и заменяет его другим, употреблённым в необычном для него значении" [Касарес 1958:73–74]. Думается, что суть описанного явления имеет отношение и к нашим материалам, где взамен отброшенного нейтрального слова не используется готовое, а создаётся новое слово с принципиально необычной, парадоксальной внутренней формой.

Трудно сказать, существовала ли первоначально ассоциативная связь мотивированного таким образом слова с мотиватором или с самого начала действовал в чистом виде «принцип необычности», главный при создании и функционировании экспрессивной лексической единицы. Вероятнее всего, в подавляющем большинстве случаев такая связь была (хотя бы в чисто субъективном акте номинации), но со временем забылась, поскольку ассоциация была чересчур субъективной или утратила свою основу в области реалий. Проиллюстрируем высказанное положение на экспрессивном глаголе *сарафанить* «бить». Мотиватор *сарафан* – типичная парадоксальная внутренняя форма с точки зрения современного носителя русского языка. Тем не менее, можно попытаться проследить ассоциацию, приведшую к возникновению этого глагола.

Среди экспрессивных глаголов со значением «бить» широко известен просторечный глагол *дубасить*, восходящий к *дуб* при ясном осознании словообразовательного гнезда этого слова (*дубить*, *дубина*, *дубление* и др.). В это же словообразовательное гнездо входит известное в разных говорах, в том числе и в среднеуральских, слово *дубас* 1. Верхняя холщовая юбка. 2. Любая одежда из грубого холста [СРГСУ. Т.1: 146]. А.И. Попов толкует это слово как севернорусское областное по происхождению, означающее: «род женской одежды, материал для изготовления которой окрашен с помощью настоя из дубовой или ивовой коры. Подобный процесс окрашивания обычно сходен с «дублением» (кож и т.п.)» [Попов 1955: 9]. *Дубасом* называли чаще всего сарафан из домотканого холста (по данным [СРНГ] такое значение отмечено во многих регионах, в том числе Свердловском, Пермском, Челябинском). Таким образом, фонетически и по смыслу слово *дубас* связано с *дубасить* (оба производив от слова *дуб*), только по смыслу –

со словом *сарафан* (*дубас* – род сарафана). Этого могло оказаться достаточно для окказионального употребления глагола *сарафани́ть* вместо *дубасить*, с теми же эмоционально-экспрессивными характеристиками, только более сильными за счёт необычности мотивации. Поскольку экзотичность не противоречит, а, напротив, соответствует статусу экспрессивной единицы языка, произвольный акт номинации закрепляется в узусе. Появляется экспрессивная лексическая единица *сарафани́ть* со значением «бить», образовавшая в говорах Среднего Урала свое словообразовательное гнездо: *насарафани́ть* «побить, избить», *присарафани́ть* «крепко приделать». Ассоциативная же связь со словами *дубасить*, *дубас* исчезла, так как, во-первых, она достаточно прихотлива, а во-вторых, реалия, стоящая за словом *дубас*, – способ окрашивания ткани – практически утрачена.

Чрезвычайно интересен вопрос о соотношении семантики корня и словообразовательных аффиксов в экспрессивных глаголах с парадоксальной внутренней формой. Такие глаголы построены, как правило, по широко распространенным словообразовательным моделям, использованные словообразовательные аффиксы чаще всего имеют общеязыковые нейтральные значения. Мотиваторы анализируемых глаголов также нейтральны, следовательно, сильный экспрессивный эффект достигается без использования экспрессивных лексических и морфемных источников. Механизм достижения этого эффекта мы видим в переосмыслении словообразовательной модели, которое достигается за счёт использования лексико-семантического несоответствия между значениями производящей основы, включаемой в модель, и аффиксов этой модели [Скорнякова 1962: 8], сравним анализируемый диалектный глагол и литературный глагол-толкование: *натрезвиться* – *наестся*, *присарафани́ть* – *приделать*. *отишляпать* – *оторвать*. Экспрессивная «искра» высекается в диалектных глаголах бьющим в глаза несоответствием, непричастностью исходного слова к лексическому значению экспрессивного производного.

Данное явление можно рассматривать как реализацию межуровневой компенсации. Словообразовательные аффиксы и словообразовательная структура экспрессивного слова с парадоксальной внутренней формой играют роль противовеса, делают экспрессивное слово с парадоксом в семантике легко узнаваемым и понятным в контексте. Подтверждается наблюдение М.Н.Янценецкой: «Словообразовательная мотивированность образует ту внутреннюю языковую базу, на основе которой возникают мотивировочные связи отдельных слов» [Янценецкая 1977: 127].

Если же в глаголе с парадоксальной внутренней формой есть аффикс со значением интенсивности, превышения меры действия и т.п. (глагольные приставки *ис-*, *на-*, *пере-*, суффикс *-ану-* и др.), то экспрессивность производного глагола еще более велика, так как до-

полнительно вступают в действие собственно экспрессивные структурные мотиваторы: *устирать* «избить», *наполоскать* «избить», *употчевать* «избить», *учесать* «уйти, убежать», *перекопать* «переспорить».

Итак, парадоксальная внутренняя форма – это современное средство выражения экспрессивности. Оно формируется на базе типичного для производных экспрессивных глаголов выбора словесного мотиватора – имеющего самую косвенную отнесенность к обозначаемому явлению. Парадоксальная внутренняя форма – следствие разрыва этой непрочной связи в результате действия ряда внешних и собственно языковых причин. Установка на необычность, свойственная экспрессивной лексике, реализуется здесь наиболее полно; этим обеспечивается длительное функционирование экспрессивных глаголов с парадоксальной внутренней формой при неослабевающей силе экспрессивного воздействия.

3.

К вопросу о варьировании нулевых оценок

Семантическая шкала оценок включает в себя нулевую отметку, или безоценочное значение. Такое значение свойственно дескриптивному слову, обозначающему определённое явление в границах своей меры, т.е. стандартное, нормативное, типичное для явлений подобного рода. Формально это нейтральная позиция, однако в реальности безоценочная лексика примыкает к лексике положительных оценок, поскольку стандарт, образец, норма в социальном аспекте характеризуется положительно.

Специальное обозначение безоценочной точки зрения в современном русском языке осуществляется с помощью небольшой группы слов: *равнодушный, безразличный, безучастный, индифферентный* (книжн.) и их производных. В пределах данной группы ярко выражены синонимические отношения. В словарях синонимов все три исконные лексические единицы, относящиеся к одной части речи, приводятся в одной словарной статье; В словарях для их толкования используется синонимический способ толкования и наблюдается «синонимический круг»: *безразличие* «равнодушие, безучастие»; *равнодушие* «безразличное, безучастное отношение к окружающему, происходящему» [СРЯ-4]. Объём синонимической группы с доминантой-существительным *равнодушие* таков: *равнодушие, безразличие, безучастие, безучастность, бесчувственность, апатия, апатичность, вялость, индифферентизм, индифферентность, нечувствительность, холодность*.

В словообразовательном отношении данный класс слов характеризуется неполной парадигмой, причём эта неполнота касается гла-

гольных слов. Отмеченные А.Н. Тихоновым в составе словообразовательного гнезда с производящей единицей *равнодушный* глаголы *равнодушничать* и *оравнодушить* в современном русском языке малоупотребительны [Тихонов 1985. Т. 2: 7]. Таким образом подчёркивается, что рассматриваемая группа обозначений в первую очередь указывает на свойства и отношения, а не на действия.

В речеграмматическом отношении анализируемая группа слов характеризуется следующими показателями: 1) активностью форм краткого прилагательного в роли сказуемого со значением непроцессуального состояния: *Я (был, оставался) равнодушен, безразличен, безучастен*; 2) активностью наречия *безразлично*, а также его лексических и фразеологических синонимов (*неважно, всё равно, не всё ли равно, всё едино, нет разницы, какая разница* и др.); 3) образованием односоставных предложений со значением субъектного состояния: *Мне безразлично (неважно), что ...*; 4) относительной активностью полного прилагательного *равнодушный* в роли или в составе координирующей части сказуемого: *Он равнодушный (человек)*. Существительные и прилагательные данного класса слов могут управлять дательным падежом зависимых имён с предлогом *к*: *равнодушие к людям, к славе он был равнодушен, безразличие ко всему*.

Лексико-грамматическая семантика единиц данного класса характеризуется сочетанием сем свойства, состояния и отношения., причём в словарных толкованиях основных значений заметна динамика от свойства к отношению, ср.: *безразличие* «отсутствие отличительных свойств» (данные «Словаря церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук», СПб, 1847, цит. по: [ССРЛЯ. Т.1: 442]; *равнодушие* «состоянье, свойство равнодушного, человека покойного, рассудочного» (1882) [Даль. Т.4: 7]; *равнодушие* «безразличное, безучастное отношение к окружающему, происходящему» (1983) [СРЯ-4]; *безразличие* «безучастное отношение к кому-л., чему-л., равнодушие» (1991) [ССРЛЯ. Т.1: 442].

Лексическая семантика единиц данного класса, читаемая через их внутреннюю форму и представленная в словарных дефинициях толковых словарей, указывает на отсутствие оценки в широком её понимании – как результата сопоставления предметов и явлений между собой в определённом отношении или сопоставления некоторого предмета с образцом [Ивин 1970]. За исключением устаревших значений, каждая лексическая единица избранного класса указывает на отсутствие избирательности, предпочтения, душевной или физической отзывчивости, т.е. оценочной позиции личности по отношению к кому- или чему-либо.

Практика речевого пользования обнаруживает, однако, противоречащую отмеченному семантическому единству оценочную двойственность: действительную нейтральность и отрицательную оценоч-

ность, ср: 1) *Да я не имею ничего против него, я к нему просто равнодушна!*; *Видишь ли, я к арбузам равнодушен, может, лучше груши возьмём?*; 2) *Бойтесь равнодушных!*; *Его равнодушие просто оскорбительно*. Показательна в этом отношении сочетаемость существительного *равнодушие*. Из 54 эпитетов словарной статьи [СЭ] 26 характеризуются актуальной отрицательно-оценочной семантикой: *высокомерное, жестокое, злобное, каменное, ледяное, позорное, постыдное, презрительное, преступное, тупое, убийственное, угрюмое, тоскливое, тяжёлое, холодное* и др. К ним примыкают эпитеты с потенциальными семами отрицательной оценки: *бесчувственное, глухое, покорное, притворное, усталое* и др. Противовес данным группам составляет единственное определение *вежливое*, положительная оценочность которого всё же остаётся под вопросом, поскольку характеризуется внешнее, а не сущностное свойство явления.

Варьирование семантики слов равнодушия от нейтральной к пейоративной происходит в ситуациях межличностного общения. В работах С.Г. Воркачева представлена стройная концепция нейтральной модальности с оператором *безразличие* и прослежено соотношение словарных значений и речевых реализаций показателей безразличия и презрения [Воркачев 1992; 1998]. Причина их языкового отождествления связана с выработанными в этносе правилами общения, важнейшим из которых является вежливость. Кодекс вежливости обязывает человека выражать внимание и уважение к другим и даёт ему право рассчитывать на аналогичное встречное поведение. При этом минимальным знаком внимания выступает уже сам факт общения. Уклонение от общения в ситуациях, когда оно предписывается правилами вежливости, воспринимается как игнорирование, нарушение прав личности на уважение и вследствие этого воспринимается лицом, не вовлечённым в общение, как презрение или другое отрицательное отношение.

С.Г. Воркачев пишет: «Модальность нейтральной оценки – безразличие – является прежде всего оператором неклассических модальных логик, в которых оно выступает в качестве межи, разделяющей области запретного и разрешённого, желательного и нежелательного, хорошего и плохого и пр.» [Воркачев 1998: 142]. Пограничный характер категории равнодушия / безразличия выводит наблюдения над нею в область прагматики. Анализ межличностного дисбаланса, связанного с равнодушием одной из сторон общения, может быть углублён при условии пристального внимания к прагматическим оппозициям, которые могут складываться в процессах речевого общения. Будем различать, во-первых, исходящую связь и, соответственно, субъектное равнодушие (носителем равнодушия является говорящий); во-вторых противопоставленную ей входящую связь и, соответственно, адресатное равнодушие (говорящий осмысляет себя адресатом

чьего-либо равнодушия). Возможность суждения о равнодушии третьих лиц пока не принимаем во внимание.

Субъектное равнодушие имеет две пресуппозиции. Первая связана с анализом определённого отношения: субъект речи ранее подвергал оценке нечто, но, не сделав конкретного вывода, вернулся к позиции нулевой оценки. Вторая с оцениванием не связана. Некоторое явление остаётся на периферии сознания субъекта и оценочному анализу не подвергается, что равно нулевой оценке.

Очевидно, в том и другом случае словесная фиксация равнодушия самому субъекту не нужна вне дополнительных условий. В качестве одного из таковых выступает запрос другого лица об оценочном мнении субъекта по определённому поводу (условная модель «*Как ты к [кому, чему] относишься?*»). Другая модель отражает оценочное направление внимания собеседника на третье лицо, предмет: «*Обрати внимание, какой он хороший (плохой)*». Экспликация равнодушия осуществляется субъектом во второй реплике диалогического единства. Ещё одно условие высказывания о собственном равнодушии можно усмотреть в коммуникативном намерении говорящего сопоставить две фазы своего оценочного отношения к кому-либо: «*Раньше я был равнодушен (неравнодушен) [к кому], но теперь отношусь к нему иначе*». В таком случае возможны эмоционально-оценочные приращения смысла: субъект испытывает то или иное чувство в связи с происшедшими переменами. Ещё одна диспозиция связана с желанием говорящего проанализировать свои субъективные состояния, одним из которых является состояние равнодушия.

Всё сказанное имеет отношение к искреннему субъектному равнодушию, которое «изнутри» предстаёт как состояние-отношение полной безоценочности или близкое к нему. Возможны вариации смыслов в положительно-оценочной сфере (*Тепло моего равнодушия так участливо, так сокровенно, что может сойти за дружбу*).

Словесная экспликация равнодушия может служить и способом выражения отрицательной оценки со стороны говорящего, и тогда в единицах избранного класса актуализируется сема отношения. В силу своих этимологических и речеграмматических особенностей слово равнодушия используется как маска для сильных и прямо направленных отрицательных оценок, оно используется для затушёвывания и смягчения их, ср. оскорбительное для адресата высказывание *Я вас презираю; Я плевать на тебя хотел!* и высказывание констатирующее, замыкающее отношение на себя: *Я к тебе совершенно равнодушен*. Эта интуитивно воспринимаемая разница находит отражение в нормативных актах многих стран [Димитрова 1994], позволяя квалифицировать оскорбление как подсудное деяние только для первой группы высказываний. Равнодушие не тождественно эмоциональному переживанию, это позиция говорящего в сфере межличностных отно-

шений. Так, герой рассказа Е. Попова «Или – или. Обо мне, летающей тарелке и коммунизме» вначале утверждает: *Я, видите ли, или очень люблю людей, или равнодушен к ним, как только могу. Или – или. <...> В случае равнодушия к человеку я не замечаю его и не включаю в свою жизнь.* Далее выясняется следующее: *Ненавидел ли я её? Нет, был равнодушен. Да, равнодушен. Я равнодушно ругался с ней по делу, равнодушно тряся от злости, выслушивая ту чушь и дичь, которую она несла, равнодушно пил таблетки, чтобы успокоиться, равнодушно беседовал с ней обо всём.* Крайне обострённое отрицательное эмоциональное состояние персонажа трактуется как равнодушие.

Адресатное равнодушие отличается от субъектного тем, что оно является интерпретационной величиной. Выражение адресатного равнодушия представляет собой суждение о другом лице в его отношении к говорящему (он равнодушен ко мне) или к третьему лицу, факту, событию, предмету. При этом равнодушие представляется исключительно как отношение, а возможное отсутствие оценочного анализа со стороны другого лица отбрасывается в качестве незначимой величины. Далее это отношение трактуется как отрицательное, с широким пейоративным спектром.

Разобщение адресатного равнодушия с действительной оценочной позицией другого лица при этом вполне возможно, что хорошо иллюстрируется фрагментом рассказа Тэффи: *В такие тяжёлые и сложные моменты человек всегда остаётся один. Самые близкие друзья считают, что «неделикатно лезть, когда не до них». В результате от этих деликатностей получается впечатление полнейшего равнодушия. «Почему все отвернулись от меня?»*

Наиболее активно прорабатывается в речи адресатное равнодушие в разновидности «некто равнодушен ко мне». Интерпретируя чужое поведение, говорящий, как это предполагает сам механизм оценки, сопоставляет реальное с должным и желаемым [Арутюнова 1988: 57]. Накладывая на постулат вежливости своё конкретное пожелание по поводу того, как должна бы реализоваться вежливость данного лица в данной ситуации по отношению к говорящему, последний, как правило, ждёт эталонной вежливости. Не получив желаемого, он интерпретирует чужое поведение как недостаточно внимательное и участливое. Адресат чужого равнодушия может выделять качественные оттенки данного отношения (*созерцательное, вежливое, усталое*), указывать на его интенсивность (*глубокое, полное, абсолютное*), различать подлинное и мнимое (*деланное, напускное, нарочитое, наружное, показное*) равнодушие, вводить характеристику равнодушия в определённый культурно-эстетический аспект (*буддийское, стоическое, чиновничье, бюрократическое*). Но особенно часто другому лицу инкриминируется некое отрицательное свойство, касающееся его поступка, поведения, склада характера в целом. Равнодушный может

предстать человеком холодным, злым, обижающим, что больно ранит говорящего.

Таким образом, интерпретация может быть истинной и ложной, о степени объективности говорящего судить трудно, и дело здесь не столько в организации контекста, сколько в психологическом различии ролей носителя равнодушия и лица, оценивающего чужое равнодушие. Склонный к подлинной безоценочности «изнутри», я могу быть «прочитан извне» как негативно настроенный к речевому партнёру.

Проведённые наблюдения показывают значимость прагматического содержания единиц данного класса. Оно связано с ядром лексического значения рассмотренных слов, что позволяет отнести лексику равнодушия к прагмемам с денотатной прагматической семантикой. Как отмечает Г.Н. Складарская, оценочный компонент в таких случаях направлен на означаемое, в результате чего само слово как будто бы остаётся нейтральным, но при семантическом развитии оценочность может получить реализацию [Складарская 1994: 48]. Именно такой путь семантических преобразований проходит лексика равнодушия, утрачивая со временем исконное значение свойства-состояния явления или лица и развивая прагматическую многозначность в сфере состояния-поведения лица.

В действующих толковых словарях современного русского языка оценочный прагматический потенциал лексики равнодушия не фиксируется, в них не содержится сведений о специфике безоценочности в межличностном общении и не отражается значимость адресатного равнодушия. Это свидетельствует о неадекватности словарного описания данной группы слов.

Рассмотренные прагматические признаки не могут, вероятно, быть отражены в сжатом виде с помощью словарной пометы. Остаётся второй способ описания – включение прагматических сведений в текст дефиниции. Ядерный характер прагматической информации позволяет, на наш взгляд, считать её опорной при составлении словарного толкования. Принципиальное отличие такого рода семантики от номинативно-классификационной заключается в том, что она неотрывна от коммуникативной линии «отправитель – получатель информации», что и должно получить отражение в тесте словарной дефиниции. Прагматическая неоднозначность семантических вариантов может получить отражение с помощью выделения отдельных значений слова, отражающих разные позиции говорящего в коммуникативном акте.

С опорой на эти положения выдвинем на обсуждение рабочий вариант прагматически скорректированной словарной дефиниции абстрактного существительного *равнодушие*, наиболее ёмко представляющего рассматриваемый семантический класс.

Два значения данного слова выделяются в соответствии с двумя различными прагматическими позициями личности: позицией носителя равнодушия (субъектное равнодушие) и позицией личности, испытывающей равнодушие со стороны кого-либо (адресатное равнодушие).

Равнодушие 1. Состояние и или поведение лица, не имеющего оценочного мнения о ком-л., чём-л.; безразличие, безучастие. 2. Отношение или поведение лица, не участвующего в общении с говорящим или отказывающегося от общения с говорящим во время ожидания речевого взаимодействия. Может восприниматься как преднамеренный акт отрицательного отношения к говорящему.

В данных толкованиях более явственно выражено внимание к особенностям функционирования слова в типовых для него актах речи, что составляет отдельный аспект современной лексикографии [Склярская 1994: 53]. Лексика равнодушия, в числе других единиц межличностного общения, может получить адекватное лексикографическое описание только с опорой на основные понятия прагматики.

4.

Лексическая экспрессивность рифмованных повторов

В кругу производных лексических единиц русского языка повторные номинации занимают особое место. Они создаются с установкой на экспрессию, выразительность и связаны, в основном, со сферой повседневной коммуникации, для которой характерна устная речевая форма, а кроме неё – с теми речевыми сферами, которые опираются на живую устную речь: художественным текстом, отдельными жанрами публицистики. В результате, будучи распространённым экспрессивным явлением, лексикализованные повторы (слова-повторы) редко рассматриваются как дотекстовой или внетекстовой факт лексической системы языка.

Положение лексикализованных повторов в системе языка и речи характеризуется неопределённостью. Данные единицы квалифицируются как разновидность специальных синтаксических конструкций, предназначенных для выражения субъективно-модальных значений [РГ-80. Т.2: 218–223], как разговорные речевые образования, как окказионализмы художественного или публицистического стилей. В то же время существует взгляд на лексикализованные повторы как на предметные (несобытийные) номинации, которыми располагает русский язык. Они образованы способом словосложения в двух его разновидностях: тавтологическом и разнословном словосложении (в составе последнего выделяется гендиадис – рифмованное сложение слов, второе из которых может быть асемантичным [Журавлев 1982: 84–86]. Разделяя данную точку зрения, рассмотрим парные лексикализованные повторы, компоненты которых происходят от разных слов и риф-

муются между собой, в их самостоятельном номинативном значении. Экспрессивность этих образований бесспорна, но многие вопросы, в частности, о способах выражения экспрессивности, о структурно-семантической группировке этого материала, требуют дальнейшей разработки.

Связь производности и экспрессивности отмечалась неоднократно: экспрессивное слово – это чаще всего производное слово. В зависимости от соотношения компонентов, на базе которых образуются рифмованные повторы, будем различать парные слова, повторы-отзвуки и немотивированные повторы.

Парные слова – это лексические единицы, оба компонента которых значимы по крайней мере в виде окказиональных образований, а чаще всего – как единицы языковой системы: *шито-крыто*, *ковёр-самолёт*, *взад-вперёд*. Рифма здесь не обязательна, рифмованные повторы составляют лишь часть парных слов, впрочем, немалую, если выйти за пределы единиц, зафиксированных толковыми словарями.

Сравнивая рифмованные и нерифмованные парные слова, отметим для первых более чёткую ориентацию на экспрессивность. Вероятно, это связано не только собственно с рифмой, хотя рифма – это самостоятельное и сильное средство экспрессивности, обуславливающее использование то чистого словосложения (*стёжки-дорожки*, *звать-величать*, *палочка-выручалочка*), то сложения с аффиксацией (*муха-чистюха*, *зеркало-коверкало*). Помимо рифмы имеет значение то, что один из компонентов парноповторного образования происходит от эмоционально-оценочного или образно-характеризующего слова. Это, как правило, второй компонент, который может соединяться с нарицательным или личным собственным именем подчинительной связью: *химики-алхимики* (название газетного материала), *девочки-припевочки*, *Маша-растеряша*, *Славка-малявка*. Лишь изредка характеризующий компонент находится в препозиции к чисто номинативному, да и то в авторской речи: *злюшина-лягушина* и *зледина-медведина* (А. Гайдар). Именно характеризующий компонент является семантическим ядром производной экспрессивной единицы, всегда очень заметной в тексте: *Есть балерины-тишины*, *балерины-снежины. Они тают* (А. Вознесенский); *Целую тебя очень-очень, мальчик-золотайчик!* (К. Паустовский).

Даже если компоненты рифмованного парно-повторного слова не обладают оценочностью и отражают сочинительную связь мотиваторов, то наряду со значением обобщённости формируется качественно-характеризующий признак повтора в целом: *Да, зайцы убежали, птицы улетели, мышата-лягушата и те усвистели* (Б. Заходер). Мышата-лягушата в данном контексте – это «мелкие, маленькие зверушки». *На Бадаевских складах дневал-ночевал* (И. Штемлер), т.е. проводил очень много времени.

Таким образом, данный вид сложных слов характеризуется умноженным обеспечением экспрессивности: использованием оценочного и образно-характеризующего потенциала одного из слов-мотиваторов (семантическое средство), а также самой двухкомпонентной структурой и рифмовкой её частей, нередко достигаемой за счёт аффиксального переоформления семантически зависимого слова-мотиватора или, редко, обоих слов-мотиваторов (словообразовательное и стилистическое средства).

Примыкают к данной группе рифмованных повторов парные слова с затемнённой мотивировкой второго компонента: в качестве рифмующейся части используется реальное слово языка, но мотивировочный признак, причина выбора именно этого слова для роли редупликатора в той или иной мере не ясны. Речь идёт о широко известных в разговорном общении прозвищах, опорным компонентом которых выступает антропоним или его дериват (*Машка-букашка, Лиза-подлиза, Людка-верблюдка, Саня-баня, Лена-пена* и т.п.), либо, реже, оценочное существительное (*плакса-вакса, жадина-говядина*). Антропонимический анализ этого материала представлен в работах З.П. Никулиной [Никулина 1976, 1983].

Вторые компоненты таких повторов чрезвычайно разнообразны по семантике. Здесь используются и оценочно-характеризующие слова (*Валера-холера, Сашка-чебурашка, Мишка-мартышка*), но в большинстве случаев экспрессивность производной единицы не может непосредственно заимствоваться у мотивирующего нарицательного имени: *Зина-резина, Канка-банка* (от фамилии *Канова*), *Олежка-тележка, Ванчик-диванчик, Машка-промокашка, Светка-котлетка* и т.п. Экспрессивность возникает, видимо, за счёт «семы необычности», второй его компонент подбирается исходя из возможности его рифмовки с первым, семантическая же мотивированность не обязательна. Годится любое конкретно-предметное широкоупотребительное слово, а правомерность такого его использования вытекает из экспрессивности самой модели рифмованного повтора.

Разумеется, есть и переходные случаи, когда рифмованное прозвище в той или иной степени характеризуется мотивированностью: *Андрей-воробей* (маленький, живой, подвижный), *Натка-мохнатка* (ходит зимой в мохнатой шубке), *Света-газета* (всегда знает новости), *Юлька-пулька* (стремительная, быстрая в движениях и действиях), но мотивировочная связь здесь ослаблена: всякого Андрея можно назвать *Андрей-воробей*, всякую Свету *Светочка-конфеточка*, если мы хотим передать эмоциональную оценку лица, носящего это имя. Независимо от наличия или отсутствия живой мотивационной связи с нарицательным словом языка, рифмованные прозвища ярко экспрессивны, а будучи поддержаны текстом художественного или игрового

характера (сказка, считалка, дразнилка), входят в число употребительных лексических единиц.

Как правило, рифмованные прозвища используются как условные антропонимы, хотя в отдельных случаях, при сохранении внутренней формы второго компонента, можно встретиться с использованием такой единицы в качестве экспрессивного нарицательного наименования: *Опять тетрадки нет. Ну ты и Маша-растеряша!* (мать – дочери, которую зовут Олей).

Уже рифмованные прозвища с затемнённой мотивировкой заставляют думать о модели рифмованного повтора как самостоятельном языковом мотиваторе экспрессивного характера. Ещё более усиливает это впечатление группа повторов, названных Н.А. Янко-Триницкой повторами-отзвучиями [Янко-Триницкая 1968]: *танцы-шманцы, лес-шмес, штучки-дрючки*. Данные лексические единицы не сложены из двух ранее существовавших в языке слов, а представляют собой развёртывание нейтрального слова в повторно-рифмованную экспрессивную единицу. Идея рифмовки, которая может быть применена только при двухкомпонентной структуре лексической единицы, выдвигается здесь на первый план.

Данная разновидность рифмованных повторов характеризуется семантической определённой: повтор-отзвучие, как правило, выражает сниженную эмоциональную оценку обозначаемого. Большое своеобразие этих единиц состоит в том, что затекстовым денотатом оценки чаще всего выступает не конкретная реалья, встающая за словом-повтором, а ситуация в целом: *Родился первенец, и кончилась передышка, навсегда кончилась. За первым второй – и пошло: пелёнки, кашка-малашка, один выздоровеет, другой разболеется* (В. Сиснев); *Да избушку он строит, дачу. Цемент, песок, лес-шмес всякий...* (разг. речь; устало, с неудовольствием). – *А, хлюздишь! Хлюздишь!* (хитришь, обманываешь партнёров по игре) *Ты – хлюзда-мнузда!* – «*Хлюзда-мнузда*» не вынес оскорбления и вышел из игры (Е. Попов). Ещё одна возможность: через посредство наименования какой-либо реальности оценке подвергается собеседник говорящего, непосредственно связанный с этой реальностью: *Без экзотики мы не можем: то йога-мога была, теперь экстрасенса тебе подавай!* (разг. речь, раздражённо).

Концентрация отрицательной эмоциональной оценки на непосредственно обозначаемом достигается, видимо, при помощи синтаксической специализации, в частности, этому способствует объектная позиция экспрессивной единицы: *Опять эти шаррики-марики покупать надо; Это самое важное, а дикцию, темп, паузы-шмаузы разные можно в самый конец* (из разг. диалога преподавателей). В приведённых примерах пренебрежительная эмоциональная оценка связана со сниженной значимостью в глазах говорящего непосредственно тех явлений, которые обозначены рифмованными повторами-отзвучиями.

Дополнительное значение обобщённости, возникающее иногда во фразах с повторами-отзвучиями, носит, скорее всего, конкретный характер, обеспечивается лексическим окружением повтора: *Всякую там **зелень-мелень**, хоть она и полезная, я её за еду не признаю; Удобства всякие, **туалеты-муалеты**, – всё это в номерах* (разг. речь).

Иногда повторы-отзвучия используются для создания игровой, шутливой номинации: *Вот и **орехи-марехи** пригодились для начинки* (разг. речь); *Целую всех. Твой **папка (драпка)*** (К. Паустовский). Такое семантическое наполнение анализируемой модели встречается реже.

Конкретная разновидность эмоциональной оценки определяется целеустановкой говорящего, общей тональностью высказывания, но представляется возможным говорить об экспрессивно-семантическом единстве повторов-отзвучий. Оно заключается в том, что использование повтора-отзвучия снижает значимость обозначаемого явления или затекстовой ситуации с точки зрения говорящего.

Исходный лексический материал для конструирования повторов этого вида чрезвычайно разнообразен. В качестве опорных компонентов могут использоваться не только конкретные, но и абстрактные имена существительные: ***Совесть-моветь!** А план без запчастей как делать будем?* (разг., с раздражением); не только нарицательные, но и собственные имена: *Подумаешь, **Братова-Шматова!*** (разг., пренебр.); не только однозначные, но и неоднозначные слова: *Ты за **всяким-яким бежать** готов – только свистни!* (разг. неодобр.). Соответственно разнообразны и рифмующиеся компоненты, хотя фонетические закономерности оформления их начальной части прослеживаются: здесь распространены согласные [м], [в], [б], звуко сочетания [шм], [др].

Итак, рифмованные повторы-отзвучия, хорошо известные разговорной речи и её имитации в художественном или публицистическом тексте, укрепляют общую модель рифмованного повтора как экспрессивную. Именно её ясная осознаваемость обуславливает, на наш взгляд, существование и пополнение группы немотивированных рифмованных повторов типа *трали-вали, шахер-махер, шалый-валый*.

В последней группе много лексических образований, требующих применения этимологического анализа. Мы не ставим такой цели, а с позиций носителя современного русского языка в некоторых случаях можно догадываться о характере мотивированности: повторы *тары-бары, трали-вали, тренди-бренди* звукоподражательны, *шошк-ерошка* и *тюха-матюха*, вероятно, связаны с личными именами и диалектной речью, *цирлих-манирлих* хорошо осознаётся как заимствование. И всё же есть много рифмованных повторов, которые не связаны ни с суммированием семантики составляющих его компонентов, ни с модификацией первого компонента во втором. Немотивирован-

ные повторы непроницаемы по своей внутренней форме, что не мешает их экспрессивности: *Аты-баты, или солдаты*; *пети-мети* «деньги», *хурда-бурда* «разные вещи, пожитки», *чики-брики* «задавака, воображала», *рюня-чуня* «грязнуля, замарашка», *ёксель-моксель* «выражение удивления или другой эмоции».

Была ли первоначально мотивированность или повторная лексическая единица сразу строилась как немотивированная, – вне зависимости от этого рифмованный повтор характеризуется экспрессивностью и семантическим единством. Они, как правило, передают сниженную оценку обозначаемого, чаще всего разочарование, пренебрежение и т.п. Контекстуально такая эмоциональная оценка может смягчаться, переводиться в юмористический план: *Нам не надо чики-брики на высоких каблуках* (частушка); *Тити-мити нет. А шахтёрам платить надо* (разговор на деловую тему). Экспрессивность рифмованных повторов подчёркивается их включением в состав особых синтаксических конструкций, стилистических фигур. Так, активное экспрессивное утверждение с рифмованным повтором может подаваться в отрицательных конструкциях по методу отрицания отрицания: *Ведь я, сударыня, веровал не как немецкий доктор философии, не цирлих-манирлих...* (А. Чехов); *Строят культуру – не хухры-мухры* (А. Вознесенский); *Это не пети-мети, это зарплата, понимаешь, зар-пла-та!* (разг. речь).

Непосредственно мотивировочными признаками рифмованного повтора могут выступать конкретно-предметные семы исходных лексических единиц, в мотивирующей единице потенциальные. Однако это средство не является основным. Наличие большого количества повторов-отзвучий и немотивированных рифмованных повторов показывает, что основным средством экспрессивности является сама модель рифмованного повтора. При сравнительно небольшом количестве словарных единиц такого рода (*чудо-юдо, умница-разумница, фигли-мигли, фокус-покус* и др.), в живой устной речи, художественных и публицистических текстах мы находим многочисленные номинации, созданные по их образцу. Таким образом, мы имеем дело с продуктивной словообразовательной моделью.

Носители языка по-разному относятся к данному экспрессивному явлению. Если знание некоторого количества языковых единиц такого рода свойственно каждому, то далеко не каждый взрослый человек активно пользуется рифмованными повторами. Пройдя относительно общую для всех «школу игровой рифмы» в детстве (сказки, поговорки, считалки, песенки-дразнилки, рифмованные прозвища), некоторые носители языка принимают данную модель как личную экспрессивную универсалию, пригодную для выражения эмоционально-оценочных смыслов. В этом случае рифмованные двухкомпонентные слова используются, а также конструируются в эмоционально на-

пряжённых ситуациях легко и непринуждённо. Другие же носители языка рифмованными словами-повторами практически не пользуются. Данная тенденция прослеживается как в живой разговорной речи, так и в идиолекте писателей. Рифмованный повтор как индивидуальная речевая черта характерен для А. Гайдара, К. Паустовского, Д. Гранина, Б. Заходера. Чем объясняется предпочтение или отказ от использования этого яркого средства и механизма экспрессивности, сказать трудно. Вероятно, играют роль особенности языкового воспитания, речевая среда взросления, влияние территориального диалекта, индивидуальные творческие способности. Рифмованный повтор как своеобразный феномен русского языка и факт речевого творчества требует дальнейшего изучения.

5.

Разговорный максимализм русского речевого общения

«В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации», – писал В. Гумбольдт, и он же отмечал, что в наиболее полном и очищенном виде характер языка проявляется в живой речи [Гумбольдт 1985: 373, 374].

Одной из заметных черт русского характера является максимализм. В.В. Воробьев, представивший основные черты русскости в виде семантического поля, включает этот признак в макрокомпонент «широта души, вневременность» [Воробьев 1996: 20]. Максимализм как крайность личностной позиции связан также с другим макрокомпонентом данного поля – поляризованностью. Возможен также подход к проявлениям максимализма с позиций прагматики: преувеличения могут объясняться тем, что «говорящему выгодно представить ситуацию как обладающую некоторым признаком Р в максимальной степени – для того, чтобы подчеркнуть некоторые собственные свойства или свойства других людей» [Крысин 2008б: 253].

Предлагаемый этюд имеет своей целью первичные наблюдения над лингвокультурным феноменом максимализма личности в непринужденном неофициальном общении и описание разговорных гипербола в терминах компонентного семантического анализа. Автор убежден, что методика компонентного анализа, становлению и утверждению которой много способствовали труды Э.В. Кузнецовой [Кузнецова 1982 и др.], сохраняет свою значимость и в сферах стилистики, поэтики, лингвокультурологии. Материалом для наблюдений послужил сборник «Живая речь уральского города. Тексты» [ЖР] и личный речевой опыт автора. Привлекались также

словник экспрессивных лексем Н.А. Лукьяновой [Лукьянова 1986] и данные Фразеологического словаря русского языка.

В переводе с языка философии и лингвокультурологии на язык семантики максимализм соотносится с преувеличением (преуменьшением) в крайней степени, т.е. лингвистическим отражением предельной меры явления, гипертрофии мерного признака объекта. В составе коннотации эти семы квалифицируются как параметрические. Объектом гиперболизации могут выступать как отдельные компоненты коммуникативной ситуации (реалии действительности и умозрительные концепты в качестве темы обсуждения, говорящий, его речевой партнёр), так и ситуация в целом (затекстовой денотат и вся коммуникативная ситуация, на нём основанная).

Риторика и поэтика, с античных времен располагающая теорией тропов, для обозначения количественного усиления или ослабления, интенсификации или экстенсификации того или иного признака явления или события в представлении говорящего пользуется терминами *гипербола* и *мейозис*. В лексической семантике данные смыслы закреплены за категориями экспрессивности. В терминах лексической семантики такие компоненты семемы слова можно назвать семами чрезмерности [Матвеева 1986: 18]. Желая, однако, остаться на позициях лингвокультурологии, рассматривающей язык в контексте культуры, будем исходить не из семантического признака крайней меры явления, а из обозначенной в философской антропологии и лингвокультурологии черты национальной личности – максимализма. Такой подход более широк, он предполагает задачу выявления семантической технологии распространения определенной идеи, что позволяет обращаться на равных основаниях к данным словаря, контекста, текста, индивидуального и общего языкового сознания.

Лексический материал позволяет выявить наиболее заметные оппозиции-антиномии, демонстрирующие максимализм. Они связаны, во-первых, с идеей тотального охвата явления признаком или тотального распространения явления (обобщенно, оппозиция: всё / ничего); во-вторых, с предельными состояниями меры времени (оппозиция: вечность / мгновение); в-третьих, с акцентуацией идеи гибели, смерти как крайней точки того или иного жизненного этапа или жизни в целом (оппозиция: жизнь / смерть). Разумеется, данный ряд не является исчерпывающим, но для постановки проблемы лингвистического описания одной черты национальной личности он представляется достаточным. Рассмотрим каждую антиномию в отдельности.

1. Антиномия «всё / ничего»

О прагматической значимости лексемы *весь* (*вся*, *всё*) говорит уже набор её словарных значений и грамматических характеристик.

Пять лексико-семантических вариантов слова *весь*, так или иначе подчёркивающих идею полноты, исчерпывающего охвата, высшей степени проявления и под., морфологически и синтаксически всеобъемлющи. Данное слово способно выступать определительным местоимением (*всё лето*), местоимением в составе сказуемого (*Он весь был желание и страсть*), сказуемым (*А теперь – всё, хватит!*) показателем высшей степени проявления признака, обозначенного отвлечённым существительным (*вложить всё умение*), субстантивированным подлежащим (*Всё его занимало*), компонентом наречных сочетаний, указывающих на интенсивность проявления какого-либо действия (*во всё горло, во всю мочь, во весь опор*) Кроме того, они удерживают вокруг себя целый куст (около 30) фразеологических единиц [СРЯ-4. Т.1: 157].

Современные тексты демонстрируют высокую активность данного слова в различных его значениях, причем если словарные иллюстрации отражают объективный смысл этих значений, то разговорный обиход выявляет их относительность. Использование местоименной формы *весь*, а также других тотальных характеристик (*езде, всегда, нигде* и т.п.), по нашим данным, носит преимущественно расширительный характер. С их помощью не столько отражается объективное положение вещей, сколько подчёркивается экспрессивное осмысление этого положения, интенсификация его восприятия, см.: *Вот одна тётка соседка всю жизнь ему работу давала* [ЖР: 37]; *Или вот снопы возить // кого возить?* Он меня *всё время* // ... Их *никуда* //меня *езде* [ЖР: 37]; *До чего ж умно всё делают* [ЖР: 47]; *Пошла вымылась / все волосы* дыбом [ЖР: 53]; *Около Советской такая горка /ну там всё время* наши дети бегают [ЖР: 70]; *А подпевалы есть всегда* [ЖР: 47] и мн. др.

При этом реальная степень объективности для говорящего особого значения не имеет. Имеет значение относительно повышенная распространённость явления, передаваемая через сигнал тотального распространения. Контраст объективного и субъективного иногда очень ярок, например, реально невозможна следующая ситуация: *Она всё время пряталась за его контрабас* [ЖР: 54].

Итак, сигналы тотальности используются в том случае, когда говорящий выделяет тот или иной мерный признак явления в качестве особо значимого. Личностная значимость признака подчеркивается расширением типичности до всеобщности. Данный приём настолько распространён, что можно говорить о разговорных клише на его основе, см., например, обычную разговорную реакцию на описание негативного факта или на сам этот факт: *У нас всегда (всё, везде) так!* Максимализм говорящего нередко поддерживается ещё и контекстным усилением на основе нагнетания сигналов тотально-

сти в линейном ряду: *Он всегда и везде выпендривается; От неё никогда ничего не добьёшься.*

Использование тотальных отрицаний *никто, нигде, никуда, никогда* подчиняется тем же закономерностям: А. – *Работать некому.* Б. – *А работать всегда некому* [ЖР: 35]; *Он с тобой нисколько считаться не хочет; И главное / её никто никогда не видел раньше* [ЖР: 53] и т.п.

Социальные или возрастные предпочтения сигналов тотальности не прослеживаются, за исключением гендерных. К ним в равной мере склонны люди преклонного возраста и молодёжь, носители элитарной и просторечной культуры, представители различных профессий и видов деятельности. Данные средства несколько более активны в женской речи. Подчёркнуто экспрессивного характера контексты с сигналами тотальности не имеют. Налицо стёртый характер выразительности, которая, впрочем, легко обновляется и усиливается за счет экспрессивной интонации.

2. Антиномия "вечность / мгновение"

Преувеличение с опорой на семантику времени носит несимметричный характер: растянутость времени события акцентируется много чаще и разнообразнее, нежели его кратковременность.

Преуменьшение сосредоточено на небольшом наборе лексических единиц (*минута, секунда, мгновение, миг*) и реализуется в клишированной формуле с двойным отрицанием типа *ни минуты не...* (*Дверь открыл / чтоб обед на столе // Ни секунды ждать не хочет*), часто в свёрнутом виде (*Ни минуты покоя* <нет>). Возможно, относительно слабая представленность лексики малого времени отчасти объясняется актуальностью передающих тот же смысл сигналов тотальности *нисколько, никакой* и др.

Что касается идеи преувеличения, то разговорная речь оперирует целым рядом лексических единиц со значением времени и смыслом субъективного переживания объективной темпоральной характеристики: *час, день, неделя, год, век* и даже *вечность*. «Относительный реализм» разговорного преувеличения состоит в том, что обычно время конкретного бытового события увеличивается на порядок – не больше: *Битый час на остановке проторчала* (реально – несколько минут, не более получаса), *Весь день вчера на уборку ухлопали!* (реально – несколько часов). Подобные высказывания следует принимать с поправкой, их контекстный смысл – «слишком долго вопреки ожиданию (желанию) говорящего, норме, договорённости» и т.д. Увеличение времени события на несколько порядков свидетельствует о крайней степени неудовольствия: *Года не прошло!* – при появлении запоздавшего трамвая или сильно задержавшего приём чиновника.

Применительно к общению людей в русском речевом обиходе принято преувеличивать интервал между встречами. Активная лексическая единица здесь *год*, но она употребляется либо совместно с сигналом тотальности (*целый год, весь год*), либо с количественным укрупнением (*три года, семь лет, десять лет, годами не встречаемся*). Чаще же всего русский человек не мелочится, он мыслит гиперболически: *Сто лет не видались!*; *Тысячу [тыщу] лет тому назад*; *Вечно ты надо мной подсмеиваешься*; *Она его целую вечность ждала*.

Об употребительности подобных выражений свидетельствует стёртый характер гиперболы, особенно явственный в образном обстоятельстве *вечно* (*вечно ты копаешься; вечно он опаздывает; Танька вечно ерунду болтает*). В русской речевой практике плен времени преодолевается свободным обращением с вечностью.

Аналогичным образом гипертрофируется нежелательная повторяемость (реальная или приписываемая) явления: *Сто раз тебе повторять?*; *Я ему миллион раз про это говорила*. Так же подаётся впечатление о нежелательно большом или малом расстоянии (*за тысячу [тыщу] вёрст; у чёрта на куличках; под самым носом*) и другие смыслы (*У меня что / десять рук / десять ног?* [ЖР: 29]). Насколько позволяет судить наш материал, преувеличения на количественной основе, подобные приведённым выше, более характерны для женской речи.

3. Антиномия «жизнь / смерть»

Данная оппозиция характеризуется асимметрией речевого представления в разговорной речи. Слово *жизнь* вовлечено в экспрессивную сферу в производно-прямых словарных значениях «физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти», а также «период существования кого-л. [СРЯ-4. Т.1: 484]. Слово *жизнь*, а также обозначения периодов жизни (*детство, молодость, эти годы* и т.п.) приобретают смысл преувеличения в сочетании с сигналами тотального охвата, прежде всего, с местоимением *весь*: *А что / всю жизнь будешь техничкой полы мыть что ли* [ЖР: 71]; *Всю свою молодость она на этого идиота угробила*.

Преувеличения в области характеристик качества жизни для русского речевого обихода не характерны. Завышать качество своей жизни в целях общего оптимизма или маскировки внутреннего состояния у нас не принято, стандартные ответы на разговорно-этикетное *Как жизнь?* звучат нейтрально, с занижением оценочного градуса: *Нормально; Да ничего; Не жалуюсь; Спасибо, все в порядке* и т.п. Прибегая же к позитивному преувеличению (такое, пусть много реже, встречается) говорящий использует явные или

едва уловимые противовесы позитиву, иронически или шутливо снижая положительный пафос и уничтожая всякую возможность истолковать его высказывание как похвалу, ср. с предыдущими ответами на тот же вопрос: – *Как жизнь?* – *Бьёт ключом...* [Пауза] и *всё по голове* – явственный приём опровержения собственного тезиса на базе лексической омонимии слова *ключ*; *Хороша, проклятая!* (о водке или женщине) – приём снижения через оценочную антитезу; *Лучше всех!* – произносится со сложной интонацией подчёркнутого оптимизма и подтекстного вызова неизвестно кому, воспринимается как знак отстранённости от собеседника, нерасположенности к искреннему общению с ним на близкой душевной дистанции, что с точки зрения русского человека нехорошо. Используется и полная формула данного оборота, отголоски которой звучат в свёрнутой: *Лучше всех – никто не завидует*. Следует заметить, что влияние европейской и американской традиции повседневного общения противонаправлено, что предвещает разноречивых стереотипов и их истолкования.

Противочлен рассматриваемой оппозиции «смерть» и соответствующий ему круг лексических единиц характеризуется адресатной направленностью в крайних агрессивных проявлениях: *Убил бы!*; *Чтоб ты сдох, проклятый!* и даже: *Прибить его мало!* Однако встречается и автоцентрическое употребление, которое носит характер божбы (*Чтоб я помер!*; *Умереть – не встать!*) или резкого упрека в свой адрес (*Что я наделала, убить меня мало!*). Эти отголоски магических заклинаний, обнаруживающих удивительную речевую живучесть, в современном разговорном обиходе носят характер эмоционального выплеска без серьёзной веры в воздействующую силу излагаемого смысла, но все они относятся к числу сильных формул экспрессивного выражения, многими избегаемых.

Исключение составляет обезличенная гипотетическая формула *сдохнуть (умереть, помереть) можно*, допускающая интонационное оснащение любой эмоцией, от восхищения до крайних отрицательных чувств – отчаяния, возмущения и др., а также нейтрально-регистративное употребление.

По материалам Н.А. Лукьяновой, идея смерти как максимальной меры явления реализована в ряде разговорных лексических экспрессивов: *гибель* (грибов), *дохлятина* (о худом, тощем человеке), *казнить* «мучить», *казниться* «мучиться» [Лукьянова 1986: 218–220], впрочем, ряд этот невелик. К нему примыкает ряд разговорных фразеологизмов: *мухи дохнут* (мрут) «невыносимо скучно» [ФС: 257], *умереть (помереть) со смеху* [ФС: 494], *дохлый номер* (о нереальном, невыполнимом предложении, предприятии), *Бобик сдох* «слишком поздно».

Идея гиперболизации, реализация которой в русской разговорной речи рассмотрена на материале трёх семантических оппозиций, конечно, не сводится к этим рамкам. Она прослеживается в производной экспрессивной лексике (*адские муки, кошмарное время, жутко далеко* и т.п.), ярко выражена во фразеологии книжного и разговорного характера, вероятно, сказывается в повышенной текстовой значимости тропов и фигур речи, обостряющих идею крайности. В числе последних оксюморон, антитеза, полный контактный повтор. Представленный здесь очерк явления позволяет обозначить одну из лингвокультурологических тем, ожидающих детального исследования.

6.

Речевая техника уклончивости в диалоге

В современной лингвистике идёт активное теоретическое осмысление коммуникативного компонента культуры речи. Наиболее важный для достижения целей общения, этот компонент связан с функциональной дифференциацией языка и прагматическими условиями коммуникативного акта [Культура ... 1996: 24–26].

Целостная концепция коммуникативного аспекта культуры речи ещё не выработана, в настоящее время идёт поиск научной парадигмы коммуникативности применительно к культуре речи. Большой интерес представляет модель А. П. Сковородникова, выстраивающего состав коммуникативного компонента культуры речи на основе понятия речевой компетенции [Сковородников 2008]. Данный подход выдвигает на первый план человека в процессе общения, его владение речью, а также подчёркивает продуктивный характер речевых действий. Культура речи таким образом вплотную сближается с риторикой в широком понимании последней. Основной тезис предложенной теории заключается в том, что эффективность общения в значительной степени зависит от речевой компетентности говорящих.

А. П. Сковородниковым определён примерный набор культурно-речевых компетенций первостепенной важности, в который входят компетенция коммуникативно-стратегическая (умение выбирать коммуникативные стратегии и тактики, соответствующие авторскому целеполаганию и прагматической ситуации), аргументативная (умение находить, формулировать и выстраивать аргументацию, соответствующую утверждаемому тезису или выдвигаемому антитезису), перцептивная (умение слушать и слышать собеседника при толерантном отношении к нему), конфликтологическая (знание типичных барьеров общения и конфликтогенных ситуаций, умение преодолевать коммуникативные барьеры и достойно выходить из конфликтных ситуаций),

эристическая (культура дискуссии, дебатов, полемики) и некоторые другие [Сковородников 2008: 54].

Характеристика речевой компетенции того или иного вида возможна лишь при опоре на соответствующие научные классификации: типологию коммуникативных стратегий и тактик, теорию аргументации, систематику конфликтов и т.п. Пожалуй, наименее разработана перцептивная культурно-речевая база общения. Исходный постулат (слушать и слышать собеседника) в общих чертах понятен, но в чём состоит риторически и лингвистически конкретное его обеспечение? Какое знание и понимание должно лечь в основу данного блока культурно-речевых умений?

Ещё один существенный вопрос: можно ли говорить об успешности общения в тех случаях, когда налицо то или иное психологическое осложнение общения? Слушая речевого партнёра, можно не только воспринимать интеллектуальное содержание его речи, но и выполнять другие личные задачи, например: а) следить за эмоциями собеседника; б) наблюдать за его отношением ко мне; в) сортировать информацию, отбирая из неё ту, что мне выгодна; г) оценивать уровень общей и речевой культуры партнёра по диалогу. В разговорной речи, т. е. при неофициальном непринуждённом контактном общении, различные психологические осложнения естественны и нормальны. Если следовать правилу «Общение может быть эффективным только в том случае, если иллокуция соответствует перлокуции: адресант спрашивает – адресат может и хочет ответить; адресант информирует – адресат нуждается в информации и усваивает её и т.п. » [Культура ... 1996: 30], то слишком многое останется за рамками научного описания эффективного общения.

Перцептивная компетенция говорящего, как и другие виды речевой компетенции, связана с опытом наблюдения над определёнными речевыми технологиями и опытом участия в их реализации. Только выявление и описание имеющихся в распоряжении носителей русского языка и широко применяемых ими конкретных речевых технологий создаст базис для определения объёма культурной компетенции и культурно-речевого обучения в данной области. При этом, несомненно, должно уделяться внимание как иллокутивно-перлокутивному (прагматическому) согласованию, так и типовому рассогласованию целей речевых партнёров.

Остановимся на одной из прагматически осложнённых речевых технологий, связанной с желанием собеседника уклониться от предлагаемой откровенности без явного нарушения вежливости по отношению к речевому партнёру. Эта не такая уж редкая психологическая коллизия характерна для непринуждённого неофициального общения и составляет одну из сложных сторон разговорного диалога. Не будем связывать данную коллизию исключительно с поведенческо-

коммуникативной ситуацией «Откровенность» [Верещагин 2005: 614-621], поскольку искренность является одной из максим общения в целом, и коммуниканты имеют моральное право постоянно рассчитывать на соответствие интенций, согласованность иллокуции и перлокуции. Тем не менее, мера откровенности в живом речевом общении сильно варьирует в зависимости от темы разговора, характера отношений собеседников, наличия или отсутствия третьих лиц, дальних целей и даже настроения коммуникантов.

Из множества возможных форм выражения названного смысла выберем для рассмотрения только одну – ответную часть вопросно-ответного диалогического единства, в первой части которого один собеседник запрашивает информацию у другого, а во второй этот другой уклоняется от адекватного информативного ответа. Сосредоточимся на речевом поведении второго собеседника, обозначив общий смысл такого поведения как *уклончивость* и назвав такую ответную реплику *уклончивым ответом*.

Для диалога характерно совмещение речемыслительных функций [Якубинский 1986]: во время говорения коммуникант считывает реакции речевого партнёра и корректирует свою речь в зависимости от них; во время слушания он реагирует на высказывание партнёра и обдумывает продолжение своей речевой партии. Общее движение к цели общения осуществляется в непрерывном балансировании сторон. В зависимости от личной цели и психологического состояния каждого говорящего, от умения понять другого, от меры готовности к компромиссу развитие диалога может быть гармоничным, а может осложняться, обостряться, даже разрушаться.

Уклончивый ответ двойствен по своей психологической природе. Он работает на дисгармонию, поскольку идёт в разрез с ожиданиями собеседника, но одновременно минимизирует эту дисгармонию, поскольку является не прямым, а косвенным отказом от информирования.

Проследим структурно-содержательное варьирование уклончивых ответов. Будем основываться при этом на восходящем к теории Ш. Балли делении информации на диктумную (объективную) и модусную (субъективную) [Балли 1961]. Уклончивые ответы могут строиться как на речедеятельностных операциях в сфере диктума, так и на модусных реакциях, с преобладанием последних.

Возможные операции (речевые поступки) в диктумной области – это логические операции с темой и другими информационными составляющими (например, пространственными и темпоральными) предшествующего высказывания речевого партнёра. Наиболее распространено расширение содержания ответа по сравнению с поставленным вопросом.

- *Когда едешь?*

- *Нескоро ещё.*

Возникающая при этом информационная расплывчатость, неопределённость не обязательно связана с уклончивостью говорящего. Уклончив ли ответ *да потом когда-нибудь; успеется; это ещё неточно; надо будет – сделаю; что-то вроде этого; ну да, похоже;* и т.п., выясняется не сразу. В развитии диалогического единства по той же вопросно-ответной модели последующее информационное уточнение снимает подозрение в уклончивости, тогда как продление неопределённости говорит о её наличии, ср. два варианта развития приведённого выше диалога:

1. - *Не определился ещё?*

- *Да не во мне дело. С билетами проблемы могут быть. Завтра займусь конкретно.*

2. - *Не определился ещё?*

- *Ну вроде того.*

В ответной реплике, начинающейся с отказа от предлагаемого действия или информирования по запросу (*не буду, не знаю, не имею представления*), модальный статус этой реплики меняется, если её второй содержательный компонент содержит мотивировку отрицания (*не буду, я уже пообедал; не знаю, это неизвестно ещё; не хочу, дома закормили; не имею представления, это вообще не моя компетенция*). Конкретная субъективная модальность отрицательных ответов такого рода различна, в том числе двухкомпонентное ответное высказывание может приобретать признаки уклончивости. Обычно это связано опять-таки с лексическими сигналами неопределённости в составе мотивирующего компонента: *не знаю, возможно (может и так; может стать; говорят; кто-то говорил, не помню кто; слышал недавно)*.

Таким образом, уклончивость связана с расширением зоны неопределённости, созданием эффекта информационной приблизительности, усреднённости, расширительности, всеобщности. Недаром в число самых распространённых разговорно-этикетных реплик входят ответы *нормально* и *ничего*: *Как дела (здоровье, семья, дети, на работе, отдохнул и т. д.)? – Нормально; Ничего, спасибо*. Узаконенная уклончивость речевого этикета самодостаточна и не требует специального обдумывания в процессе протекания диалога. Вне этикетного общения уклонение от информационной адекватности ответа по отношению к вопросу нередко представляет собой частную проблему общения, которой спросивший может уделить дополнительное внимание, занявшись уточнением первоначальных наблюдений над речевым поведением собеседника.

Неопределённость может создаваться с помощью апелляции к общему опыту собеседников, причём в неинформативном ответе на

вопрос подчёркивается отсутствие информационной новизны, однородность и единообразие событий:

- *Что у тебя новенького?*

- *Да всё то же (сам знаешь; да как всегда; нечем тебя удивить; нового ничего; ровно ничего; всё старенькое; что вчера, то и сегодня; каждый день одно и то же; и т. п.)*

Интересным способом создания эффекта неопределённости является использование антонимических конструкций с повторяющимися союзами: *и да и нет; то так, то этак; то ли будет, то ли не будет; что вчера, что завтра;* и т. п. Их «объёмности» противостоит «частичный ответ», хорошо демонстрирующий информационную неадекватность по отношению к вопросу:

- Ты учиться-то собираешься?

- **По утрам** да.

Распространены уклончивые ответы со словами *частично, отчасти, сколько-то, временами, местами, понемножку, слегка, более или менее*. Часто они носят шуточный характер, это особенно заметно при создании смысловых контрастов:

- *Он тебе нравится?*

- *Местами.*

Данный приём переводит разговор в жанр поверхностной болтовни. Если это не устраивает инициатора диалога, то разговор может развернуться в конфликтную сторону (*Уж эти твои вечные шуточки!*). Принятие же шутки свидетельствует о том, что уклончивость понята и признана, так что нужно менять тему или же добиваться устранения информационной недостаточности более тонкими средствами, в лёгкой непринуждённой тональности.

Ещё один способ отступления от информационной адекватности вопроса и ответа в разговорном диалоге – это «возвращение вопроса»:

- *Он тебе нравится?*

- *А тебе?*

Данный приём – ответ в форме вопроса – свидетельствует о нежелании как положительного, так и отрицательного ответа на поставленный вопрос, в этом и состоит уклончивость. В разговорной речи имеются и стереотипы преодоления последней, см., например, развитие приведённого диалога:

- *Я тебя первая спросила (или: Вопросом на вопрос не отвечают; Не хочешь ответить? Что, слабо сознаться?).* Применение автонаправленного высказывания или сентенции не требует от уклоняющегося дополнительных речевых действий, тогда как лобовой «разоблачающий» вопрос требует специальной реакции: – *Не хочешь ответить? – Ну почему не хочу...Он всем нравится.*

При желании продолжать линию уклончивости в ход идёт описанная выше техника экспликации неопределённости или расшири-

тельности: *да как тебе сказать...; может быть*. Отдельный приём – сразу распространить ответ на многих, скрывая личное отношение, о котором следовало бы говорить:

- *Тебе Олечка нравится?*

- *У нас в классе все девчонки уродины.*

Может также продолжаться «оборонительно-наступательная тактика», заявленная в «возвращённом вопросе» (*Как и тебе, я думаю*).

Сходным образом может применяться приём откладывания ответа, это либо прямое откладывание: *потом как-нибудь поговорим; завтра расскажу; давай в другой раз об этом; только не сегодня об этом*; либо косвенное: *некогда мне сейчас*. Отложенный ответ не связан исключительно с уклончивостью адресата вопроса, он может быть продиктован и объективными причинами. Применяется также критика вопроса: *Ну ты такие вопросы задаёшь!; Что за вопрос!; Большие ничего не придумала спросить?; Вечное твоё любопытство!*

Впрямую с уклончивостью связано «смеховое прикрытие», маскировка нежелания откровенности с помощью готовых шутиливо-разговорных формул: *Как дела? – Как сажа бела; Как жизнь? – Бьёт ключом. (И всё по голове); Как живём? – Хлеб-сало жуём*. Как правило, такой ответ оформляется шутиливой или неопределённой интонацией, отмечается несовпадение интонации и мимики (например, тональность огорчения сопровождается улыбкой, несколько опровергающей этот тон). Соответствие удручённого тона и мимики выводит данный ответ из числа уклончивых и вызывает другое развитие диалогического единства – уточняющий вопрос: *Что случилось (что такое; у тебя неприятности; что-то не так? и т.п.)?* Уклончивый ответ двойствен. Он звучит – и это соблюдение коммуникативной конвенции (вопрос предполагает ответ, ответ обязателен), однако он недостаточно информативен, информативен лишь по форме, неоднозначен – и это нарушение едва ли не всех правил кооперации, сформулированных Г. Грайсом [Грайс, 1985]. Явственный диссонанс формы и содержания свидетельствует об уклончивости как намеренном речевом поступке.

По ходу перечисления речевой техники уклончивости мы всё более перемещаемся из области диктума в область модуса. Н. Д. Арутюнова отмечала, что «вторые реплики создают благоприятную почву для образования модусных слов» [Арутюнова, 1990: 176–177]. Самое общее положение, связанное с уклончивостью речевого партнёра, заключается в переводе ожидаемой реальной информативности в сферу субъективных смыслов, ведущим из которых является модальность возможного: *возможно; (очень) может быть; допустим; предположим; не исключено, надеюсь, хорошо бы и т.п.* Именно модальность предположительности сопряжена с зоной информационной неопреде-

лѐнности, которая чаще всего не устраивает собеседника. Это ясно проявляется в официально-деловом функциональном стиле, где в жанре допроса ведѣтся открытая борьба как против запираательства, так и против уклончивости:

- *Инициатором этого издания был Евпатий Воронцов?*

- *Не знаю.*

- *Глупо. Вы не можете не знать. Вы же были одним из авторов журнала. Итак, Евпатий Воронцов?*

- *Ну, допустим...*

- *Такой ответ может иметь слишком широкое толкование. Давайте конкретнее. Да или нет? (Л. Филатов. Свобода или смерть)*

Итак, диктумная семантика может дополняться субъективно-модальной, субъективно-модальный смысл предположительности хорошо сочетается с неопределѐнно-расширенной диктумной базой. Кроме того, каждый из компонентов, диктумный и модусный, может использоваться самостоятельно. Выявляется также и главное противостояние в наблюдаемой сфере. Уклончивость – враг конкретности, и снимается уклончивость за сѣт конкретизации.

Уход от конкретизации субъективно-модальным способом может осуществляться и по-другому. «Уклонист» может прибегать к переводу разговора в эмоционально-оценочную сферу. Вместо ответа на запрос информации инициатору диалога предлагается оценка запрашиваемой информации. Как правило, значимость этой информации сильно занижается: *неважно; это пустяки; ерунда (чепуха, глупости, чушь, галиматья, дурь) всё это;* и др. Применяется также прямое увещание собеседника, цель которого – убедить его в несостоятельности, ненужности только что заданного вопроса: *не стоит внимания; не беспокойся, не бери в голову, не забивай себе голову, да не выдумывай* и т.п. Оба эти компонента могут применяться совместно, в любом порядке следования: *Не бери в голову, чушь всё это!; Это пустяки, не забивай себе голову.*

Иногда значимость заданного вопроса намеренно завышается. При этом также применяется оценка содержания вопроса, а эмоциональная направленность высказывания имеет другой вектор – говорящий эксплицирует собственное мнение: *это трудный вопрос; спроси о чём-нибудь полегче; не порти мне настроение такими вопросами; не расстраивай меня; не сыпь мне соль на раны* и т. п. В арсенале отвлекающих высказываний множество нейтральных стереотипных выражений, а также разговорных и экспрессивных. Возможны также эмоциональные оценки ситуации в целом.

- *Что дома-то?*

- *Да горе одно (беда просто, кошмар, завал, хуже некуда, страх и ужас).*

Для эмоциональной оценки содержания вопроса применяется также фигура умолчания: так ответ на вопрос *Что дома-то?* может состоять только из красноречивого взгляда, удручённого выражения лица, характерного жеста «махнуть рукой на что-л.», возможно, в сопровождении частицы *да*. В качестве финального сигнала уклончивости используются частицы или целостные разговорные синтаксические конструкции с частицами *ладно, да, ну вот: ну, чего уж там; вот так вот*.

Характерно, что приём отвлечения от содержания вопроса часто подкрепляется контактным встречным вопросом или предложением, нацеленным на смену речевого лидерства и отправляющим спросившего в сферу его собственных интересов: *Что дома-то? – Полный завал. Ну что уж тут... У вас как? (Про своих расскажи; Давай лучшие вчерашнее обсудим)*.

Итак, с логической точки зрения уклончивость базируется на трёх идеях: семантической неопределённости ответа, его оформления в модальности возможного и переключении внимания собеседника с интеллектуальных вопросов на эмотивные. Лингвистическая реализация каждой из этих идей обеспечена большим количеством речевых стереотипов и возможностью креативных речевых конструкций, образованных по их образу и подобию. Соответственно, наличие таких речевых единиц может служить для опознания уклончивости как таковой.

Полное опознание уклончивости предполагает учёт более широкого, чем вопросно-ответное единство, контекста. Вопросно-ответное единство, имеющее сигналы уклончивости в ответной части, достаточно для того, чтобы предположить уклонение от информативной адекватности. Дальнейшее «расследование» проблемы с помощью новых вопросов позволяет или установить искренность собеседника (он может действовать в зоне семантической неопределённости или модальности возможного от объективного незнания, непонимания, недостаточной информированности), или удостовериться в его уклончивости. Аргументы в пользу одного или другого вывода лежат в сфере разграничения конкретного и абстрактного, информативного и неинформативного высказываний. Конкретизация говорит в пользу искренности, нагнетание неопределённости, ирреальности – в пользу уклончивости. При этом следует сделать оговорку о мастерстве лжеца, который, вероятно, сумеет сыграть искренность или уклончивость по всем правилам русского речевого общения. Анализ такого мастерства не в наших силах.

Рассматривая уклончивость как разновидность речевого воздействия, отметим его этическую неоднозначность. Уклончивость как семантическая размытость и/или недостоверность может быть обусловлена эгоистическими интересами говорящего. Скрыть информа-

цию, отодвинуть разговор на предложенную тему, защитив тем самым свой внутренний мир от посягательств другого, – вот что может быть мотивом уклончивости. Есть ли такое право у говорящего? Безусловно. Но есть ли право у его собеседника на то, чтобы добиваться информационной полноты по интересующей его теме, связанной с этим речевым партнёром? Столь же безусловно.

Другую значимость имеет уклончивость альтруистического толка. Собеседник уклоняется от информирования запрашивающей стороны с тем, чтобы скрыть болезненные, ранящие сведения, уберечь собеседника от психологического удара, тяжёлых переживаний. Он опять-таки вправе делать это, но и противоположная сторона имеет право противодействовать уклончивости. В любом случае налицо несовпадение интересов и, как результат, коммуникативно-прагматическая противоречивость диалогического текста. Какова в этом случае коммуникативная компетенция сторон речевого общения, которая может быть рекомендована в качестве коммуникативной нормы и образца для подражания?

В речевом быту этноса формируются устойчивые речевые и речеповеденческие образцы для повторяющихся ситуаций, или культурные стереотипы. Нормы общения распространяются и перенимаются именно путём демонстрации и усвоения этих образцов [Тарасов 1994: 111]. Нет оснований сомневаться в том, что стереотипизация происходит и в ситуациях прагматического рассогласования, а также в том, что русская речь располагает речеповеденческими образцами для подобных ситуаций. В задачи культуры речи входит выявление тех стереотипов, которые являются социально благоприятными, обеспечивающими толерантность общения, а также стереотипов конфликтной направленности – с целью их предупреждения. Гармоничное развитие диалога возможно только при соблюдении баланса прав и обязанностей обеих сторон речевого общения.

Исчисление семантических идей речевого общения (уклончивость – одна из них), их полное речедетальностное описание, выявление речевых и речеповеденческих стандартов в связи с каждой из них необходимы как реальный базис перцептивного компонента культуры речи, теснейшим образом связанного с этическим. Применительно к анализируемой категории культурную компетенцию личности составит владение речевой технологией уклонения от информативного ответа на запрос информации. Она предполагает, во-первых, умение выявить наличие уклончивости сначала с помощью опоры на речевые стереотипы в реплике-реакции, а затем путём запроса конкретизации первоначального гипотетически уклончивого ответа; во-вторых, после речемыслительного анализа мотивов уклончивости выбор одного из путей дальнейшего развития диалога: а) щадящего для собеседника (его уклончивость принимается как правомерная, прово-

кативная тема заменяется другой, настойчивый запрос конкретизации не производится) или б) нежелательного для собеседника (с помощью дальнейшей серии вопросов ведётся «следствие», цель которого – снять неопределённость и добиться информативной конкретности; при этом инициатор диалога должен отдавать себе отчёт в том, что эти речевые действия способны вызвать противодействие, так что общение может перерасти в конфликт).

В разговорном диалоге и, шире, диалогической речи в целом трудно рассчитывать на полное прагматическое согласование интенций речевых партнёров. рассогласование, связанное с изначальными намерениями собеседников или возникающее по ходу разговора, естественно и правомерно, так что в состав культурно-речевой компетенции перцептивного и иного характера должно быть включено умение отслеживать несогласованность и принимать речевые меры для её уменьшения (если это целесообразно с точки зрения говорящего). Что же касается обострения несогласованности, что тоже может являться целью одного или обоих собеседников, то здесь образцы речевого поведения, отвечающего этическим нормам этноса регулируются правилами толерантного поведения во время конфликта на любой его стадии.

7.

Оценочная мотивация и экспрессивность слова

Средства достижения экспрессивности слова связаны с разными уровнями языковой системы. Производные экспрессивные слова обнаруживают связь выразительности и особенностей мотивации. В ряде случаев экспрессивность заимствуется: в современном русском языке она зависит от внутренней формы, которая достаточно легко прочитывается в мотивированной лексической единице: *выдолбить* «выучить», *подкоряжиться* (диал.) «подбочениться», *вздыморильничать* (диал.) < *вздымать рыло* «зазнаваться», *наполоскать* (диал.) «избить», *трепаться* (разг.) «болтать» и т.п.

Наблюдая семантические связи мотивированных экспрессивных глаголов с их мотиваторами, отмечаем в качестве типичного явления оценочную внутреннюю форму. Рассмотрим данное явление на материале глагольной лексики в говорах Среднего Урала. Во внимание принимаются семантические отношения глаголов, имеющих оценочную внутреннюю форму, с лексическими (по линии корня) мотиваторами. Дополнительно рассматриваются семантические отношения со структурными (по линии словообразовательных аффиксов) мотиваторами.

Лексические мотиваторы экспрессивных глаголов могут быть как экспрессивными, так и нейтральными. Если лексический мотива-

тор экспрессивен, то мотивированный глагол вбирает в себя основу его лексического значения. Структурные мотиваторы при этом имеют, как правило, распространённые общеязыковые значения: *втетериться* «попасть в неприятное положение, влипнуть» < *тетеря* (прост.) «употребляется в неодобрительных и бранных выражениях» [СРЯ-4. Т.4: 362], ср.: *влюбиться*; *изварначиться* «испортиться, сбиться с пути, стать негодяем» < *варнак* «хулиган, жулик, плохой человек», [СРГСУ. Вып.1: 67], ср. *испортиться*; *сошляпничать* «опростоволоситься, просмотреть» < *шляпа* «о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке» [СРЯ-4. Т.4: 724], ср. *сглупить*. Приведённые диалектные глаголы и их литературные соответствия имеют совпадающую словообразовательную структуру и одинаковые аффиксы.

К числу случаев, когда мотивированный глагол воспроизводит семантику мотиватора, специализируя её по линии глагольности, относим и глаголы, парные с существительными – обозначениями лица: *блекотать* «говорить пустое» < *блекота* «болтливый человек»; *варначить* «безобразничать, хулиганить, озорничать» < *варнак*; *колабиться* «любезничать» < *колаба* «возлюбленный, милый» и др. Вслед за И.С.Улукановым, считаем мотивированными глаголы, а не существительные, так как они имеют значение «совершать действие, обычно производимое тем, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным», и, следовательно, «существительное является исходным (более простым) по смыслу и по форме» [Улуканов 1977: 144].

Отклонения от семантики мотиватора идут в мотивированном глаголе по заданной экспрессивным мотиватором эмоционально-оценочной линии: *варнак* > *изварначить* «испортить дурным воспитанием, избаловать»; *хайло* (груб. прост.) «рот, горло, глотка» > *хайлиться* «ругаться», *брякать* > *пробрякать* «прожить, просуществовать» и др. Мотивированное и мотивирующее слова разнятся по семному составу (понятийным семам), что совершенно естественно, но идентичны по эмоционально-оценочным элементам значения, причём мотивированное заимствует их у мотиватора.

Структурные мотиваторы производных глаголов этой группы могут быть безотносительны к экспрессивности мотивированного глагола (суффиксы *-нич-*, *-ива-*, префиксы *в-*, *с-*), могут и усиливать экспрессивный эффект своей семантикой полноты, интенсивности, результативности действия (суффикс *-ану-*, префиксы *вы-*, *из-* (*изо-*, *ис-*), *про-*, *у-*, *раз-* (*разо-*, *рас-*)).

Все экспрессивные лексические мотиваторы ярко оценочны в интеллектуальном и эмоциональном плане. Часть их относится к грубой, бранной лексике: *жмот* > *жмотничать*; *лешак* I. Леший. 2. Перен. Употребляется как бранное слово [СРГСУ. Вып. 2: 95] > *лешакаться* «браниться, ругаться». Другие оценочные существительные, выступающие в роли лексических мотиваторов, содержат не столь

резкую, но тоже достаточно отчётливую отрицательную оценку: *армяк* (перен. экспр.) «растяпа» > *армечить* «бездельничать», *брында*, *хлызда* «обидчивый, капризный» > *брындить*, *хлыздить* «отказываться от игры или начатого дела из каприза, из обиды, без каких-либо оснований»; *бутуз* «упрямый, капризный ребенок» > *бутуситься*, *бутузиться* «хмуриться, сердиться»; *ересь* «строптивость, несговорчивость, капризы» > *ереститься* «сердиться, браниться»; *гомоза* «беспокойный ребенок» > *гомозиться* «возиться, беспокойно вести себя, ворочаться».

Перейдем к рассмотрению мотивированных экспрессивных глаголов с неэкспрессивными лексическими мотиваторами. Последние, в отличие от экспрессивных мотиваторов, в большинстве не связаны с обозначением лица и вообще одушевлённого предмета. Чаще всего это конкретно-предметная лексика, и оценочность свойственна не всем мотиваторам данной группы.

Семантическое соотношение мотивированных экспрессивных глаголов со своими нейтральными мотиваторами противопоставлено аналогичному соотношению с экспрессивными мотиваторами. Включение ядра исходного значения в значение мотивированного слова встречается очень редко, зато типично разобшение семантики мотиватора и мотивированного. В качестве мотивировочного признака выступает, как правило, периферийный компонент лексического значения или ассоциация, связанная с мотиватором: *ушпарить* «уйти, убежать», *отпластывать* «быстро, споро делать что-либо», устирать «избить», *исхлестаться* «устать, утомиться» – параметрический по типу мотивировочный признак интенсивности.

Иногда в современном языке мотиватор и мотивированный глагол вообще не имеют семантических точек соприкосновения (даже ассоциации затруднительны): *натрезвониться* «наестся до отвала»; учесать «уйти, убежать»; *сарафанить* «бить». Такого рода внутренняя форма условно названа автором парадоксальной [Матвеева 1979].

В числе мотивировочных признаков производных экспрессивных глаголов оценочным элементам значения мотиватора принадлежит заметное место, причём в большинстве случаев фиксируется такое положение вещей только через мотивированный глагол, который как бы проявляет оценочный смысл мотиватора. Подтверждается тезис А.И. Моисеева: «Фактическое соотношение мотивации и значения чаще всего таково, что не только значение узнаётся по мотивации, но и мотивация определяется по значению» [Моисеев 1963: 123].

Рассмотрим несколько случаев мотивации на основе оценочной семантики. Эмоциональная оценка мотивированного экспрессивного глагола может проистекать из интеллектуальной оценки мотиватора, причём, как и при экспрессивном мотиваторе, противоречий между оценочными элементами смысла мотивированного и мотивирующего

не бывает, оценочная линия едина. Она задаётся мотиватором и реализуется во всех его мотивированных.

Глагол *килить* «1. Болтать без умолку. 2. Ворчать», а также глагол *килиться* «сердиться» мотивированы существительным *кила*. Наиболее распространенное прямое значение этого слова – «то же, что грыжа» (прост.) // «всякая опухоль» [СРЯ-4. Т. 2, 48]; Такое же значение зафиксировано в словаре В. Даля: *кила* «грыжа, подкожный пролом в брюшных покровах и выход в черев // холодная опухоль разного рода» [Даль. Т. 2: 108]. Диалектные словари фиксируют и другие значения: *Кила* и *кила* «1. Нарыв, чирей, карбункул» 2. *Рассыпная кила*: «переходящая с места на место ломота» [СРНГ. Вып. 13: 205-206]; *Кила* и *кило* «1. Нарост на капусте и других овощах. 2. По суеверным представлениям, болезнь, которая появляется от колдовства, дурного глаза» и т.п. [Деул: 221]. Все отмеченные значения данного существительного с точки противопоставления «положительное / отрицательное для человека» (а в этом суть категории оценочности) связаны с пейоративностью: человек однозначно воспринимает болезнь как отрицательное явление. Для прямых значений названных слов характерна рациональная денотативная оценочность. Отсюда отрицательная, причём уже и эмоционально-отрицательная оценка в переносном экспрессивном лексико-семантическом варианте *кила* «ворчун, ворчунья» [СРГСУ П, 26] и, далее, то же в экспрессивных глаголах *килить*, *килиться*. Видимо, мотив переноса заключён именно в элементах оценки, в ассоциации оценочного характера.

Аналогичное семантическое соотношение наблюдаем в экспрессивных глаголах *костерить* «бранить», *накостерить* «наделать, натворить что-то», *перекострячить* «перебить». Все эти глаголы можно связать с мотиватором *костра*, *костеря* «жёсткая кора растений, годных для пряжи льна, конопли» [Даль. Т. 2: 175]; в говорах Среднего Урала зафиксированы варианты *костеря*, *костяка*, *костица*, *кострина* [СРГСУ. Вып. 2: 54]. Костра – жёсткая и колючая, непригодная для прядения, ненужная в данном случае человеку часть растения. Процесс отделения костры от волокна трудоёмок и неприятен, поэтому естественно отрицательно-оценочное восприятие данного явления / слова. Кроме того, данный трудовой процесс сопряжён со значительной тратой энергии, с интенсивностью, что тоже важно в ассоциативно-мотивационном плане. Соответствующие семы коннотации исходного слова (сема отрицательной рациональной оценки и сема интенсивности) служат семантическими множителями, т.е. используются в качестве мотивировочного признака при создании производных экспрессивных глаголов (ср. приведенные выше глаголы с корнем -*костр*-. они различны в плане понятийной семантики, но идентичны в эмоционально-оценочном плане).

Глагол *мурзиться* «ворчать» воспроизводит отрицательную оценку мотиватора *мурза* «татарский князёк, наследственный старшина» [Даль. Т. 2: 360], которая логично объясняется историческим опытом русских (*мурза* – чужеземный угнетатель). Глаголы с корнем *свах* / *сваи* (*сваишь* «ходить без дела, заниматься сплетнями»; *осваивать* «заходить или заезжать в какие-либо места»; *просваишь* «прогулять, прослоняться без дела») выявляют отрицательную оценку в семантике мотиватора *свах*. Эта оценка не осознаётся явственно в лексическом значении данного существительного, но, видимо, представление о праздности, второстепенном характере данного рода занятий свойственно его народному осмыслению, а праздность никогда не оценивается положительно, см. высказывания: *Ходит. сваишь, делать неча дак!*; *Ходила осваивала деревню, а не робила* (с возмущением). В данном случае в производном экспрессивном глаголе происходит развитие значения мотиватора по линии оценки.

Сходное явление наблюдается в глаголе *коледить* «болтать», который можно связать с существительным *коляда*, *коледа* «старинный рождественский и новогодний обряд, сопровождавшийся обходом соседей с песнями» [СРНГ. Т. 14: 221]. Данный обряд – это увеселение, потеха, шутки-прибаутки, т.е. нечто с деловой точки зрения неважное, пустое. Здесь и содержится мотивировочный признак, основание для внутренней формы *колед(а)* в глаголе *коледить* со значением «болтать», т.е. «говорить несерьёзно, попусту или привирая»: *Не коледи околёсну!* [СРГСУ, Вып. 2: 38].

Любопытно, что мотивировочным признаком может служить даже эстетическая оценка явления. Так, глагол *скудельить* «сделать что-либо небрежно, кое-как» имеет внутреннюю форму *кудель*, *куделя* «волокно льна, обработанное для приготовления пряжи». Мотиватор обозначает полезную, нужную, ценную вещь, которая, однако, не отличается внешней приглядностью. Кудель – это всегда нечто бесформенное, неопределённого цвета, неаккуратное, некрасивое. Эта оценка, эстетическая по своему характеру (с точки зрения противопоставления «прекрасное / безобразное») и, безусловно, потенциальная для существительного *кудель*, извлечена на поверхность как мотивационный признак глагола *скудельить*. Аналогичное соотношение видим для глагола *накулебякать* «плохо, неумело сделать что-либо» и существительного *кулебяка* «большой продолговатый пирог с начинкой»; глагола *кулебячить* «валить руками, сваливать, мять, гнуть и складывать, стряпать и лепить» [Даль. Т. 2: 215].

Таким образом, оценочная сторона семантики мотиватора чрезвычайно важна при образовании производных экспрессивных глаголов. Она бережно воспроизводится или даже усиливается производным словом. Оценочная семантика может выступать в качестве единственного мотивировочного признака, тогда как понятийная семанти-

ка мотиватора и мотивированного не имеют ничего общего. В таких случаях экспрессивный глагол обладает наибольшей семантической контрастностью, необычность его устройства – специфическая внутренняя форма – приобретает свойство сохранности. Она чаще всего явственна в современном слове и обеспечивает длительный эффект экспрессивного воздействия.

Оценочная внутренняя форма – только одно из средств экспрессивности, связанных с внутренней формой глагола. Качественное своеобразие данного средства экспрессивности заключается в опоре на оценочную сторону семантики мотиватора; общность с другими однотипными средствами создается использованием в роли мотивировочных признаков несущественных (потенциальных) элементов семантики мотиватора.

8.

Оценочная лексика и её аксиологические возможности

Экспрессивная (субъективно-оценочная) лексика противостоит дескриптивному лексическому фонду избирательно: в одних случаях слово-дескриптор обрastaет целой группой оценочных синонимов, в других не имеет ни одного. При этом под оценочным синонимом мы имеем в виду полнoзначные актуальные слова с коннотативным компонентом и обязательными эмотивными семами в его составе. Словообразовательные дериваты, образованные на базе дескриптивного слова с помощью субъективно-оценочных аффиксов (*денёчек, шоферюга, силушка*), в силу их промежуточного положения между названными лексическими типами во внимание не принимаются. При этом весь дескриптивный фонд общего языка – уже созданный и функционирующий лексикон – безусловно отражает «освоенную или осваиваемую части вселенной» (Н.Д. Арутюнова), стало быть, может подвергаться оценке весь без остатка. Зададимся вопросом о возможности выразить оценку любого дескриптивно номинированного объекта реальной и виртуальной действительности (а также объектов, ещё не номинированных) лексическим способом, т.е. с помощью отдельных слов, специально сформированных для выражения субъективной оценки. Есть ли предел оценочности, а если есть, то на каком основании он устанавливается?

Все глобальные семантические сферы языка теоретически открыты для оценочного отражения в лексике. В реальности наиболее детально проработана оценкой сфера «Человек». Общие оценки человека и его действий, частные оценки физических, деловых, морально-этических свойств личности находят выражение в многочисленных, состоящих из десятков слов рядах экспрессивных синонимов дескриптивных слов. Предметно-вещный мир, созданный человеком (семан-

тическая сфера «Артефакты») отражён в оценочном зеркале гораздо более избирательно. Экспрессивно-оценочные синонимы имеются в составе наиболее актуальных тематических групп данной сферы: «жильё», «одежда и обувь», «пища», «транспорт» и др., однако большинство конкретно-предметных слов, в том числе широко распространённых, субъективно-оценочных языковых синонимов не имеет.

Явления объективной действительности, не зависящие от человека в том смысле, что они даны ему изначально (семантическая сфера «Природа»), в плане оценочного лексического отражения чрезвычайно бедны. В русском языке нет специальных слов, созданных для того, чтобы выразить понятия «плохое» или «плохо» о солнце и луне, небе и земле, море и ветре, т.е. нет слов со значением «плохое солнце», «хорошая гроза», «плохое явление природы», тогда как есть слова *гад, сволочь, скот; барахло, шмотки, драндулет*, т.е. слова с обобщёнными значениями «плохой человек»; «плохая вещь». Исключение составляет погода и отражение плохой погоды пограничными (то ли дескриптивными, то ли рационально-оценочными) словами *непогода* и *ненастье*.

Таким образом, оценочность избирательна. В то же время она предела не имеет: оценить можно всё, поскольку в языке действует механизм выстраивания оценочной синонимической параллели дескриптивного слова при помощи оценочных слов с размытым денотативным базисом лексического значения. Степень денотативной обобщённости таких слов различна — от слияния сходных, сближенных дескриптивов (*вали, чеши отсюда* — уходи, беги) до значительного (*дребедень, белиберда, мура, чушь* — о любом информационном явлении) и максимального обобщения, когда с помощью оценочного слова может быть охарактеризован чрезвычайно широкий круг явлений: *Дрянь, а не человек (кресло, задача, погода и т.д.); Какое барахло!* (о человеке, пальто, борще, кинофильме, гостинице, конференции и т.д.). Одним словом, если в поле оценочного внимания говорящего попадает явление / понятие, не имеющее языкового оценочного синонима, можно воспользоваться обобщённым оценочным словом, встроив его в контекст.

Однако, как уже упомянуто, применительно к отдельным классам объектов данная тенденция слабеет и проявляется специфично в качественном отношении. Вернёмся к лексике природы (*солнце, луна, небо, звезда, облако, земля, море, река, озеро, гора, погода, гром, дождь, ветер* и т.п.). Слова-дескриптивы данной семантической сферы, как правило, не только не имеют оценочных синонимов, но с трудом и далеко не все встраиваются в экспрессивно-оценочные лексико-синтаксические формулы, особенно с отрицательным оценочным смыслом. Можно сказать: *Солнце (море, озеро, гроза, облака) замечательное (-ая, -ые)!*, но гораздо реже и только в специфическом кон-

тексте услышишь или скажешь: *плохое солнце* (т.е. сегодня не удастся позагорать, как хотелось); *никчёмная гора* (не подходит для намеченной тренировки альпинистов) и т.п. Наконец, в данной сфере люди, как правило, избегают резких эмоционально-оценочных характеристик типа: ***Видеть не могу эту гадость!*** (о солнце, озере, даже пасмурном небе, даже надоевшем пейзаже). Исключение составляет погода, в оценочной характеристике которой человек более свободен. Однако и в этом случае используется малое количество стандартных формул (*Погода – дрянь / хуже некуда*) и очень употребителен энантиосемический ход: на базе мелиоративного слова с помощью соответствующей синтаксической конструкции, а также интонации создаётся пейоратив (*Ну и погодка / утречко!* – с огорчением).

На морфемно-словообразовательном уровне, вопреки общей экспрессивной тенденции, тоже прослеживается преобладание «оценочного плюса»: большинство единиц группы легко образует мелиоративные суффиксальные модификации (*солнышко, небушко, земляшка, громушко, дождичек, лужочек* и др.), однако далеко не все способны к образованию соответствующих пейоративов (где слова, содержанием которых является уничижительное, неодобрительное личное мнение о солнце? небе? туче? громе?). Лишь явления сравнительно небольшого объёма или силы можно обозначить со слабым оценочным снижением: *речушка, озерушко, дождишко*. Отдельные же слова (например, *луна, гроза*) вообще не образуют оценочных дериватов.

Таким образом, наблюдается оценочная лакуна: отсутствие собственных оценочных номинаций в зоне слабого действия общеязыкового оценочного механизма. Кроме того, здесь переиначены пропорции мелиоративных и пейоративных оценок по сравнению с экспрессивным лексическим фондом в целом. С чем это связано? Вероятно, не с языком, а с культурой. Древнее, первичное мироощущение человека, осторожность и крайнюю сдержанность по отношению к природе сохраняет наш язык, практически не допуская в своё ядро – лексику – оценочные слова, обозначающие природные явления в субъективно-негативном освещении, а в случае отдельных допущений избегая экспрессивности оценок на лексическом уровне (*непогода, ненастье*). Даже явно нежелательные для человека и влияющие на его жизнедеятельность явления, сопряжённые, конечно, с сильными эмоциональными реакциями, скорее изображаются словом, тая в себе отрицательную оценку, нежели открыто выражают её: непрерывный продолжительный дождь называют *сеножной*, опасное для человека топкое болото – *трясина*, участки земли, непригодные для пахоты, – *неудобье*. Обилием мелиоративных дериватов в языке воздаётся дань благодарности природе; малым количеством и слабым качеством пейоративных дериватов предупреждается её уничижение. Равнодушие

же, продемонстрированное по отношению к луне, месяцу — это равнодушные северного народа, всецело зависящего от солнца и очень мало — от луны.

Имеет ли предел оценочность? И нет, и да. Нет, говорит лингвистическое устройство оценочного поля лексики, способного накрыть всё пространство дескриптивного лексического поля, а также обозначить любой ещё не названный объект. Не всегда, поправляет лингвокультурология, указывая на оценочные лакуны с ментальным основанием. Возможно, их множество — на целую лингвокультурологию лакун. Как, например, назвать отрицательно-оценочно хлеб, который уже не съешь, потому что он испортился, т.е. стал плохим? Нет лексического ответа. Есть слово *хлеб*, его эмоционально-оценочный мелиоративный дериват *хлебушек*, но слова со значением «плохой хлеб» в русском языке — нет.

ЛИТЕРАТУРА

Научные труды

Апресян 1974 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1986 – *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. № 2.

Апресян 1988. – *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Апресян 1995. – *Апресян Ю.Д.* Коннотация как часть прагматики слова // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография М., 1995.

Арнольд 1973 – *Арнольд И.В.* Стилистика английского языка. Л., 1973.

Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

Ахманова 1964 – *Ахманова О.С.* и др. Общее языкознание. М., 1964.

Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.

Блинова 1973 – *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973.

Блинова 2007 – *Блинова О. И.* Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007.

Бойко 2004 – *Бойко В.В.* Энергия эмоций. СПб., 2004.

Бондарко 1967 – *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. Л., 1967.

Вандриес 1937 – *Вандриес Ж.* Язык: лингвистическое введение в историю. М., 1937.

Васильев 1997 – *Васильев Л.М.* Коннотативный компонент языкового значения // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э.В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997.

Верещагин 2005 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 2005.

Винарская 1989 – *Винарская Е.Н.* Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М., 1989.

Виноградов 1972 – *Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1972.

Винокур 1959 – *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Вольф 1978 – *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.

Воркачев 1986 – *Воркачев С.Г.* Нейтральная модальность как оператор в семантике естественного языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1986. № 4.

Воркачев 1992 – *Воркачев С.Г.* Безразличие vs презрение (на материале испанского языка) // Вопр. языкознания. 1992. № 1. С. 79–88.

Воркачев 1998 – *Воркачев С.Г.* Паремиологическая периферия нейтральной оценки в русском и французском языках как характеристика этносемантической личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград 1998.

Воробьев 1996 – *Воробьев В. В.* Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.

Газов-Гинзберг 1965 – *Газов-Гинзберг А. М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.

Голда 1986 – *Голда Л. А., Матвеева Т.В.* Структурно-семантическая классификация лексикализованных повторов русского языка // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1986.

Голев 1977 – *Голев Н.Д.* О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977.

Гольдин 2008 – *Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Русская ассоциативная лексикография. Саратов, 2008.

Городникова 1973 – *Городникова М. Д.* Эмоциональность как лексико-семантическое явление и его отражение в словарях // Романогерманская лексикография. Минск, 1973.

Грайс 1985 – *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В.* Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.

Дементьев 2013 – *Дементьев В.В.* Коммуникативные ценности русской культуры. М., 2013.

Димитрова 1994 – *Димитрова С.* Изразяване на неодобрение, безразличие и презрение // Stylistyczne konfrontacje. Opole, 1994.

Жданова 1983 – *Жданова О. П.* Лексико-грамматические особенности группы глаголов поведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1983.

Жельвис 1997 – *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Журавлев 1982 – *Журавлев А.П.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Звегинцев 1970 – *Звегинцев В. А.* Язык и общественный опыт: (к методологии генеративной лингвистики) // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Звегинцев 1973 – *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. М., 1973

Иванникова 1967 – *Иванникова Е.А.* О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов // Лексическая синонимия. М., 1967.

Ивин 1970 – *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1970.

Калимуллина 2006 – *Калимуллина Л.А.* Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков). Уфа, 2006

Карасик 2007 – *Карасик В.И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.

Карасик 2012 – *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. Волгоград, 2012.

Касарес 1958 – *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958.

Кацнельсон 1965 – *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.–Л., 1965.

Кашевская 1970 – *Кашевская Ю.И.* Из наблюдений над оценочными словами в говоре села Кабанск Бурятской АССР. // Труды Иркут. ун-та, т.73. Сер. языкознания, вып.5, 1970.

Киселева 1978 – *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.

Коготкова 1979 – *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.

Кожина 1993 – *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1993.

Коготкова 1979 – *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.

Комарова 2012 – *Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург, 2012.

Комлев 1969 – *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

- Кронгауз 2001** – *Кронгауз М.А.* Семантика. М., 2001.
- Крысин 2008а** – *Крысин Л.П.* Оценочный компонент семантики иноязычного слова // Л.П. Крысин Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.
- Крысин 2008б** – *Крысин Л.П.* Гипербола в художественном тексте и обыденной речи // Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.
- Кузнецова 1980** – *Кузнецова Э.В.* Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
- Кузнецова 1982** – *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1982.
- Культура ... 1996** – Культура русской речи и эффективность общения. / Отв. ред. Л.К.Граудина, Е.Н.Ширяев. М., 1996.
- Купина 1995** – *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1995.
- Лаврентьева 1977** – *Лаврентьева Н. Б.* О некоторых особенностях категории экспрессивности глагола // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977. Вып. 6.
- Лаптева 1969** – *Лаптева О. А.* Литературный и диалектный устно-разговорный синтаксис // Вопр. языкознания. 1969. № 1.
- Ларин 1974** – *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
- Леонтьев 2002** – *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотивации и эмоций. М., 2002.
- Леонтьев 1977** – *Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.
- Лойфман 1965** – *Лойфман И.Я.* Категория меры и познание природы. Свердловск 1965.
- Лукьянова 1975** – *Лукьянова Н.А.* Образы множества в языке и речи // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 4. Новосибирск, 1975
- Лукьянова 1979** – *Лукьянова Н. А.* Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Новосибирск, 1979.
- Лукьянова 1983** – *Лукьянова Н. А.* О семантике и типах экспрессивных лексических единиц: семантические классы экспрессивов русского языка // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983.
- Лукьянова 1986** – *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
- Лукьянова 1991** – *Лукьянова Н.А.* Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск, 1991.

Лукьянова 2003 – *Лукьянова Н.А.* Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. Новосибирск, 2003.

Лукьянова 2008 – *Лукьянова Н.А.* Функции экспрессивных лексических единиц // Труды по когнитивной лингвистике / Под. ред. М.В. Пименовой. Кемерово, 2008. Вып. 10.

Лукьянова 2012 – *Лукьянова Н.А.* Традиции и новации в изучении русской лексики разговорного дискурса // Русистика. Киев. Вып. 12. 2012.

Матвеева 1979а – *Матвеева Т. В.* Семантические основания экспрессивности глагола (на материале говоров Среднего Урала): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1979

Матвеева 1979б – *Матвеева Т. В.* Парадоксальная внутренняя форма как средство экспрессивности // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 117–123.

Матвеева 1986 – *Матвеева Т.В.* Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.

Матвеева 2012 – *Матвеева Т.В.* Параметрическая семантика и экспрессивность слова // Вестник новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т.11, вып. 9: Филология.

Моисеев 1963 – *Моисеев А. И.* Мотивированность слов // Исследования по грамматике русского языка. Л., 1963.

Мокиенко 1986 – *Мокиенко В.И.* Образы русской речи. Л., 1986.

Мурзин 1996 – *Мурзин Л.Н.* О лингвокультурологии, её содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Никулина 1976 – *Никулина З.П.* О прозвищах со вторым рифмующимся компонентом // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976.

Никулина 1983 – *Никулина З.П.* О некоторых особенностях прозвищ как единиц экспрессивного фонда русской антропонимии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983.

Новиков 1982 – *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982.

Овсянко-Куликовский 1914 – *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собр. сочинений. СПб, 1914.

Панфилов 1977 – *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. М., 1977.

Петрищева 1984 – *Петрищева Е. Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.

Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Плунгян 2000 – *Плунгян В.А.* ‘Быстро’ в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000.

Полянский 1976 – *Полянский А. Н.* Категория интенсивности признака в русском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1978.

Попов 1955 – *Попов А.И.* Из истории славяно-финноугорских лексических отношений // Acta linguistica. Т.5. Budapest, 1955.

Потебня 1976 – *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.

Попова 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Розенфельд 2010 – *Розенфельд М.Я.* Перцептивная составляющая значения слова: проблема универсальности // Универсалии русской литературы. 2 . Воронеж 2010.

Рыжкина 1979 – *Рыжкина О.А.* Предварительные результаты исследования выразительной лексики русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8.

Сергеев 1981 – *Сергеев В.Н.* Зооморфизмы в языке и в словаре // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983.

Селиверстова 2002 – *Селиверстова О.Н.* Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6.

Скляревская 1978 – *Скляревская Г. И.* Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978.

Скляревская 1994 – *Скляревская Г.Н.* Новый академический словарь: Проспект. СПб, 1994.

Скляревская 1995 – *Скляревская Г.Н.* Прагматика и лексикография // Язык - система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Скляревская 1997 – *Скляревская Г. Н.* Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на материале русского языка) / G. N. Skljarevskaja // Оценка в современном русском языке: // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1997. Т. XIV.

Сковородников 1981 – *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. Томск, 1981.

Сковородников 2008 – *Сковородников А.П.* Об элитарном (полнофункциональном) типе речевой культуры и культуре речи. // Мир русского слова. 2008. № 2.

Скорнякова 1962 – *Скорнякова М.Ф.* Лексико-семантические и стилистические особенности моделей названий лица с суффиксами эмоциональной оценки в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.

Солнцев 1977 – *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

Соссюр 1977 – Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Степанов 1973 – *Степанов Ю.С.* Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН СССР. 1973. Сер. литературы и языка. Т. 32. Вып. 4.

Степанов 1981 – *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики: проблема субъекта // Изв. АН СССР. 1981. . Сер. литературы и языка. Т. 40. Вып. 4.

Стернин 1979а – *Стернин И. А.* Эмпирический компонент в значении слова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж 1979.

Стернин 1979б – *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Стернин 1985а – *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Стернин 1985б – *Стернин И. А.* О трех видах экспрессивности слова // *И.А. Стернин.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания: Избранные работы. Воронеж, 2008.

Стернин 2005 – *Стернин И.А.* Структурные компоненты значения слова // Русистика и современность. Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб., 2005.

Стернин 2008 – *Стернин И.А.* О мате по-научному // Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы. Воронеж, 2008.

Степанов 1981 – *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики: проблема субъекта // Изв. АН СССР. 1981. Т. 40, № 4.

Тарасов 1994 – *Тарасов Е.Ф.* Язык и культура: методологические проблемы // Язык – культура – этнос. М., 1994.

Телия 1981 – *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.

Телия 1985 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1985.

Телия 1987 – *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.

Телия 1991а – *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

Телия 1991б – *Телия В.Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Языковые механизмы экспрессивности: коллект. моногр. / отв. ред. В.Н.Телия. М., 1991.

Телия 1995 – *Телия В.Н.* К проблеме связанного значения слов: гипотезы, факты, перспективы // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность.* М., 1995.

Торопцев 1985 – *Торопцев И.С.* Язык и речь. Воронеж, 1985.

Трипольская 1984 – *Трипольская Т. А.* Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1984.

Тынянов 1965 – *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. М., 1965.

Федорова 1970 – *Федорова Н.И.* Характеристика сочетаний согласных в русском языке. Канд. дис. М., 1970.

Филиппов 1978 – *Филиппов А. В.* К проблеме лексической коннотации // *Вопр. языкознания.* 1978. № 1.

Харченко 1976 – *Харченко В. К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // *Рус. язык в школе.* 1976. № 3.

Харченко 1983 – *Харченко В. К.* Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака.* Воронеж, 1983.

Черемисина 1976 – *Черемисина М. И.* Образные значения зоонимов в словарях // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования.* Новосибирск, 1976. – Вып. 5.

Черемисина 1979 – *Черемисина М. И.* Экспрессивный фонд и пути его изучения // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования.* Новосибирск, 1979. Вып. 8.

Шаховский 1983а – *Шаховский В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.

Шаховский 1983б – *Шаховский В. И.* Лексикография и коннотативная семантика // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака.* Воронеж, 1983.

Шаховский 1987 – *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский 1998 – *Шаховский В. И.* Эмоции-мысли в художественной коммуникации как стилистический прием // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты.* Волгоград 1998.

Шаховский 2004 – *Шаховский В. И.* Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // *Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности.* Волгоград, 2004.

Шаховский 2008 – *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Шмелев 1964 – *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Шмелев 1973 – *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Шмелев А. 1973 – *Шмелев А. Д.* «Общие» слова. // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000.

Юрина 2005 – *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск, 2005.

Языки... 1980 – Языки Юго-Восточной Азии: проблемы повторов. М., 1980.

Якобсон 1975 – *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Якубинский 1986 – *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986.

Янко-Триницкая 1968 – *Янко-Триницкая Н.А.* «Штучки-дрючки» устной речи (повторы-отзвучия) // Русская речь, 1968. №.4.

Янценецкая 1977 – *Янценецкая М.Н.* Словообразовательная и лексическая мотивированность слова // Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 4. Томск, 1977.

Словари, справочники, источники материала

АГ-70 – (Академическая грамматика) Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970.

Александрова – *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1975.

Ахманова – *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

БЭС 1998 – Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.

Даль – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1955.

Дуличенко – *Дуличенко Л.В.* Словарь обидных слов. Тарту, 2000.

ЖР – Живая речь уральского города: Тексты / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1995.

ЖРУГ – Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия» / сост. И.В. Шалина. Екатеринбург, 2011.

КРР – Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М., 2003.

Меликян – *Меликян В.Ю.* Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001.

Мокиенко 1998 – Мокиенко В.И., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб 1998.

Москвин 2006 – Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. Терминологический словарь. М., 2006.

ОШ – Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

РГ-80 – Русская грамматика. В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.

РЯЭ 1997– Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.

Смирнов – Смирнов Г.С. Словарь бабы Нюры. Киров, 2011.

СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1986.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. / Гл. ред. А.К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Л., М.; СПб., 1965–2002. Вып. 1–37.

СРЯ-4 – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд.: М., 1981–1984.

СС – Словарь синонимов / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1975.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А.М. Бабкина и др. М., Л., 1948-1965.

СЭ – Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожиной. – М., 2003.

Тихонов – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М., 1985.

ТСА – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. М., 2006.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008.

ФС – Фразеологический словарь русского языка. М., 1968.

ЭСВС – Энциклопедический словарь-справочник: Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

ЭРО – Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2012.

Список сокращений

Башк. - башкирское
Бран. – бранное
Возмущ. – возмущённо
Высок. – высокое
Груб. - грубое
Груб. прост. – грубо просторечное
Диал. – диалектное
Ирон. – ироническое
Ласк. – ласковое
Ласк.-фам. – ласково-фамильярное
ЛСВ — лексико-семантический вариант
ЛСГ – лексико-семантическая группа
Насм. – насмешливое
Неодобр. – неодобрительное
Посл. – пословица
Пренебр. – пренебрежительное
Презр. – презрительное
Прост. – просторечное
Разг. – разговорное
Уваж. – уважительное
Укор. – укоризненное